

Министерство образования и науки Российской Федерации
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОЛИТИКА РОССИИ НА КАВКАЗЕ В ПРОШЛОМ
И НАСТОЯЩЕМ: ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ БАЗА,
ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ
ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ

Материалы Всероссийской научно-практической
конференции

Краснодар, 12 октября 2013 г.

Краснодар
2013

УДК 94:323(470+571) (479)
ББК 66.3 (2 Рос): 63.3(2) (531)
П 504

Редколлегия:

А.Г. Иванов доктор исторических наук, профессор (отв. редактор),
Э.Г. Вартамян, доктор исторических наук, профессор,
О.В. Матвеев, доктор исторических наук, профессор

П 504 Политика России на Кавказе в прошлом и настоящем: документальная база, интерпретации и противодействие фальсификации истории: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2013. 238 с. 500 экз. ISBN 978-5-8209-0921-4

В издание вошли материалы Всероссийской научно-практической конференции, организованной кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений Кубанского государственного университета. Учёными из Краснодара, Витебска, Москвы, Ростова-на-Дону, Ставрополя, Курска, Пятигорска, Армавира, Майкопа, Назрани рассматриваются проблемы вхождения Северного Кавказа и Закавказья в состав России, вопросы историографии и источниковедения, дискуссионные проблемы истории региона, современное состояние отношений между Россией и государствами Закавказья и др.

Адресуются студентам, преподавателям, научным работникам, сотрудникам учреждений образования и науки.

Исследование проведено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках реализации мероприятий ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России за 2009–2013 гг.» по теме «Политика России на Кавказе в прошлом и настоящем: документальная база, интерпретации и противодействие фальсификации истории» (Соглашение 14.В37.21.0966)

УДК 94:323(470+571) (479)
ББК 66.3 (2 Рос): 63.3(2) (531)

ISBN 978-5-8209-0921-4

© Кубанский государственный
университет, 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

В определении векторов кавказской политики России многое зависит от интерпретаций её прошлого и настоящего, учёта уникального исторического опыта, накопленного страной. В то же время стоит проблема критики и противодействия фальсификации этого опыта, имеющей место как в российской, так и зарубежной историографии.

После распада Советского Союза у народов, проживающих на постсоветском пространстве, появилась потребность в изучении своей истории. Исследование и популяризация объективных данных, основанных на документальных материалах истории кавказской политики России, представляет собой настоящую задачу кавказоведения и истории международных отношений и поможет противодействовать фальсификации политики России на Кавказе. Эта проблема тем более актуальна, поскольку нестабильность на Кавказе является серьёзным источником беспокойства для России и государств Евразийского региона.

В представленных материалах рассматриваются актуальные проблемы политики России на Кавказе, дается интерпретация документов и анализируются исторические исследования по данной тематике, их объективная оценка.

Издание состоит из трёх разделов, сформированных по проблемно-хронологическому принципу. Хронологические рамки исследуемых проблем – XVIII – начало XXI в.

Первый раздел «Вхождение Закавказья и Северного Кавказа в состав России: проблемы историографии» представлен статьями, в которых анализируются исторические исследования отечественных и зарубежных авторов, затрагивающие дискуссионные проблемы, болевые точки присоединения Закавказья и Северного Кавказа к России, предлагаются новые трактовки и оценки политики России на Кавказе, рассматриваются сюжеты Кавказской войны, «черкесский вопрос» в современном историческом дискурсе, стратегия исторического примирения, поднимаются вопросы исторической памяти и др.

Второй раздел «Политика России на Кавказе в XIX – первой половине XX в.: документальная база и оценки» посвящён методам российской политики на Северном Кавказе, деятельности Русской православной церкви и проблеме религиозного самоопределения в регионе, Кавказской туземной конной дивизии, этническим аспектам государственной политики по управлению миграциями и их оценке в исторической литературе.

В третьем разделе «Северный и Южный Кавказ в конце XX–начале XXI в. в контексте региональной безопасности» анализируются проблемы взаимодействия России и государств Южного Кавказа, приводятся материалы экспертных опросов по политике России на Кавказе в начале XXI в., освещаются политико-правовой и социологический аспекты изучения Северного Кавказа, национальные интересы России на Южном Кавказе в условиях глобализации, отношения с сопредельными государствами, региональные проблемы безопасности и др.

Статьи основаны на большом документальном материале, что обеспечивает объективную оценку событий рассматриваемого периода. Надеемся, что сборник поможет читателям адекватно оценить политику России на Кавказе в прошлом и настоящем.

Материалы сборника имеют междисциплинарный характер, представлены статьями по истории, политологии, социологии, международным отношениям.

Авторы не претендуют на исчерпывающий анализ заявленных проблем, так как они требуют дальнейшего осмысления.

Э.Г. Вартаньян

1. ВХОЖДЕНИЕ ЗАКАВКАЗЬЯ И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В СОСТАВ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Вартаньян Э.Г. (г. Краснодар)

ВХОЖДЕНИЕ ЗАКАВКАЗЬЯ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ¹

Проблема вхождения Закавказья в состав Российской империи породила много дискуссий в исторической литературе. Существует богатая историография, посвященная событиям вхождения народов Закавказья в состав Российской империи, в которой большинство авторов подчёркивает добровольность их присоединения к России. При всём обличительном характере царизма в советской историографии, большинство исследователей рассматривало процесс вхождения Закавказья в состав России благом для народов, томившихся под национальным и религиозным гнѐтом султанской Турции и шахского Ирана. Но даже в тот период некоторые историки называли факт вхождения Закавказья в состав Российской империи насильственным, оценивали его как колониальное порабощение сопредельных народов царизмом. В постсоветский период, когда началась ломка старой и создание новой историографической парадигмы в освещении тех или иных исторических событий, эта тенденция усилилась. Сейчас историки ряда закавказских республик заново переписывают историю и пытаются её трактовать в угоду своим политическим амбициям. Особенно рельефно влияние политической конъюнктуры отразилось на исторической мысли независимых Грузии и Азербайджана, в которой, в частности, факт вхождения этих территорий в состав Российской империи стал оцениваться

¹ Статья написана при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках реализации мероприятий ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы по теме «Политика России на Кавказе в прошлом и настоящем: документальная база, интерпретации и противодействие фальсификации истории» (Соглашение 14.В37.21.0966).

как оккупация и завоевание. В принципе, процесс смены историографических парадигм можно считать закономерным, но только при условии, что если ему в жертву не приносятся принципы историзма и объективности, а также, если новая интерпретация исторических событий действительно адекватна известным историческим фактам. Обратимся к ключевым вопросам отношений между народами Закавказья и Российской империи в контексте рассматриваемой проблемы, что представляет большой научный, политический и практический интерес. Анализ проблемы на документальной основе позволит, на наш взгляд, объективно оценить события исторического прошлого.

Россия как значительная политическая сила, появляется в регионе Закавказья к середине XVI в., когда здесь стал складываться геополитический треугольник, вершинами которого стали Россия, Турция и Иран, а в центре в качестве яблока раздора оказался Кавказ. Но обратимся к событиям XVIII в. Первая реальная попытка России вмешаться в политические дела Закавказья относится ко времени Петра I. Предпринятый в 1721 г. Каспийский (Персидский) поход продемонстрировал, что у Турции и Ирана появился на Кавказе мощный соперник. В это время Персия переживала очередной период внутренней смуты. Возникла угроза появления у Каспия турецких войск. Этого русское правительство, дорожившее свободным доступом к торговым путям, проходившим через Иран и Закавказье, не могло допустить. В поисках союзников, Петр I в 1721 г. вступил в переговоры с картлийским царем Вахтангом VI. Царь оказался перед сложным выбором, либо выполнить долг вассала перед персидским шахом, призывавшим грузинского царя оказать ему помощь в борьбе с афганскими войсками, либо поддержать Персидский поход российского императора. Выбор был сделан в пользу единой России. Картлийский царь Вахтанг VI, в результате дипломатических сношений с петровским дипломатом А.П. Волынским, в 1721 г. заявил о своей готовности верой и правдой служить России [1].

Для успешного решения своей основной задачи – закрепления позиций России на Каспийском побережье и

организации защиты его от посягательств Турции, Пётр I использовал освободительное движение народов Закавказья против султанской Турции и шахского Ирана. В планах русского правительства не последнее место отводилось вооружённой борьбе армянского и грузинского народов. Русская ориентация армянского освободительного движения, направленного против османского и персидского гнёта, нашла отражение в общественной мысли Армении и России. Историограф Петра I И. Голиков, затрагивая вопрос об обращении армянского народа за помощью к России, чётко формулировал тезис о покровительстве Россией армянского освободительного движения и выражал сожаление по поводу того, что планы Петра I в отношении Армении не удалось довести до конца [2]. Пётр I надеялся на помощь армян и грузин в своём Персидском походе, считая их своими надёжными союзниками. Об этом свидетельствуют материалы посольства А.П. Волынского в Персию (1715–1718). На миссию А.П. Волынского, в частности, возлагалась задача собрать сведения о положении армян и других христианских народов в Персии, об отношении армянской знати к русским с целью привлечения их на сторону России во время похода [3]. Учитывался и тот факт, что армяне и грузины, благодаря своим высоким боевым качествам, выносливости в привычных климатических условиях, в Персидском походе Петра I могли бы оказать русским войскам реальную поддержку. Это обстоятельство подтверждается письмом армянского католика Есаи Петру I: «Мы и весь народ армянский ... от искреннего сердца ... всею мыслию и чистою совестью по означенной нам воли вашей и обещанию, под державу вашего величества поклониться желаем» [4].

В 1723 г. в Петербурге был заключён договор России с Персией, по которому Пётр I обязывался оказать персидскому шаху военную помощь, взамен Иран соглашался уступить России Прикаспийские провинции [5]. Прекращение Персидского похода и возвращение Петра I в Астрахань поставило деятелей армянского и грузинского освободительного движения в тяжёлое положение, они фактически оставались беззащитными перед лицом турецкой агрессии. Армянские исследователи Ж.А.Ананян

и В.М. Мартиросян пишут о том, что к Петру I то и дело посылались просьбы армян и грузин об оказании помощи, особенно весной 1723 г. [6].

Известный российский историк П. Сумароков, показывая тяжёлые условия жизни армянского народа под турецким игом, отмечал его тяготение к России и высоко оценивал хозяйственную и культурную деятельность переселенцев-армян из Крыма в пределы Российской империи [7].

Неоднозначно оценивается история взаимоотношений России с Грузией в начале XIX в., вокруг которых до сих пор идут споры и дискуссии. Активизация завоевательной политики Турции и Персии, постоянные набеги горцев с севера, междоусобица феодалов – всё это побудило Картли-Кахетинского царя Ираклия II искать поддержку у России. Если прежде грузинские цари обращались к России в основном за военной помощью, то теперь этого было недостаточно. Ираклий II, дальновидный государственный деятель, понимал, что единственным спасением Грузии может стать принятие её «под верховную власть Российской державы», пишет исследователь Г.А. Галоян [8]. Именно с такой просьбой Ираклий II обратился к Екатерине II в 1782 г. 29 декабря 1782 г. Екатерина II поручила князю Г.А. Потёмкину заключить договор с грузинским царём.

Непосредственным результатом, с одной стороны, активизации политики России на Кавказе, с другой, – стремления Грузии к избавлению от турецко-иранской опасности, явился договор о вступлении Восточной Грузии под покровительство России, заключённый 24 июля 1783 г. в Георгиевской крепости. Георгиевский трактат носил характер договора о союзе и протекторате. Первый пункт трактата (он состоял из 13 пунктов) гласил: «Царь карталинский и кахетинский именем своим, наследников и преемников своих, навсегда отрицается от всякого вассальства или, под каким бы то титулом не было, от всякой зависимости от Персии или иной державы, и не признаёт над собою и преемниками иного самодержавия, кроме верховной власти и покровительства монархов всероссийских, обещая престолу всероссийскому верность и готовность

способствовать пользе государства во всяком случае, где от него то требуется будет» [9]. Россия гарантировала целостность территории Грузии. Освобождённые территории Грузии передавались под владение грузинского царя, но он лишался права поддерживать дипломатические отношения с другими государствами без ведома русского правительства. Согласно секретным статьям трактата Россия обязалась в мирное время содержать в Грузии два батальона пехоты с четырьмя пушками, в случае войны увеличивать численность своих войск, а при использовании военных сил Грузии за её пределами расходы на их содержание брать на себя. Договор носил характер декларации, назывался «дружественным» и утверждал вступление суверенного Картли-Кахетинского царства под покровительство Российской империи [10].

Поскольку договор был заключен между двумя государствами, то он, естественно, являлся международным актом. К тому же значение договора выходило за рамки Восточной Грузии и приобретало общекавказский масштаб. В результате подписания Георгиевского трактата Россия беспрепятственно переступала через Кавказский хребет и в лице Восточной Грузии получала прочный плацдарм в Закавказье. Добровольное вступление под покровительство России Картли-Кахетинского царства с международно-правовой точки зрения делало законным участие России в грузинских делах. Ставя перед собой цель завоевания новых территорий и расширение сферы своего влияния, русские цари умело пользовались стремлением народов Закавказья к заключению союза с Россией во имя освобождения от турецко-иранской агрессии, отмечает Г.Г. Пайчадзе [11]. Интересно в этом контексте исследование известного грузинского историка, дипломата, политического деятеля З.Д. Авалова, который в 1901 г., в связи со 100-летней годовщиной объединения Грузии с Россией, издал в Санкт-Петербурге историко-юридический очерк «Присоединение Грузии к России» (дополнено и переиздано в Санкт-Петербурге 2009 г.). В предисловии к работе автор отмечает неправомерность с юридической точки зрения акта о присоединении Грузии к России, подчёркивая при этом его

важность для грузинского народа: «Присоединение Грузии к России было политическим событием первостепенной важности. Именно со времён этого присоединения Россия становится на путь, который может быть, приведёт её к берегам Персидского залива Россия в Грузии не имела никаких экономических интересов, не могла её привлекать и в видах “исправления границ”, но сама Грузия нуждалась в помощи России» [12].

Общественные деятели Армении, разрабатывая планы освобождения своей страны от ига османов и персов, восстановления её государственности, всегда исходили из необходимости единства действий армянского и грузинского народов и придавали исключительное значение их связям с Россией. В частности, известный армянский общественный деятель Ш. Шаамирян, возглавлявший в 1770-х–1790-х гг. в Мадрасе армянский патриотический кружок, ставивший своей целью освобождение Армении от турецкого и иранского гнёта, с радостью встретил весть о подписании Георгиевского трактата и прислал Картли-Кахетинскому царю Ираклию II проект грузино-армянского государственного герба [13]. В армянской историографии отмечается, что руководители армянского освободительного движения полагали, что самостоятельная Армения не могла бы отразить натиски многочисленных врагов, поэтому проектировали создание грузинско-армянского государства под протекторатом России [14].

Как только весть о подписании Георгиевского трактата стала известна в Азербайджане и Дагестане, некоторые местные владельцы стали обращаться к России с просьбой о принятии их под своё покровительство. Среди них были Фатали-хан кубинский (из азербайджанских ханств), который в 1787 г. заключил договор с грузинским царем Ираклием II, направленный против иранской агрессии [15]. Из дагестанских ханов изъявили желание воссоединиться с Россией Муртуз-али, Умма-хан, Кайтага и др.[16]. Таким образом, вступление Восточной Грузии под покровительство России всколыхнуло весь Кавказ, вселяя надежду на спасение покорённых народов от турецко-иранской агрессии и вызывая противодействие со стороны Ирана и Турции, позиция которых в Закавказье была

ослаблена. Акт о вступлении Грузии под покровительство России был оценён европейскими государствами как триумф русской дипломатии на Востоке.

Несомненно, присоединение Грузии было выгодно и России. Интересное мнение на этот счёт представляет российский исследователь XIX в. Н.Ф. Дубровин, который считает, что с присоединением Грузии, во-первых, обеспечивалась Кавказская линия обузданием горских народов с двух сторон, во-вторых, присоединялась страна, «обильная произведениями природы», в-третьих, расширялась торговля России с Персией и Индией, в-четвёртых, «в случае разрыва с Турцией..., если же бы турки успели занять Грузию прежде нас [России], тогда могли подвергаться опасности, как Кавказская линия, так и самый Крым» [17]. Именно политические и экономические интересы России определили политику её правящих кругов по отношению к Грузии. Совершенно очевидно политическое лицемерие Александра I, когда он заявил, что «не для России присоединяется сей народ [грузинский] к империи, но собственно для него, что не наших польз мы в сём ищем, но единственно его покоя и безопасности...» [18]. Заключение договора с Грузией отвечало интересам восточной политики России, направленной на полное вытеснение турок и персов из Закавказья.

Политика России в Закавказье после заключения Георгиевского трактата предусматривала также восстановление армянской государственности в Восточной Армении под протекторатом России. Заметно оживились русско-армянские отношения [19]. Проблема армянской государственности в 1780-х гг. неоднократно обсуждалась совместно российскими государственными деятелями и представителями армянского освободительного движения. Появились даже проекты договоров между Россией и будущим армянским государством, к которому, при благоприятном стечении обстоятельств, могла бы быть присоединена Западная Армения [20]. Это вызывало огромный энтузиазм проживавших в Картли-Кахетии армян, тесно связанных многочисленными узами с родиной, вдохновлённых перспективой восстановления национальной государственности. Армяне, составляя почти пятую часть населения Картли-Кахетии,

полностью примкнули к сторонникам перехода Грузии под покровительство России, пишет исследователь В.М. Мартиросян [21]. Армянское население Картли-Кахетии всё более убеждалось в том, что только Россия в состоянии будет освободить Грузию и Армению от турецко-персидского ига. Последовательными приверженцами русской ориентации были высокопоставленные должностные лица при дворе Ираклия II – С. Туманян, И. Аргунтинский (Овсеп Аргунтян), И. Бебутян, И. Корганян и др. Деятельность архиепископа Иосифа Аргунтинского в аспекте армяно-русских отношений достаточно освещена и ей дана соответствующая оценка в историографии. Меньше изучена его роль в русско-грузинских и армяно-грузинских отношениях. О деятельном участии И. Аргунтинского в заключении Георгиевского трактата имеется ряд свидетельств, в частности, одно из его писем, адресованное Ивану (Ованесу) Лазареву, основателю Института восточных языков в Москве в 1816 г.: «Павел Сергеевич Потёмкин по делу грузин опять попросил меня ехать туда по случаю приезда их [грузинских] послов, и я поехал к нему, улажено было дело грузин, обе стороны подписали договор, и они [грузинские послы], взяв договор уехали и навсегда грузины ошастливились» [22]. Исследовательница О.П. Маркова отмечает, что «в круг кавказских дел вводил Г.А. и П.С. Потёмкиных архиепископ Иосиф Аргунтинский, в частности, по просьбе Г.А. Потёмкина он сопровождал П.С. Потёмкина в его штаб-квартиру» [23], которая находилась в Георгиевске. В этом контексте исследователь Н.Г. Тарсаидзе обоснованно считает, что армянский архиепископ способствовал заключению договора 1783 г. между Россией и Грузией [24]. Л. Алексидзе подчёркивает, что Георгиевский договор был «объективно прогрессивным явлением..., был призван положить конец физическому уничтожению грузин» [25]. Ф. Махарадзе же понимая, что у Грузии иного пути, кроме присоединения к России в тот период не существовало, не согласен с утвердившейся в историографии трактовкой «добровольного присоединения», считая его насильственным актом, при этом, никак не обосновывая своё заключение [26].

В 1801 г. Грузия присоединилась в России, что спасло её от окончательного поглощения шахским Ираном и султанской Турцией и дало более широкую возможность развития производительных сил и культуры. После этого в Закавказских ханствах, не связанных органически с экономикой и культурой Ирана и подвергавшихся его безжалостному грабежу и угнетению, усилились тенденции к переходу в русское подданство. Борьба царской России и шахского Ирана за обладание территорией Закавказья привела к первой Русско-иранской войне 1804–1813 г., закончившейся победой России и подписанием Гюлистанского мирного договора. По договору Иран отказался от притязаний на Дагестан, Грузию и Северный Азербайджан. Третий пункт договора гласил, что шах «в доказательство искренней приязни своей» торжественно признал «принадлежащими в собственность Российской империи ханства: Карабагское и Ганджинское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское и Талышское с теми землями его ханства, кои ныне состоят во власти Российской империи. При том весь Дагестан с Шурагельской провинцией, Имеретия, Гурия, Мингрелия и Абхазия, равным образом все владения и земли, находящиеся между постановленною ныне границею и Кавказскою линиею, с прикосновенными в сей последней и к Каспийскому морю землями и народами» [27]. Россия получала исключительное право иметь военный флот в Каспийском море, что было направлено против возможных попыток Англии или Франции использовать Каспийское море как плацдарм против России. Устанавливалось и право свободного въезда и торговли для русских купцов в Иране, а для иранских – в России, а также таможенные пошлины в размере 5% на ввозимые товары [28]. В ряде работ современных азербайджанских авторов факт присоединения Северного Азербайджана к Российской империи считается результатом колониальной политики царского самодержавия [29]. Объективности ради надо отметить, что азербайджанский народ не подвергался религиозному гнёту шахского Ирана, в отличие от армян и грузин, поскольку имеет единое с персами вероисповедание – ислам шиитского толка. Однако, поскольку Персия только с воцарением Каджаров стала

объединяться, всё ещё сильна была там власть кочевой верхушки, процесс централизации государства не был завершён полностью, то возможностей для более стабильного социо-культурного и политического развития у народов Северного Азербайджана в составе России было больше.

В июле 1826 г. шахские войска, внезапно напав на русских, начали вторую Русско-иранскую войну с целью пересмотра Гюлистанского договора. Во многих документах отмечается большая помощь местных жителей русскому командованию. В тыл противника на разведку ходили армяне, азербайджанцы, грузины, о чём имеются сведения в рапортах российских военачальников. Армянский епархиальный архиепископ Нерсес Аштаракечи присутствовал во время походов в русских полках, нельзя не отметить его выдающуюся роль в освободительном движении армянского народа [30]. Но и эта война была неудачной для Ирана. Русские войска разгромили шахские войска. 10 февраля 1828 г. был подписан Туркманчайский мирный договор, завершивший русско-иранские войны и присоединение к России Грузии, Северного Азербайджана и Восточной Армении. Этим договором граница между Ираном и Россией устанавливалась в основном по реке Аракс. Восточная Армения вошла в состав России. Великий армянский просветитель Хачатур Абовян писал: «...Могут миры столкнуться с мирами, народы могут придти и исчезнуть, но пока у армянина есть дыхание и язык, как может он забыть тот многорадостный час, когда русские вошли в крепость [Эривань], чтобы отпраздновать день освобождения армянской страны» [31]. По Туркманчайскому договору на Иран была возложена контрибуция в размере 20 млн. руб., подтверждались исключительные права России иметь военный флот в Каспийском море. Статья 13 Туркманчайского договора, составленного А. Грибоедовым, предполагала обмен подданными и военнопленными: «Все военнопленные обеих сторон, взятые в продолжении последней войны или прежде, а равно подданные обеих Правительств, взаимно впадшие когда-либо в плен, должны быть освобождены и возвращены в течение четырёх месяцев...» [32]. А. Грибоедов, великий гуманист, горячо

поддерживал идею освобождения армянского народа от ига турецких и персидских поработителей [33]. Говоря о переселении армян, генерал-майор А. Чавчавадзе писал: «Известно всем, что сильный перевес нашего оружия и заключение блистательного мира с Персиянами открыли путь к сему переселению, приуготовленному деспотизмом Персидского правительства ... Со дня занятия нами Азербайджана, каждый Армянин молил Бога, чтобы сей край остался навсегда под державою России; со дня оставления онаго нашими войсками, каждый из них был готов следовать за оными» [34].

Азербайджанцам и армянам, жившим на территории, оставшейся за Ираном, разрешалось в течение года переходить со своим имуществом в пределы России. Этим правом воспользовалось около 90 тыс. армян. Примерно около 75 тыс. армян из армянских провинций, оставшихся по Адрианопольскому договору 1829 г. за Турцией, переселилось в отошедшие к России армянские земли [35]. В армянской историографии факт присоединения Восточной Армении к России оценивается однозначно как важное событие в истории народа, избавившее его от угрозы физического уничтожения. Армянский народ благодаря вхождению в состав Российской империи получил большие возможности для политического, экономического и культурного развития.

Итак, в связи с переходом в состав России Грузии, Имеретии, Менгрелии, Гурии и других областей Закавказья, включая ханства Эриванское и Нахичеванское, была установлена новая русско-турецкая граница. Город Ахалцах и крепость Ахалкалаки отошли к России, но большая часть Ахалцихского пашалыка, равно как и Карский, Трапезундский, Баязидский и Эрзурумский пашалыки, занятые во время Русско-турецкой войны 1827–1829 гг., были возвращены Турции. Кавказский берег Чёрного моря от устья Кубани до пристани Св. Николая (около Поти) включительно переходил к России, однако фактически это побережье было занято только в результате новых военных действий.

Таким образом, в результате двух русско-иранских войн первой трети XIX в. в состав Российской империи вошли Восточная Грузия, Восточная Армения и Северный Азербайджан.

Так, к 30-м гг. XIX в. получила завершение политика России, направленная на присоединение Закавказья, встретившая сочувствие закавказских народов, разоряемых бесконечными войнами и подвергшихся опасности полного истребления. Лишь некоторые представители господствующих классов, боявшиеся потерять свои феодальные права и привилегии на эксплуатацию населения, были недовольны совершившейся переменой. Значительная часть народов Грузии, Армении и Азербайджана получила возможность социального обновления и национального развития.

Из изложенного можно сделать вывод о том, что несмотря на захватнический характер политики царизма, присоединение Закавказья к России в конце XVIII – первой трети XIX в. произошло в результате добровольного волеизъявления правителей княжеств и народов региона, стремившихся спастись от религиозного и национального гнёта Персии и османской Турции. Несомненно, царское правительство использовало стремление народов Закавказья к объединению с Россией в своих геополитических устремлениях в русле расширения сферы влияния царизма на юге. Однако фактов, доказывающих вооружённое сопротивление народов Закавказья России нет, но есть бесчисленные примеры, демонстрирующие обратное. Независимо от целей царского правительства объективно присоединение закавказских народов к России имело прогрессивное значение, т.к. положило конец опустошительным иноземным нашествиям и феодальной раздробленности. Народы Закавказья имели древнюю культуру. Россия способствовала возрождению и развитию их культуры, взаимообогащению культур русского и закавказских народов.

Примечания

1. *Лыцзов В.П.* Персидский поход Петра I. 1722 –1723. М., 1951. С. 220.

2. *Хачатрян Р.Г.* Русская историческая мысль XVIII в. и русская ориентация армянского освободительного движения // Из истории вековой дружбы. Ереван, 1983. С. 49.
3. Посольство Артемия Волынского в Персию // Известия АН СССР. Серия история и философия. Т. 5. 1948. № 6. С. 528–539; *Тер-Авакимова С.А.* Армяно-русские связи по материалам журнала посланника А.П. Волынского // Из истории вековой дружбы. Ереван, 1983. С. 53.
4. *Эзов Г.А.* Сношения Петра Великого с армянским народом. Документы. СПб, 1898. С. 315.
5. Армяно-турецкие отношения в первой трети XVIII в. Сб. документов. Т. 2, ч. 1. Ереван, 1964. Док. 260.
6. *Ананян Ж.А., Мартиросян В.М.* Россия и освободительная борьба армянского народа в 20-х гг. XVIII в. // Из истории вековой дружбы. Ереван, 1983. С. 67.
7. *Сумароков П.* Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г. М., 1800.
8. *Галоян Г.А.* Россия и народы Закавказья. М., 1976. С. 102.
9. Договор о признании царём Карталинским и Кахетинским Ираклием II покровительства и верховной власти России (Георгиевский трактат) 24 июня 1783 г. // Под стягом России: Сборник архивных документов. М., 1992. С. 238.
10. Договор о признании царём Карталинским и Кахетинским Ираклием II покровительства и верховной власти России (Георгиевский трактат) 24 июня 1783 г. // Под стягом России: Сборник архивных документов. М., 1992. С. 238–247.
11. *Пайчадзе Г.Г.* Историческое значение Георгиевского трактата // Из истории вековой дружбы. Ереван, 1983. С. 78.
12. *Авалов З.Д.* Присоединение Грузии к России. СПб., 2009. С. 4.
13. *Пайчадзе Г.Г.* Указ. соч. С. 79.
14. *Галоян Г.А.* Россия и народы Закавказья. М., 1976. С. 104–105.
15. История Азербайджана. Т. 1. Баку, 1958; *Абдуллаев Г.Б.* Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения его в Россией. Баку, 1965.
16. *Гаджиев В.Г.* Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 147–148.
17. *Дубровин Н.* Георгий XII, последний царь Грузии и присоединение её к России. СПб, 1867. С. 210–211.
18. *Галоян Г.А.* Россия и народы Закавказья. М., 1976. С. 118–119.
19. *Иоаннисян А.Р.* Россия и армянское освободительное движение. Ереван, 1947. С. 167.
20. *Нерсисян М.Г.* Из истории русско-армянских отношений. Кн. 1. Ереван, 1956.
21. *Мартиросян В.М.* Георгиевский договор 1783 г. и армяне // Из истории вековой дружбы. Ереван, 1983. С. 87.
22. *Маркова О.П.* Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966. С. 167–168.
23. *Маркова О.П.* Указ. соч. С. 165.
24. *Тарсаидзе Н.Г.* Исторические этюды. Тбилиси, 1972. С. 41.
25. *Алексидзе Л.* Взаимоотношения Грузии с Россией в XVI–XVIII вв. (международно-правовое исследование) // Труды Тбилисского государственного университета. Т. 94. Тбилиси, 1963. С. 91.
26. *Махарадзе Ф.* Грузия в девятнадцатом столетии. Тифлис, 1933. С. 9.
27. Трактат, заключённый в Гюлистане 12 октября 1813 г. // Новая история Ирана. Хрестоматия. М., 1988. С. 72–74.
28. Трактат, заключённый в Гюлистане 12 октября 1813 г. // Новая история Ирана. Хрестоматия. М., 1988. С. 72–74.

29. *Абдуллаев Мехман Гахраман оглы.* Аспекты колониальной политики Российской империи в Северном Азербайджане (первые десятилетия XIX в.) URL: <http://gisar.eu/ru/node/952> (Дата обращения: 30.04. 2013).

30. *Глинка С.* Обзор истории армянского народа. М., 1832. С. 257.

31. *Абовян Х.* Раны Армении. Ереван, 1971. С. 262–265.

32. Трактат, заключённый в Туркманчае 10 февраля 1828 г. // Новая история Ирана. Хрестоматия. М., 1988. С. 76.

33. *Вартаньян Э.Г.* Александр Сергеевич Грибоедов и политика царского правительства на Востоке // «И Божья благодать сошла...» К 140-летию со дня рождения Государя Императора Николая II и 90-летию Дворянского Собрания Кубани. Краснодар, 2008. С. 88–99.

34. *Парсамян В.А.* А.С. Грибоедов и переселение армян // Из истории вековой дружбы. Ереван, 1983. С. 139.

35. *Смирнов И.А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958. С. 180.

Хут Л.Р. (г. Майкон)

ВХОЖДЕНИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В СОСТАВ РОССИИ В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (субъективные заметки)

«Модная» в контексте современного российского профессионально-исторического дискурса тема *исторической политики* может быть рассмотрена с разных сторон. Как справедливо отмечается исследователями, сегодня интерес к данной проблеме смещается в сторону *акторов, институтов и методов* этой политики [1]. В числе индивидуальных и коллективных акторов исторической политики в России и историки из державно-патриотического лагеря, и разного рода «институты стратегических исследований» во главе с людьми в погонах, одновременно имеющими ученые степени кандидатов и докторов исторических наук. Меня в данном контексте, прежде всего, волнует вопрос о месте и роли профессиональной историографии в этом наборе практик, с помощью которых находящиеся у власти политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие [2].

В среде исследователей исторической политики принято мыслить ее исключительно как набор практик *недобросовестных* историков. Подмеченная, очевидно, не только мной особенность: из двух векторов историографии – патриотического и рефлексирующего – условные «патриоты» выступают как участвующий *субъект* исторической политики, т.е. именно на них, прежде всего, рассчитывает власть при конструировании «удобного» прошлого. Что касается «рефлексирующих», то они по преимуществу предпочитают рассматривать историческую политику в качестве *объекта* своего исследовательского анализа. Значит ли это, что исследователь, которому ближе вектор рефлексирующей, а не патриотически-державной историографии, категорически не должен участвовать в процессе формирования исторической политики? Мол, зачем пачкать свои белые перчатки профессионала? Позиция неучастия, возможно, не самая худшая из возможных. Но тогда возникает новый вопрос: в чем общественно полезная функция истории? Или то, чем мы, историки, занимаемся, – это своего рода хобби выше всего ценящих пространство своей индивидуальной профессиональной свободы личностей?

Одной из болевых точек современной России является Северный Кавказ. Диапазон умонастроений россиян на уровне массового общественного сознания, формируемого СМИ, чрезвычайно широк. От «нет Северного Кавказа – есть южная Россия!» до «хватит кормить Кавказ!» и вообще «Кавказ, goodbye!» Если внимание к этому региону еще несколько лет назад было привлечено в связи с трагическими событиями двух чеченских войн, то сегодня на первый план вышел «черкесский вопрос», который активно дискутируется в связи с предстоящей Олимпиадой Сочи-2014.

Как отмечает старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований РАН, кавказовед Н.А. Нефляшева, ни в научной литературе, ни в документах общественных организаций адыгов (черкесов) РФ (Адыгэ Хасэ, Черкесского конгресса и др.) и Международной Черкесской Ассоциации (МЧА), «формирующих смыслы «черкесского вопроса», нет его определения, но при этом с 1990-

х гг. неизменно присутствуют три темы: необходимость осмысления характера и последствий военных действий Российской империи в ходе Кавказской войны как геноцида по отношению к коренному населению – адыгам (черкесам); юридическое обеспечение возможности репатриации адыгов диаспоры на историческую родину; в долгосрочной перспективе – возможность объединения части территорий трех субъектов РФ - Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, а также территории, населенной шапсугами Причерноморья, в единый субъект – Черкесию – в рамках Российской Федерации [3].

Как можно заключить из сказанного, звеньями одной цепи в этой связке предстают одновременно несколько проблем. Во-первых, проблема вхождения Северного Кавказа в состав России, а точнее – проблема Кавказской войны, пожалуй, самого болезненного «места памяти» черкесов, по поводу которого ведутся многолетние непрекращающиеся дискуссии, острота которых даже способствовала появлению понятия «Кавказская война историографий» [4], ввиду непримиримости позиций участвующих в ней сторон. Крайне политизированная на рубеже XX-XXI вв. «Кавказская война историографий» и ее логические следствия - «война конференций» и «война памятников» породили многочисленные метаморфозы самого понятия «Кавказская война», которую, в зависимости от занимаемых позиций, стали именовать либо «Большой Кавказской», «Великой Кавказской», либо «Русско-Кавказской», «Горско-Кавказской», «Русско-Черкесской (Адыгской)», либо «так называемой Кавказской войной». Во-вторых, это массовый исход большей части черкесского этноса за пределы исторической родины, известный под названием «махаджирства», на завершающем этапе войны, и появление проблемы «геноцида черкесов» («адыгэм я лъэпкъгъэкIуэд»). Вообще «парад геноцидов» на постсоветском (посткоммунистическом) пространстве поражает воображение [5]. Правы исследователи, справедливо считающие понятие «геноцид» «эффективным инструментом исторической политики», ввиду того, что оно «возбуждает такие эмоции, которые способны блокировать рациональное обсуждение исторических событий» [6], что «обеспечить людей символами

всегда легче, нежели достойной медицинской помощью или доступным жильем» [7]. Но меня здесь более всего настораживает то, что А. И. Миллер называет «абсолютизацией исторического дискурса жертвы» и связанными с ней последствиями, когда «проблема ответственности в нем целиком перекладывается вовне» [8]. В-третьих, это проблема репатриации на историческую родину потомков черкесских махаджиров, особенно обострившаяся в связи с текущими событиями в Сирии – одной из стран компактного проживания черкесов. В-четвертых, и это, пожалуй, главное – идущее со стороны радикальных черкесских активистов требование создания единого черкесского государства в составе нескольких ныне существующих субъектов РФ. Остается добавить, что грядущая Олимпиада в Сочи стала поводом для актуализации «черкесского вопроса», так как место ее проведения – это последний очаг Кавказской войны.

Высокий уровень активности в актуализации «черкесского вопроса» на уровне властных структур проявляют многочисленные, внешние по отношению к России, акторы. В частности, это государства ближнего зарубежья, прежде всего, Грузия. В Тбилиси прошла серия международных конференций под общим названием «Скрытые народы, непрекращающиеся преступления: черкесы и народы Северного Кавказа между прошлым и будущим» (20-21 марта и 19-21 ноября 2010 г.). Организатором мероприятий выступили Jamestown Foundation (США) и Международная школа кавказских исследований Государственного университета имени Илии Чавчавадзе. 20 мая 2011 г. грузинский парламент принял акт о признании «геноцида черкесов» [9]. Активизировалась черкесская диаспора. Так, известный деятель черкесского зарубежья, историк, языковед, писатель К. Натхо (США) в своей книге «Черкесская история», изданной на арабском, турецком, английском и русском языках, использует термины «Русско-Кавказская война» и «геноцид черкесской нации» [10]. Кроме того, следует сказать об интернет-активности израильского раввина российского происхождения А. Шмулевича (Н. Демина), который позиционирует себя в качестве

профессионального политического аналитика, в том числе по «черкесскому вопросу» [11].

Таким образом, налицо формирование смыслов исторической политики внешними по отношению к России силами. Какой же ответ, имея в виду его историографическую составляющую, на данный момент последовал с российской стороны? Даже весьма поверхностная выборка состоявшихся в последние два-три года под эгидой различных научных институций конференций и «круглых столов» по «черкесскому вопросу» впечатляет как разнообразием участников, так и предложенными к обсуждению вопросами. Так, на состоявшейся 2-4 октября 2010 г. в Абхазии международной конференции кавказоведов было принято решение о создании Научного общества кавказоведов (НОК). 6 декабря 2010 г. Министерство юстиции РФ зарегистрировало НОК как общественное, некоммерческое, независимое, добровольное объединение ученых, специализирующихся на изучении Кавказа и приграничных с ним регионов [12]. 14 февраля 2011 г. в Общественной палате РФ состоялся «круглый стол» на тему: «Кавказ. Проблемы понимания истории». Встреча собрала многих ученых из ведущих академических институтов России, профессоров-кавказоведов из вузов Москвы - МГУ им. М. В. Ломоносова, МГИМО(У), МИД, РГГУ, а также представителей полпредства СКФО, администрации президента РФ и Государственной думы [13]. 3 марта 2011 г. в Московском центре Карнеги был проведен семинар «Черкесский вопрос и Олимпиада в Сочи» [14]. В тот же день в Ростове-на-Дону Российским институтом стратегических исследований (РИСИ) был проведен экспертный «круглый стол» на тему: «Северный Кавказ: внешние вызовы и угрозы». 24 марта 2011 г. в Москве Центр проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО (У) провел конференцию «Черкесский вопрос»: историческая память, историографический дискурс, политические стратегии» [15]. 30 ноября 2012 г. в Ростове-на-Дону в ИППК Южного Федерального Университета (ЮФУ) прошел «круглый стол» на тему: «Первоочередные меры по противодействию использованию так называемого «черкесского вопроса» в эскалации напряженности, экстремизма и терроризма на

Северном Кавказе». В его работе приняли участие эксперты из Ростова-на-Дону, Москвы, Санкт-Петербурга, Черкесска, Пятигорска. Мероприятие было организовано РИСИ [16]. 18 декабря 2012 г. в г. Ростове-на-Дону ЮФУ совместно с РИСИ был проведен «круглый стол» на тему: ««Черкесский вопрос» в России в конце XX-начале XXI веков: геополитические легенды и историческая память» [17]. 18-19 марта 2013 г. там же, в Ростове-на-Дону, состоялась международная научная конференция «Западный Кавказ: современные проблемы». Организатором мероприятия выступило НОК, соорганизаторами – ЮФУ и РИСИ [18].

Как *историк* я уверена, что «правда представляет ценность сама по себе. Независимо от того, во что мы хотели бы верить в отношении того или иного предмета, мы обязаны раскрывать правду» [19]. Но я знаю также, что одно и то же событие, один и тот же процесс можно интерпретировать совершенно по-разному, не только в зависимости от степени своей профессиональной добросовестности или недобросовестности, но и политических взглядов, идеологических предпочтений, гендерной и национальной идентичности и т.д. «*Интерпретация прошлого всегда несет определенный риск*, особенно проявляющийся в условиях политически и социально разделенного общества, т.к. это равным образом и интерпретация настоящего» [20]. Сложившуюся в отечественном кавказоведении на рубеже XX-XXI вв. ситуацию известный ростовский исследователь В.В. Черноус описывает следующим образом: «Если в одних публикациях демонизируется политика России на Кавказе, которая сводится, якобы, только к насилию и целенаправленному геноциду при почти мифологической героизации борьбы горцев, в других акцент сделан на подвигах русских войск и казачества в подавлении борьбы горцев, подчеркивается социально-экономическая отсталость и фанатизм последних» [21]. Некорректно мыслить историческую политику исключительно как набор практик *недобросовестных* историков. Правда бóльшая степень приязненного отношения к ней характерна все же для т.н. «патриотического» крыла отечественной историографии. *Добросовестным* историкам давно пора снять белые перчатки и

покопаться в своем огороде. Есть спрос на мифологизированную историю – это надо учитывать. Серьезно заниматься учебной литературой.

Как *гражданин России* я чувствую потребность в неких внятных трактовках значимых событий отечественной истории. История одного народа не может писаться за счет истории других народов. Мы должны изучать историю народов России, а не историю расширения Руси или, допустим, историю мифологической «Великой Черкесии». Русскость, адыгскость – да, но и российскость тоже. Учебники отечественной истории сегодня, особенно если сравнивать между собой федеральный комплект и многочисленные региональные версии («Родная Кубань» [22], «История Адыгеи» [23]), не устают удивлять противоположностью избранных интерпретационных стратегий. Это ярко видно на примере Кавказской войны: от фигуры умолчания или характеристики событий этой войны, что называется, «телеграфной строкой» до подробного многостраничного рассказа о перипетиях этой войны, связанных с ней бедствиях, в том числе трагедии выселения, и т.д.). Одни и те же исторические персоналии – это в одном случае герои национальной истории, российской или кавказской, в другом – соответственно завоеватели или бандиты [24].

Как *кавказец*, мыслящий Россию своей большой Родиной, я вынуждена в то же время признать, что переживаю каскад очень сильных эмоций, слыша появившиеся в период махаджирства адыгские *гыбзэ* – пронзительные песни-плачи о Кавказской войне и потере родины. Самым сложным для меня было найти тот исторический дискурс, в рамках которого, во-первых, мое гражданское чувство, во-вторых, моя профессиональная идентичность, в-третьих, мои этнические корни, иными словами, *гражданин, историк и кавказец* в одном моем лице, не находились бы в состоянии постоянного когнитивного диссонанса.

Приемлемым способом донесения сути неоднозначно трактуемых вопросов, связанных с вхождением Северного Кавказа в состав России, видится помещение остро дискуссионных проблем во всемирно-исторический контекст и

рассмотрение их с позиций *исторической компаративистики*. Допустим, можно провести параллели между Кавказской войной с последовавшим за ней махаджирством и процессами, происходившими на Балканском полуострове в 60-е-70-е гг. XIX в. Ведь, как известно, черкесы были расселены по территории всей Османской империи, включая и ее европейские владения, т.е. на Балканском полуострове. Образ черкеса-махаджира трансформировался в иноэтничной и иноконфессиональной среде, и черкесам суждено было сыграть в истории православных народов Балканского полуострова ту же роль, какую казаки сыграли в их собственной трагической судьбе [25]. Итак, историческая компаративистика - это один из возможных способов снижения рисков историографических практик исторической политики.

Помимо исторической компаративистики, еще один перспективный подход – *историко-антропологический*, в контексте которого не придется выбирать между «русскими завоевателями» и «дикими горцами». Речь идет об обращении к проблеме «*человек в истории*», но не с целью ее идеологизации и создания списков «врагов» нации, с включением в него многих известных генералов, принимавших участие в Кавказской войне [26], на что уже обратили внимание профессиональные историки, как на неприемлемую практику в реконструкциях прошлого [27].

Наконец, перспективной областью исторических исследований можно рассматривать, и об этом уже пишут исследователи [28], *изучение интегративных факторов* в истории отношений между народами Кавказа и Россией. «Конечно, на самом деле любая национальная история пишется «реверсивным» методом: из настоящего в прошлое, ситуация настоящего проецируется на прошлое»[29]. Проецируя, в свою очередь, это теоретическое рассуждение на контекст интересующей нас исторической реальности, мы не погрешим против профессионального этоса историка, если будем объяснять методами своей науки, почему мы, русские и кавказцы, в конце концов, оказались в одной лодке. А это значит, что сюжетам *мирного сосуществования* надо уделять больше внимания, чем истории их *вражды*. И тогда, возможно, мы, профессиональные

историки, сможем предъявить современному российскому обществу общественно полезную функцию нашей науки.

Примечания

1. *Миллер А.И.* Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в XXI веке: сб. ст. М., 2012. С.12.
2. *Он же.* Россия: Власть и история // [Pro et Contra. 2009. №3-4. Историческая политика.](#) С. 10.
3. *Нефляшева Н.А.* Черкесское национальное движение – внутрироссийский и международный контекст: общие подходы [Электронный ресурс]. URL: <http://kavpolit.com/cherkesskoe-nacionalnoe-dvizhenie-vnutrirossijskij-i-mezhdunarodnyj-kontekst-obshhie-podhody/> (дата обращения: 06.05.2013).
4. *Олейников Д.И.* Большая Кавказская война // Родина. 2000. №1-2. С. 55.
5. Подробнее см.: *Финкель Е. Б.* В поисках «потерянных геноцидов»: историческая политика и международная политика в Восточной Европе после 1989 г.// Историческая политика в XXI веке. С. 292-327.
6. *Миллер А.И.* Историческая политика в России: новый поворот? // Там же. С. 348.
7. *Химка Дж. П.* Дружественные вмешательства: борьба с мифами в украинской истории XX в. // Там же. С.431-432.
8. *Миллер А.И.* Историческая политика в России: новый поворот? С. 366.
9. URL: <http://news.rambler.ru/14423882/> (дата обращения: 06.05.2013).
10. *Натхо К.* Черкесская история. Майкоп, 2012.
11. URL: <http://avrom.livejournal.com/tag/Черкесы> (дата обращения: 06.05.2013).
12. URL: <http://www.kavkazoved.info/articles/about-us.html> (дата обращения: 06.05.2013).
13. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/181047/> (дата обращения: 06.05.2013).
14. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/182443/> (дата обращения: 06.05.2013).
15. URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2011/03/25/v-moskve-obsudili-cherkesskij-vopros.html> (дата обращения: 06.05.2013).
16. URL: <http://www.ranhighsskfo.ru/12101539035612/> (дата обращения: 06.05.2013).
17. URL: <http://warfiles.ru/show-20267-cherkesskiy-vopros-v-rossii-v-konce-xx-nachale-xxi-vekov-geopoliticheskie-legendy-i-istoricheskaya-pamyat-kruglyy-stol-v-rostove-na-donu.html> (дата обращения: 06.05.2013).
18. URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2013/03/19/zapadnyj-kavkaz-sovremennye-problemy-itogovoje-zayavlenie.html> (дата обращения: 06.05.2013).
19. *Химка Дж. П.* Указ. соч. С.427.
20. *Шеуджен Э.А.* Историческая память и проблемы Кавказской войны // Кавказская война: уроки истории и современность. (Материалы Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 19-22 мая 2004 г.). Майкоп, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://arigi.adygnet.ru/hist/work.htm> (дата обращения: 06.05.2013).
21. *Черноус В.В.* Историография Кавказской войны: новейшие тенденции // Там же.
22. Родная Кубань. Страницы истории. Книга для чтения. Краснодар, 2003. Книга издана по инициативе главы администрации Краснодарского края А. Н. Ткачева и адресована школьникам и всем, кто интересуется историей Кубани.

23. *Керашев А. Т., Чирг А. Ю.* История Адыгеи. Учеб. пособие для учителей 8–9 кл. Майкоп, 1991; *Чирг А. Ю., Емтыль Р. Х.* История Адыгеи (XVIII – 60-е годы XIX в.). Учеб. для 8 кл. общеобразоват. учреждений. Майкоп, 2002. Утверждены Министерством образования и науки Республики Адыгея.

24. Подробный анализ учебной литературы см.: *Кринко Е. Ф.* События и герои Кавказской войны в учебной литературе // Кавказская война: уроки истории и современность.

25. См. подробнее: *Кудаева С.Г., Хут Л.Р.* Адыгские махаджиры на Балканах // Культура и быт адыгов (Этнографические исследования). Вып. VIII. Майкоп, 1991. С.187-209.

26. Земля адыгов / под ред. А.Х. Шеуджена. Майкоп, 1996. С. 624-625.

27. *Шеуджен Э.А.* Кавказская война в пространстве исторической памяти. К 145-летию окончания Кавказской войны. Майкоп, 2009. С. 20.

28. *Матвеев О.В.* Политика России на Северо-Западном Кавказе 1830-1864 гг. в научной деятельности современных отечественных исследовательских центров и высших учебных заведений // Теория и практика общественного развития. 2012. №2 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.teoria-practica.ru/-12-2012/history/matveev.pdf> (дата обращения: 06.05.2013)

29. *Касьянов Г.В.* «Национализация» истории в Украине // Историческая политика в XXI веке. С. 248.

Матвеев О.В. (г. Краснодар)

ПОЛИТИКА РОССИИ НА КАВКАЗЕ XVIII – XIX СТОЛЕТИЙ В ОЦЕНКАХ ТУРЕЦКИХ ИСТОРИКОВ

Историографический опыт историков Турции в постижении истории политики России на Кавказе в отечественной литературе достаточно долго подавался лишь в рамках воинствующего шовинизма и национализма [1]. При этом мало кто из исследователей [2] пытался разобраться с причинами крайностей турецкой исторической литературы, впадая в разоблачительном пафосе в иную крайность. Практически не осуществлялись переводы турецких авторов на русский язык. Игнорировалось наследие отечественных тюркологов, которые в отличие от своих коллег-кавказоведов глубоко постигали языки и картину мира Османской Порты.

Сегодня перед российским кавказоведением стоит задача не углубления межцивилизационных разломов, а преодоления их. Необходимо, наконец, осознать старую как мир истину: постижение другого есть познание себя. Только стремление к

познанию и уважению «другого», по мысли выдающегося современного кавказоведа В.В. Дегоева, «даёт робкую надежду, что на Кавказе «войны национальных историй постепенно угаснут и уж во всяком случае, не перерастут в войны национальных армий» [3]. В докладе предпринята попытка анализа основных особенностей восприятия турецкими историками политики Российской империи на Кавказе XVIII–XIX вв.*

Исторические представления турецкого народа сложилось в эпоху быстрого расширения Османской Порты. Османы создавали исламскую империю. Для них всегда была характерна самоидентификация через религиозную, а не этническую принадлежность. Вся политика империи была направлена на то, чтобы как можно больше инородческого элемента слилось с османами. Не случайно большая часть османской элиты состояла из потурченцев. Через образы воинов, обязанных вести Священную войну, расширять мусульманский мир, турки осознавали своё место среди окружающих стран и народов [4]. Там, где имперским устремлениям османов оказывалось сопротивление, складывался образ врага. Два века регулярных побед русских над турками закрепили в историческом сознании последних образ России как вечного врага, непредсказуемого и коварного. При этом турецкий национализм – явление достаточно позднее. В истории Османской империи термин «турок» часто употреблялся в оскорбительном значении. Его применяли при характеристике грубых, невежественных и тупоумных людей. Не случайно в трудах известного османского историка Найма Мустафа-эфенди встречаются выражения: «недалекие турки», «турок с уродливой рожей», «турок-мошенник», «турок с собачьей мордой» и т.д. Турецкий историк и публицист Танер Акчам приводит такой случай. Когда один из

* Статья написана при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках реализации мероприятий ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы по теме «Политика России на Кавказе в прошлом и настоящем: документальная база, интерпретации и противодействие фальсификации истории» (Соглашение 14.В37.21.0966).

французских журналистов в Стамбуле в середине XIX в. попытался выяснить в беседе с представителями местной интеллигенции, что они думают о своем этнокультурном родстве с тюркскими народами Средней Азии, «те были глубоко оскорблены, что какой-то европеец сравнивает их с «этими кочевниками». По их убеждению, «турками были представители низшего сословия, особенно крестьяне» [5].

Поэтому сочинения первых турецких историков не были националистическими, эти работы скорее проникнуты имперской доктриной Османской Порты. Это характерно, прежде всего, для работ официальных османских историографов XVIII в. Мехмеда Решид-Эфенди и Исмаила Асыма Челебизаде, которые эпизоды русско-турецких взаимоотношений на Кавказе подчиняли воле «хороших» и «плохих» султанов [6]. Главный смысл противостояния Османской империи с Россией на Кавказе эти придворные историки видели в борьбе защитников «знамени ислама» против «гяуров» [7].

Зарождение собственно исторической науки в Турции относится к периоду танзимата. В работах турецких историков середины и второй половины XIX века проявляется стремление преодолеть описательность средневековых хроник, усвоить идеи и методы европейской исторической науки [8]. В то же время, это была эпоха в историческом сознании Османского государства, когда в результате постоянных военных поражений и территориальных потерь империи росла ностальгия по славному прошлому. Это заметно в оценках кавказской политики России, которые нашли отражение в трудах османского историка, лингвиста и государственного деятеля Джевдет-Паши-Ахмеда. Он родился в Ловче в 1822 г., учился первоначально у местных мударрисов, а завершил своё образование в Стамбуле в 1839 г. Джевдет-Паша выучил арабский, персидский, французский и болгарский языки, по выдержании экзамена в 1843 г. служил преподавателем и судебным чиновником. Его ум и начитанность обратили на себя внимание султанской администрации, поэтому в 1854 г. Джевдет-Паша определён *вака'невисом* (историографом). С этого времени он во многом определяет лицо исторической науки империи. Его перу принадлежит 15-томная история Османской Порты и другие

сочинения, в том числе, исследование «*Каваид-и османие*» (Османские правила) о становлении османского языка. Независимо от научных разысканий Джевдет-Паша служил своей стране и на высоких государственных должностях: в разное время был губернатором различных провинций, министром вакфов, народного просвещения, юстиции, внутренних дел, несколько торговли. Скончался в мае 1893 г. в Бебеке, похоронен в ограде мечети Мухаммеда Фатиха [9]. В 1883 г. в журнале «Русский архив» был напечатан перевод извлечений из сочинения Джевдет Паши «*Викай-и девлети алия-и Османие*», т.е. «События (касающиеся) высокого государства Османского». Перевод и публикацию под заглавием «Описание событий в Грузии и Черкесии по отношению к Оттоманской империи от 1192 г. по 1202 г. Хиджры (1775–1784 гг.)» осуществил выдающийся русский дипломат и востоковед Матвей Авелевич Гамазов (Гамзадян) (1812–1893). Оценивая труд турецкого историка, М.А. Гамазов отмечал: «Оскорблённое самолюбие вследствие утраты прежней славы и прежнего влияния на судьбы народов, утраты, наконец, части завоеваний в Европе, Азии и даже в Африке, не может до некоторой степени не оправдывать и не представлять естественным такое настроение» [10]. Политику России в Закавказье и в Дагестане в конце XVIII в. Джевдет-паша характеризует как захватническую, «лживую» и «коварную»: «Дело в том, что Россия, питавшая сильнейшие надежды овладеть некоторыми местностями Ирана, для достижения этой цели прибрала к рукам Тифлисского хана; а этот со своей стороны, поддавшийся хитрости и обману Русских, хотя и вступил в подданство России и старался разными подарками и обещаниями привлечь на ее стороны ханов Дагестана и Азербайджана, но так как эти ханы исповедовали Ислам, то поняли очень хорошо вероломные замыслы Русских, не питая ни малейшего желания склониться в их сторону, отвечали ему положительным отказом» [11]. В то же время труды Джевдет-Паши отличаются наличием яркого и интересного фактического материала, охватом широких хронологических и территориальных рамок описываемых событий, суждениями концептуального характера [12].

Акцентировал внимание на агрессивности политики России на Кавказе, игнорируя наличие таких же тенденций в политике самой Османской империи в регионе, и другой турецкий историк – Ахмед Расим (1864–1932), автор 4-х томного исследования «История османов» [13]. В отличие от Джевдет-Паши, Ахмед Расим был идеологом мелкобуржуазных низов, но ностальгия по славной старине вдохновляла и его [14]. Ещё в большей степени исторические обиды на Россию питали труды потомков кавказских эмигрантов, осевших в Турции: черкеса по происхождению, генерала турецкой армии Исмаила Хакки Беркока (Жерештиева), дагестанца Шерафеддина Эрела, кабардинца Пшимахо Коцева, ногайца Кадиржана Кафлы и др. К. Кафлы, например, выделяя особо в русско-кавказских отношениях периоды правления Петра I и Екатерины II, безосновательно утверждает, что русско-иранский Петербургский договор 1723 г. был воспринят современниками «с горечью на душе», а русско-турецкий Константинопольский договор 1724 г., передавший Турции часть Кавказа и северо-западную часть Ирана, «открывал русским путь на малую Азию»; объявление Портой войны России в 1768 г. подняло дух мусульманского населения Кавказа и т.п. Литература кавказского зарубежья – отдельная тема, которая рассматривалась нами в специальной работе [15].

Мы видим, что восприятие политики России на Кавказе турецкими историками этого времени было во многом подчинено механизму выживания, государственной и конфессиональной самоидентификации Турции. Такой тип исторического сознания определялся отождествлением генезиса и сущности, (когда причинно-следственные связи заменялись прецедентом), представлениями о героической эпохе единства народа, могучей государственности, созданием модели, примера, образца. Подобные модели определяли исторические архетипы многих народов, и турки здесь не являлись каким-то уникальным исключением [16]. Можно много разоблачать турецких авторов за предвзятость и формирование образа врага в лице России, но осудить и заклеить – далеко не значит понять.

Новый этап в развитии турецкой историографии начался после победы Кемалистской революции. Созданное в 1931г. общество по исследованию турецкой истории (преобразовано позже в Турецкое историческое общество) под непосредственным влиянием Ататюрка провозгласило главной задачей исследователей более глубокую разработку истории Турции с целью разоблачения тенденциозных взглядов европейских историков, рассматривавших турок как второстепенную нацию и преуменьшавших значение вклада турецкого народа во всемирную историю. Именно поэтому во многих работах получили распространение идеи пантюркизма. Благодаря работам турецких историков этого времени значительно расширилась источниковедческая база исследования за счёт привлечения архивных материалов, документов граничивших с Россией провинций, русских источников. Большой вклад в развитие турецкой историографии довоенного и послевоенного времени внесли XX в. внесли турецкий государственный деятель и историк Юсуф Хикмет Баюр (1891–1980), с 1945 г. профессор Анкарского университета и в то же время один из создателей Национальной партии; профессор новой истории, а затем ректор Анкарского университета Карал Энвер Зия (1902 –1984), автор ряда обобщающих работ по новой и новейшей истории Турции, а также публикаций документов и учебников; ординарный профессор Стамбульского университета Исмаил Хаккы Узунчаршылы (1889 – 1973), автор монографий, статей и многочисленных публикаций турецких архивных документов по средневековой и новой истории Турции. Главный труд И.Х. Узунчаршылы – четырехтомная «Османская история» («*Osmanli Tarihi*», Ankara, 1959-1961), охватывающая период XIII – XVIII вв. Он является также автором исследований о государственном и административном устройстве, организации войск и культурной жизни Османской Порты [17]. И. Узунчаршылы подчеркивал, например, что «послы западноевропейских держав в Стамбуле постоянно натравливали Турцию на Россию» [18]. В том же духе оценивал российскую политику Э.З. Карал. Он справедливо отмечал: «Англия выступала за укрепление Османской империи. Однако, при этом

она исходила не из симпатии к Турции, а из корыстных интересов», что она боялась возможной российской «угрозы ее интересам в Индии» [19]. Подобные комплексные оценки международных отношений на Кавказе имеют место и в исследованиях Унала и других историков Турции послевоенного времени [20].

Представляется, что дагестанский кавказовед Э.Г. Джахиева вполне справедливо выделяет в современной турецкой историографии кавказской политики России два направления. Одно направление в освещении различных аспектов исследуемой проблемы в целом придерживается прежних концептуальных взглядов. Здесь заметное место принадлежит крупному историку Джемалу Гёкче, автору исследования «Кавказ и кавказская политика Османской империи». Н.А. Сотавов, изучавший наследие турецкой историографии, считает, что сущность кавказской проблемы Дж. Гёкче рассматривал «лишь под углом зрения планов российского царизма» [21]. Поэтому его работа, как и исследования А.Н. Курата, Х. Гюрсея, Х. Иналджика, Р. Туна отличается тенденциозностью и субъективностью оценок. Это мнение разделяет и дагестанский исследователь Р.М. Касумов [22]. Последний отмечает надуманность выводов Д. Гекдже о том, что шамхал Адиль-Гирей, оказавший серьезные услуги Петру I во время его похода, «должен был капитулировать перед силой». При этом русские войска заняли уступленные шахом Хусейном территории, «слобив» сопротивление иранских войск; а иранский народ после смерти Надир-шаха стал искать спасения от России «в Османской империи» [23]. Дж. Гёкче не разделяет положения российского кавказоведения о многообразии форм присоединения народов Кавказа к России как силовых, так и мирных. Он традиционно для турецкой историографии считает, что «Россия лишила свободы кубанские народы, только силою оружия она подавила сопротивление черкесов, дагестанских народов Северного Кавказа» [24].

Представители другого направления новейшей турецкой историографии все больше склоняются к комплексному анализу причин противостояния на Кавказе. Они стараются в целом

объективно рассматривать российско-турецко-кавказские отношения. Ко второму направлению можно отнести, например, многотомное издание «Большая исламская история» и работу Рифата Учарола «Политическая история (1789–1999)» (5-е издание, Стамбул, 2000) Рифат Учарол российско-турецкие отношения на Кавказе излагает в контексте всемирной истории. Современные исследователи Турции убедительно осваивают кавказский материал на материалах Российской и Османской империи и приходят порой к неожиданным для своих европейских учителей выводам. Скажем, об исторически укоренившихся способностях России и Турции на Кавказе сглаживать различия, приводить их к единству и гармонии, формировать у разноэтничных подданных так называемую «расширяющуюся идентичность», вплоть до наднационального, иначе говоря, имперского самосознания [25].

Таким образом, в оценках турецких историков XVIII – начала XX в. в отношении кавказской политики России обнаруживается удивительная связь с представлениями современной историографии Турции. Империи оцениваются как факторы мира, процветания и глобального обмена идеями. Империям оказываются свойственно чувство ответственности за проживающие на имперской территории народы в гораздо большей степени, чем демократическим колониальным державам Европы. И к этому наследию необходимо хорошенько присмотреться, вовсе не исключая при этом необходимый для историка критический анализ исследований зарубежных коллег.

Примечания

1. См., например: *Троицкий Н.А.* Россия в XIX веке. Курс лекций: Учебное пособие по специальности «История». М., 1997. С. 285.

2. См., например: *Ибрагимбейли Х.М.* Россия и Северный Кавказ в XVI – первой половине XIX века в освещении современной буржуазной историографии // История СССР. 1981. №2. С. 185-199; *Сотавов Н.А.* Кавказская проблема в русско-иранских, русско-турецких отношениях XVIII в. (зарубежная историография) // Научная мысль Кавказа. Ростов-на-Дону. 1998. № 2. С.77-85.

3. *Дегоев В.В.* Социально-политические вызовы XXI века и пути развития российского кавказоведения // Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции. Москва, МГИМО (У) МИД России 16–17 мая 2006 г. / Под ред. В.В. Дегоева. М., 2007. С. 34.

4. См: *Лурье С.* Официальная идеология и сознание народных масс в Турции // <http://svlourie.narod.ru/metamorphoses/turk.htm>
5. *Танер Акчам.* Турецкое национальное «я» и армянский вопрос // <http://armenianhouse.org>акчам/genocide/book1.html>
6. *Сотавов Н.А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях XVIII в. М., 1991. С.10.
7. *Ибрагимбейли Х.М.* Россия и Азербайджан в первой трети XIX века (из военно-политической истории). М., 1969. С. 26.
8. *Вартаньян Э.Г.* Культура Турции: Ученое пособие. Краснодар, 2006. С. 233.
9. *Веселовский Н.И.* Военно-исторический очерк города Анапы. СПб., 1995. С. 6.
10. *Джевдет-паша.* Описание событий в Грузии и Черкесии по отношению к Оттоманской империи от 1192 года по 1202 год хиджры (1775 – 1784) // Русский архив, 1888. Кн. 3. М., 1888. С. 1–2.
11. Там же. С. 17.
12. *Cevdet A.R.* Tanhi gevdet O It I Bol 9 Istanbul, 1966 S 376.
13. *Rasim A.S.* Rasimli ve Hanteli Osmanli Tanhi -Istanbul, 1924 S 355-356,377
14. *Гордлевский В.А.* Очерки по новой османской литературе, М., 1912. С 34.
15. См.: *Матвеев О.В.* Россия в судьбах народов Северного Кавказа: взгляд из кавказского зарубежья // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа – V. Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 16–18 ноября 2012 г. Пятигорск: ПГЛУ, 2013. – 352 с. С. 228–232.
16. См. например: *Лескинен М.В.* Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М., 2002; *Шеуджен Э.А.* Историческое знание и историческая память: западноевропейская традиция взаимообусловленности. М.-Майкоп, 2012; *Буганов А.В.* Личности и события истории в массовом сознании русских крестьян XIX –начала XX вв. Историко-этнографическое исследование. М., 2013 и др.
17. См.: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/sie>.
18. *Uzunfarjili I.H.* Osmanli Tanhi C IV Ankara, 1956 S 187, 461, 469.
19. Цит. по: *Алиева У.М.* Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Османской империей и Иранской державой: 70-е гг. XVIII - 20-е гг. XIX в. : дисс. ... канд. ист. наук Махачкала, 2008. С. 26.
20. См.: *Саламова Н.А.* Кавказ и Причерноморье в русско-турецких отношениях: от Каспийского похода Петра I до присоединения Крыма к России. Дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2007. С. 12-16.
21. *Сотавов Н.А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях XVIII в. С. 25.
22. *Джахиева Э.Г.* Северо-Восточный Кавказ в международных отношениях: историко-правовые аспекты договоров, заключенных Россией с Турцией и Ираном. 1774-1826 гг. : дисс... докт. ист. наук. Махачкала, 2007.
23. *Касумов Р.Х.* Дагестан в политике противоборствующих держав на Кавказе от Петербургского договора до Гюлистанского трактата (1723–1813) Автореф. дисс... докт. ист. наук. Махачкала, 2011. С. 20.
24. *Gokçe S.* Kafkasya ve Osmanli imperatorlugunun Kafkasya siaseti. Istanbul, 1979. S. 30-33.
25. *Дегоев В.В.* Введение в политическую историю Северного Кавказа (XVI век – 1917 год). Учебное пособие. М., 2009. С. 124; *Адиб Халид.* Российская история и спор об ориентализме // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология/Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005. С. 317.

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ЮГА
РОССИИ: МЕМОРИАЛЬНАЯ ВЕРСИЯ ¹

Закрепляя в общественном сознании определенную версию прошлого, памятники и другие объекты, выполняющие мемориальную функцию, выступают системообразующими факторами в организации пространства исторической памяти общества. Поэтому мемориализация всегда несет в себе определенную идеологическую «нагрузку», которая может иметь как консолидирующий, так и конфликтогенный характер. Подобный способ апелляции к прошлому представляет особую опасность в регионах с высоким уровнем социально-политической напряженности. Об этом в полной мере свидетельствует отражение событий истории Кавказской войны в мемориальной культуре Юга России.

Первые, крайне немногочисленные памятники, связанные с событиями Кавказской войны, появились еще в XIX – начале XX вв. Это были памятники русским полководцам и флотоводцам, а также отдельным военным служащим, совершившим героические подвиги в ходе боевых действий. Как правило, они создавались за счет собранных по подписке средств по общественной инициативе с одобрения или при прямой поддержке властей ощущавшим свою преемственность с павшими героями. Так, в Грозном вплоть до начала XX в. сохранялась землянка, в которой жил «проконсул Кавказа» А.П. Ермолов при закладке крепости. В 1880-х гг. возле землянки на Михайловской улице недалеко от ее пересечения с Ермоловской улицей был сооружен памятник – бронзовый бюст генерала на четырехгранном каменном постаменте. Сам бюст подарил главнокомандующий на Кавказе князь А.М. Дондуков-Корсаков. Землянку окружала решетка, каменная плита над входом в которую была оформлена в виде

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Нациестроительство на Северном Кавказе: исторический опыт и современные практики» Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Нации и государство в мировой истории» на 2012–2014 гг.

стены с крепостными зубцами, а на железной двери находилась надпись: «Здесь жил Алексей Петрович Ермолов». Имя генерала также носила станица Ермоловская Терской области. В Орле, где был похоронен А.П. Ермолов, в его честь по решению городской думы в 1911 г. назвали улицу, которая вела к могиле от городского парка. Горожане дважды собирали деньги на памятник генералу. Первый раз, в 1860-х гг., сразу после его смерти, не удалось собрать необходимую сумму, а затем установлению памятника помешали [Первая мировая война](#) и последующая революция.

В честь адмирала Михаила Петровича Лазарева был назван форт, заложенный в 1839 г. (сейчас – микрорайон Лазаревское в городе-курорте Сочи), улицы в Москве, Липецке и в самом Лазаревском, площади в Севастополе и Владимире, [набережная](#) в Санкт-Петербурге, переулок в Кронштадте. Его имя носит также целый ряд географических объектов, отражавших заслуги Лазарева не только как создателя Черноморского флота, но и как выдающегося мореплавателя и первооткрывателя Антарктиды. В 1867 г. 15-метровый памятник М.П. Лазареву был открыт в Севастополе. Фигура М.П. Лазарева была также включена в число самых выдающихся личностей в российской истории на памятнике «1000-летие России» в Великом Новгороде.

Сразу два памятника посвящались подвигу рядового 77-го Тенгинского пехотного полка Архипа Осипова, взорвавшего пороховой погреб во время нападения горцев на Михайловское укрепление на Черноморском побережье 22 марта 1840 г. В 1876 г. по инициативе наместника Кавказа великого князя [Михаила Николаевича](#) на месте взорванного укрепления был поставлен чугунный ажурный крест, хорошо видный с моря. Еще один памятник Осипову и командиру Михайловского укрепления штабс-капитану Н.К. [Лико](#) был воздвигнут во [Владикавказе](#). Он представлял собой их фигуры на высоком постаменте: раненый Лико опирался на саблю, а Осипов держал в руке зажженный факел. Памятник украшали воинские символы – скрещенные знамена, орудийные стволы и лавровые венки, а по четырем углам постамента располагались российские двуглавые орлы. В

1889 г. деревня Вуланская по решению Александра III была переименована в Архипо-Осиповку.

Ряд памятников отражал участие казачества в Кавказской войне. Так, в станице Лабинской (в настоящее время – г. Лабинск) в начале XX в. был открыт памятник казакам-лабинцам, «которые отдали жизнь за Веру, Царя, Отечество в Кавказскую войну при защите станицы от горцев с 1841 по 1864 годы». В Санкт-Петербурге на могиле донского казака-генерала Я.П. Бакланова по проекту скульптора Набокова был установлен памятник в виде гранитной скалы. На ней находились бронзовые бурка, папаха, шашка и баклановский значок в виде черепа со скрещенными костями. На плитах были выгравированы места сражений, среди которых встречалось немало кавказских названий. В 1911 г. прах Бакланова вместе с памятником перенесли в столицу Области войска Донского Новочеркасск.

Немало названий населенных пунктов, улиц и других топонимов носили имена А.А. Вельяминова, Н.И. Евдокимова, М.С. Воронцова и других участников Кавказской войны. Память о войне закрепляли и другие мемориальные объекты, не только прославлявшие воинскую доблесть ее участников, но и выстраивавшие первый мемориальный ряд как основу символического пространства данного события [1]. Отражая мемориальную версию победителей в войне, первые памятники в то же время не имели цели возбуждать негативные чувства к побежденным, превратившимся из противников в подданных государства. Однако их переживания не получали мемориального выражения и вытеснялись в неформальные (фольклорные) зоны памяти.

Пришедшие к власти большевики провозгласили собственную программу «монументальной пропаганды», в которой не нашлось места прежним героям и символам, которые связывались с самодержавием. В результате были уничтожены памятники Ермолову в Грозном, Лазареву в Севастополе, Осипову и Лико во Владикавказе. Пострадал и памятник Бакланову, с которого сорвали бронзовые детали. Уничтожение памятников сопровождалось формированием новой советской

топонимики. Так, в 1922 г. переименовали улицу Ермолова в Грозном, а в [1926 г.](#) – в Орле.

Однако оценки Кавказской войны в советской исторической науке не раз менялись, а вместе с ними эволюционировали и практики ее мемориализации. В 1949 г. бюст А.П. Ермолову в Грозном восстановили. Свою роль в этом сыграло усиление государственно-патриотической компоненты в официальной идеологии, начавшееся в годы Великой Отечественной войны и продолжившееся в послевоенный период. К тому же за пять лет перед этим чеченцев и ингушей выселили с мест своего проживания, и памятник «вписался» в идеологическое обоснование причин их депортации. Вскоре, в 1954 г., на перроне железнодорожной станции Лазаревская был установлен бюст адмиралу М.П. Лазареву скульптора И. Шмагуна.

В послевоенный период широкое распространение в советской историографии получили идеи о добровольном вхождении народов Северного Кавказа в состав России. Важным шагом на пути превращения данных представлений в стереотипы массового сознания стали отмечавшиеся в 1957 г. юбилеи 400-летия «добровольного» вхождения Черкесии и Кабарды в состав России. В Майкопе по проекту известного советского скульптора М. Манизера был установлен специальный памятник дружбе русского и адыгейского народов на площади, также получившей название Дружбы. Памятник представлял собой стелу, рядом с которой находились фигуры русского богатыря и адыгейского витязя, опирающиеся на текст договора, подписанного между западноадыгскими князьями и Иваном IV. В Нальчике в качестве символа дружбы народов была избрана жена Ивана Грозного кабардинская княжна Мария Темрюковна. Скульпторы С. Махтин и М. Листопадов изобразили ее стоящей в национальных одеждах и сжимающей в руке свиток – договор о вечном союзе Кабарды с Россией. Постаменты обоих памятников украшали надписи «Навеки с Россией».

Обострение межэтнических отношений и нарастание противоречий в развитии региона, усилившиеся в конце 1980-х гг., нашли свое отражение в «войне с памятниками». В первую очередь, пострадал памятник Ермолову в Грозном (согласно

утверждениям очевидцев, его 11 раз разрушали и затем снова восстанавливали, для чего имелись специальные дубликаты [2]). Эти действия носили очевидный протестный характер, выражая недовольство части чечено-ингушского социума, прежде всего, молодежи, ситуацией в республике. В свою очередь, проявлявшаяся местными властями «неуступчивость» отражала их стремление показать и населению, и вышестоящему руководству, что они держат ситуацию под контролем.

Окончательно памятник был уничтожен в самом конце советского периода в истории Чечено-Ингушетии, в условиях нарастания острого кризиса в республике, завершившегося победой сепаратистов, что имело важнейшее символическое значение. В 1990 г. станица Ермоловская была переименована в село Алхан-Кала. Под давлением общественной организации причерноморских шапсугов «Адыгэ Хасэ» сессия районного совета депутатов п. Лазаревское в 1990 г. также приняла решение перенести бюст адмирала Лазарева на его родину во Владимир. Однако начальник железнодорожной станции В.М. Леонтьев сохранил бронзовый бюст Лазарева в своем кабинете.

Одновременно с разрушением прежних памятников в 1990-е гг. происходило формирование нового мемориального ряда, призванного увековечить других героев и жертв войны на территории Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии. Первый такой памятник в ауле Али-Бердуковский Хабезского района Карачаево-Черкесской Республики его житель Михаил Хутов установил в 1989 г., несмотря на противодействие местных властей. Он представлял собой простой валун с надписью на стальной пластине «черкесам, погибшим в годы Русско-Кавказской войны. 1764–1864». Позже, в 1991 г. состоялось официальное открытие мраморной стелы [3].

Затем появились и другие памятники героям, «павшим за свободу и независимость Черкесии». Среди них выделяется памятник «Жертвам Кавказской войны», возведенный в Нальчике в 2004 г. Он представляет собой лежащее колесо арбы, символизирующее в тоже время и «колесо истории», из ступицы которого прорастает Древо Жизни (Мировое дерево), как символ возрождения адыгского народа. По проекту местных

архитекторов рядом планируется возвести мемориальный комплекс, построить мечеть и церковь, а также музей адыгского (черкесского) зарубежья и Дом Международной черкесской (адыгской) ассоциации (МЧА). В 1993 г. в центре Майкопа появилась гранитная глыба с мемориальной доской, надпись на которой на русском языке гласила: «Здесь будет установлен памятник погибшим за свободу и независимость Черкесии в Кавказской войне». В тексте на адыгейском языке речь шла о «Русско-кавказской войне». Различия в наименовании войны, вызывающие острую дискуссию в современной историографии, отражали закрепление различных версий прошлого для разных этноязыковых групп населения региона.

Указанные мемориальные объекты стали настоящими «местами памяти», где проходят ежегодные траурные мероприятия 21 мая в дни памяти и скорби по жертвам Кавказской войны. Фиксируя чувство скорби и горечи от действительно понесенных потерь, они в то же время аккумулируют определенные исторические обиды и претензии по отношению к России. Очевидный политический характер носит стремление использовать их в связи с Олимпиадой в Сочи в 2014 г.

Проект самого крупного мемориального комплекса «адыгам, изгнанным с Родины вследствие Кавказской войны» разработан скульптором А.Х. Гушапша и архитектором А.А. Мидовой. Он включает два исполинских монумента высотой в 25–30 м из монолитного железобетона, установление которых планируется по обе стороны Черного моря. Монумент на Кавказском побережье символизирует всадника – защитника Отечества, развернутого на юг, в сторону Турции, где должен стоять второй монумент, олицетворяющий собой фигуру матери, обращенной, в свою очередь, в сторону Родины. Внутреннее пространство монументов предполагается использовать как музеи Кавказской войны и махаджирства.

В условиях укрепления Российского государства в 2000-е гг. на Северном Кавказе появились новые памятники, отразившие дальнейшую эскалацию напряженности в регионе. Так, в 2008 г. по решению городской думы был открыт памятник

А.П. Ермолову в Минеральных Водах в сквере «Надежда», переименованном в сквер Ермолова. В его создании участвовало более 300 предприятий, организаций и частных лиц из Калининграда, Ярославля, Владимира, Астрахани, с Дона и Кубани, с Урала, Сибири и Камчатки. Бюст генералу Ермолову также установлен в Ставрополе. В 2010 г. бронзовая конная фигура генерала в натуральную величину скульптора Р. Юсупова появилась в сквере по улице Лермонтова в Пятигорске. Надпись в щите сообщает, что А.П. Ермолов является героем Отечественной войны 1812 г., командиром Отдельного Кавказского корпуса и генералом от инфантерии, а также о том, что он «внес большой вклад в становление и развитие города Пятигорска».

Действительно, именно по инициативе А.П. Ермолова курортное селение Горячие Воды было превращено в уездный город Пятигорск. Однако резко против установки памятников Ермолову в Пятигорске и Минеральных водах выступили власти Чеченской республики, а также лидеры адыгских общественных организаций. На ряде форумов звучат прямые угрозы снести его. Недовольство адыгских общественных организаций вызвало и восстановление памятника М.П. Лазареву в Лазаревском в 2004 г. Срочно созванный в Нальчике исполком МЧА потребовал восстановления Шапсугского района, переименования поселка Лазаревского в Псезуапсе, постройки памятника жертвам Кавказской войны на месте установленного 10 лет назад памятного камня. В 2008 г. в поселке Большой Кичмай Лазаревского района Сочи за счет частных пожертвований был открыт памятник адыгам, павшим в Кавказской войне. 21 мая 2010 г. памятники «защитникам Черкесии» появились сразу в двух аулах Адыгеи – Понежукай и Тахтамукай. К ряду «мемориальных конфликтов» следует отнести и возражения властей Республики Адыгея и адыгейских общественных организаций против установления памятника святителю Николаю в 2005 г. [4]

Еще один памятник жертвам Кавказской войны был торжественно открыт в ауле Уляп 21 мая 2012 г. А весной 2013 г. практически завершилось строительство памятника,

посвященного Кавказской войне, по проекту А. Берсирова в столице Адыгеи (официальное открытие ожидается осенью, ко Дню республики, задержка также объясняется стремлением навести «общий дизайнерский порядок вокруг памятника» [5]). К этому времени он изменил свое наименование, превратившись из памятника «Жертвам Русско-Кавказской войны» и «Защитникам Черкесии» в монументальный комплекс «Память и Единение». Памятник представляет собой полую вытянутую конструкцию, олицетворяющую очаг, увенчанную звездами, элементами государственности и культуры народа, а также изображением исторических событий, легендарных личностей. Новое «политкорректное» название призвано подчеркнуть, что данный мемориальный объект не имеет антироссийской направленности. Его автор также призывает не воспринимать свою скульптуру «исключительно как плач по жертвам Кавказской войны. Она прежде всего призвана олицетворять гордость за свой народ, отражать его непростую судьбу, а также многогранную культуру» [6].

Обращает на себя внимание, что значительную роль играет само место установления памятников Кавказской войне. За пределами региона они воспринимаются массовым сознанием совершенно спокойно, вызывая повышенный интерес к себе со стороны небольшого круга профессиональных исследователей и краеведов-любителей. Так, открытие в селе Марьино Рыльского района Курской области памятника военачальнику и государственному деятелю фельдмаршалу, князю А.И. Барятинскому – «победителю Шамиля» в его бывшем поместье – не вызвало острых общественных разногласий. Сравнительно спокойно прошло и установление конных памятников Я.П. Бакланову в Волгодонске в 2008 г. и А.П. Ермолову в Орле в 2012 г. Однако установление бюста великому князю Михаилу Николаевичу в Майкопском районе Республики Адыгея вызвало настоящую волну протестов. «Адыге Хасэ» выступило резко против «памятника палачу адыгского народа М.Н. Романову» [7].

В целом, количество памятников, посвященных Кавказской войне, в последнее время значительно возросло, что само себе

свидетельствует об актуализации данных событий различными общественно-политическими силами. Их значение памятников выходит далеко за мемориальную функцию, связанную с увековечиванием памяти о героях и жертвах войны. Мемориализация войны все чаще получает этнически выраженный и эмоционально окрашенный характер, отражая различные представления о прошлом представителей разных национальных групп населения региона, что служит основной для формирования у них различной идентичности [8]. В результате данные памятники выступают фактором усиления социально-политической напряженности в регионе.

Примечания

1. См.: *Кринко Е.Ф.* Кавказская война в исторической памяти: конфликт интерпретаций // «Черкесский вопрос» в контексте угроз и рисков в Азово-Черноморском регионе. Материалы Расширенного заседания Ученого совета ИСЭГИ ЮНЦ РАН (5 июля 2011 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2011. С. 55–66.
2. Город Грозный – на перекрестках времени (продолжение). URL.: <http://blogs.mail.ru/mail/tychok2/75F3FE31756C2EE5.html> (дата обращения: 13.06.2011).
3. В Майкопе властями Адыгеи сорвано открытие памятника святителю Николаю. URL.: <http://www.sedmitza.ru/text/336461.html> (дата обращения: 21.08.2013).
4. Первый памятник павшим за свободу и независимость Черкесии. URL.: http://www.elot.ru/main/index.php?option=com_content&task=view&id=67 (дата обращения: 13.06.2011).
5. Арамбий Хапай: Я посоветовал бы олимпийский огонь Сочи пронести мимо Майкопа. URL.: <http://aheku.org/page-id-3465.html> (дата обращения: 21.08.2013).
6. Строительство в центре Майкопа памятника «Памяти и Единения» планируется завершить. URL.: <http://www.zihia.net/index.php?newsid=1180> (дата обращения 21.08.2013).
7. Заявление Адыгейской региональной общественной организации возрождения национальных традиций черкесского народа «Адыгэ Хасэ». URL.: <http://www.natpress.ru/index.php?newsid=6280> (дата обращения: 21.08.2013).
8. См.: *Матишов Г.Г., Авксентьев В.А., Батиев Л.В.* Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. III. Ростов н/Д, 2009

РОССИЯ И КАВКАЗ: БОЛЕВЫЕ ТОЧКИ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И СТРАТЕГИЯ “ИСТОРИЧЕСКОГО”
ПРИМИРЕНИЯ¹

18 августа 2013 г. в Ростове-на-Дону состоялся митинг со ставшим уже привычным и более не настораживающим среднестатистического горожанина названием «Против этнической преступности и коррупции». Поводом к его проведению послужил очередной инцидент с участием *«гостей с юга»*. По итогам митинга была принята резолюция, в которой высказывались претензии к действующей власти, требования навести порядок в вопросах миграционного законодательства и работе правоохранительных органов, *«не всегда оперативно реагирующих на возникновение конфликтов между местным населением и приезжими из республик Северного Кавказа»* [1]. А двумя днями позже *«стилист с огромным стажем работы и приличным образованием»*, приехавший из Армении *«поправить семейный бюджет»*, рассказывал мне о грубых нравах кавказцев и неумении их жить в мире *«хоть с кем-нибудь»*. При этом и участники митинга, и мой случайный собеседник видели в выходцах с Кавказа, прежде всего, мигрантов, а не граждан России, тем самым, подтверждая довольно расхожее мнение о том, что «Кавказ – не Россия». В этом суждении, к сожалению разделяемым не только массовым обывателем, но представителями всевозможных экспертных сообществ, оказались спрессованными и застарелые исторические обиды государственнообразующего этноса, огромные силы затратившего на обустройство окраинных *«иноплеменных»* земель, и сетования титульных народов на неправомерное завоевание некогда принадлежащих им территорий, насильственно включенных в состав империи.

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Зоны геополитической напряженности на южных границах России: гуманитарные технологии поддержания мира и нестабильности».

Призраки прошлого, все чаще омрачающие межнациональные отношения и становящиеся морально-нравственными и поведенческими ориентирами в разрешении спорных ситуаций на Кавказе, оказываются неоспоримыми свидетелями его властного давления над днем сегодняшним. Поиски примирения с ним за последние несколько десятилетий превратились в самодовлеющую и мало чем оправданную цель, вызывая к жизни различные интеграционные проекты России и Кавказа. Одним из них все еще остается так называемый «черкесский вопрос», к настоящему времени уже утративший свою прежнюю остроту, но, тем не менее, будоражащий воображение определенной части населения и используемый этническими активистами в качестве не лишено эффективности средства давления на федеральную власть. На сегодняшний день его интеграционные интенции представлены двумя версиями, находящими свое отражение в позициях лидера «Черкесского Конгресса Адыгеи» М.П. Берзегова и председателя «Общественный парламент причерноморских адыгов-шапсугов – Адыгэ-Хасэ» М.Х. Чачуха.

Версия 1: «Россия должна извиниться за геноцид и содействовать возвращению соотечественников на историческую Родину». Право возвращения соотечественников на историческую родину практически всеми адыгскими общественными организациями связывается с массовым исходом адыгов в годы Кавказской войны, квалифицируемого ими как «геноцид». Накал страстей вокруг необходимости его признания Российским государством пришелся на 1990-е – начало 2000-х гг. В настоящее время для подавляющего большинства титульного населения северокавказского региона события, связанные с Кавказской войной, не более чем трагическая страница прошлого. Однако для определенной его части признание российским руководством геноцида адыгов имеет принципиальное значение. Наиболее последовательную в своей неизменности позицию занимает руководство «Черкесского конгресса Адыгеи». Из двухчасового интервью с его лидером М.П. Берзеговым мне удалось прояснить не только отстаиваемые им взгляды, но и причины, побудившие его создать

общественную организацию. Полагая себя этническим убыхом, потомком аристократического рода, «который, скажем, в течение зрительно тысячелетия был как бы во главе убыхских всех движений, в том числе 80 крупных сражений, которые адыги дали России», он полагает, что на генетическом уровне впитал боль и трагедию своего народа: «Генетика, наверное. Генетика. Наверное, мне сильнее всего чувствуются те проблемы, которые я впитал с детства и понимал, что произошло ... Мне не хватает моего народа. Вы поедите в Сочи, ни одного убыха там не найдете. Так что же, я должен быть спокоен? Хорошо, Ельцин это сказал [речь идет о заявлении 1996 г., в котором Россия признала свои ошибки, совершенные в прошлом – Т.Х.]. Это то же самое, что я, условного говоря, занимаю Ваш дом, я понимаю, что что-то не так, что я обеспокоен, да я признаю, что что-то не так. И что же? А как же 80 % населения, которое находится в 50-ти государствах?» [2]. Именно эти люди, по его мнению, должны иметь конституционное право возвращения на историческую родину вне зависимости от того, какая часть зарубежных адыгов им воспользуется в реальности. Аргументами его обоснования выступают международные и российские законодательные акты, а также реалии прошлого, вернее их нынешнее истолкование. Основные претензии к руководству РФ сводятся к невыполнению ею подписанных и принятых на себя обязательств: «Есть устав ООН. Создается такое ощущение, что мы блуждаем в тумане. Черкесы непонятно чего хотят. Когда начинаешь говорить, приходят ФСБ, карательные органы, говорят: “Вы – экстремист”. Ребята, Вы подписали, выйдете из ООН, объявите себя совершенно другим государством и никто не будет никаких претензий предъявлять ни по уставу ООН, ни европейским декларациям. Почему так происходит? Сегодня Россия широко пользуется своим правом вето в Совете Безопасности ООН, да, но стоит ей напомнить о своих обязательствах, о праве, так сразу объявляют, экстремистом. Я, что не так говорю? Я же ссылаюсь на устав ООН. Что историческая территория не определена уставом ООН, она определена».

Однако наиболее остро, по словам моего собеседника, адыгская зарубежная диаспора восприняла «Закон о соотечественниках», где Российское государство объявило себя «*правопреемником Российской империи*». Именно благодаря этой правопреемственности Кавказ оказался в ее сегодняшних границах, а вместе с ним и «*груз моральной ответственности за прошедшую русско-черкесскую войну*»: «*Российская Федерация, если бы она не объявила себя правопреемником, она бы не могла сказать, что Кавказ является частью России, потому что он стал во время Российского государства и Российской империи. Понятно, да. Так сейчас как быть в части обязательств? Вопрос очень сложный. К тому же двуглавый орел, хотя это не приемлемо, скажем для Кавказа, потому что именно под этим двуглавым орлом уничтожали наш народ. Но на это никто не посмотрел ... Идем дальше. Атрибутика, ну хорошо. А что с моралью делать? Российская Федерация взяла на себя не только правопреемственность, но и моральную ответственность за все, что произошло в XIX в. Вы знаете, никто из черкесов не ожидал, что на это пойдет Российская Федерация. Я разговаривал со многими диаспорами, практически держу связь и в Англии, и в Америке, Иордании, Сирии, Израиле, Германии, везде, Италии, Франции. Я знаю настроения. Даже признавая эту правопреемственность, хотя все черкесы почему-то думали, что моральную ответственность Россия не возьмет. Но сегодня получается, что сегодня происходит с нашей организацией, со мной, с черкесскими всеми национальными движениями, которые более или менее что-то говорят... Получается, что Российская Федерация обозначает моральную преемственность, что вообще не допустимо, совершенно недопустимо. Нельзя брать на себя весь негатив, который произошел здесь. Мы чего ожидали? Ну, хорошо правопреемственность, но моральная...».*

Возвращение репатриантов, по его мнению, будет способствовать восстановлению исторической Черкесии в границах проживания «*народа на данной территории до начала ее оккупации, колонизации*». Вопрос об определении границ будущего административно-территориального образования лидер «Черкесского конгресса» предлагает передать будущим

поколениям, когда «вопрос территории вообще не будет стоять. Не думаю, что вопрос территории может быть сложным, если этнос не испытывает такого чувства страха, что он исчезнет. Есть Дагестан, 2,5 млн. Они говорят, Вы будете объединяться со Ставропольским краем. Они говорят, пожалуйста, хоть сегодня. А почему? Они чувствуют, что этот этнос не исчезнет. Достаточно плотно культура, язык, и поэтому они не испытывают каких-то территориальных комплексов. Черкесы почему уцепились за эту республику? Они, что не понимают, что юридически она не состоятельна. Но потому что это единственный способ, хотя бы сохранить себя. Но если, допустим, возвращение черкесов. Черкесы в пограничном состоянии, рождаемость падает, постоянно эта острая мысль в мозгах у всех, что мы уменьшаемся. Прибытие беженцев, совершенно не имеющих отношения к России Подхлестывает эти чувства, инстинкт самосохранения. Но стоит убрать, отойти от этой черты, я думаю, что через 30 лет им будет абсолютно все равно, где жить» Острота и накал черкесской проблемы, о которой так много говорится, и о которой я говорила с разными людьми, не выходят за пределы общественных организаций и части творческой интеллигенции республики. Практически все мои собеседники с болью и горечью отзывались о событиях, связанных с Кавказской войной и ее последствиями, которые «безусловно, достойны своего увековечивания и памяти». Не все они разделяют и «имперскую», «навязываемую Россией» версию трагедии своего народа, полагая ее «уделом специалистов». Призрак Кавказской войны, ставший для того же лидера «Черкесского конгресса» отправной точкой всех нынешних бед разделенного и разбросанного народа, по признанию ряда респондентов, нуждается в своем успокоении.

Версия 2: «Мы не мыслим себя вне России, но есть определенные проблемы и их надо решать». Движение за возрождение Шапсугского национального района началось летом 1990 г. с требования «восстановления исторической справедливости со времен Кавказской войны»: демонтажа памятника-бюста адмиралу Лазареву, установленного в 1954 г. на одноименной железнодорожной станции; протестов по поводу

празднования 150-летия гг. Новороссийска, Туапсе и Сочи, связывавших их основание со строительством Черноморской береговой линии.

1 декабря 1990 г. I съезд причерноморских адыгов провозгласил создание Шапсугского национального района как субъекта РФ в границах традиционного расселения шапсугов от пос. Головинка Лазаревского района до пос. Новомихайловского Туапсинского района включительно. Требования шапсугов получили поддержку Конфедерации горских народов Кавказа, а также представителей ряда академических и образовательных учреждений Москвы, Ростова-на-Дону и Нальчика. На II съезде шапсугского народа осенью 1991 г. уже прозвучала идея создания «Великой Шапсуги» от Сочи до Анапы. В этот же период высказывались идеи о присоединении «шапсугской автономии» к Адыгее с перспективой создания из трех адыгских республик, южных районов Краснодарского и Ставропольского краев «Великого черкесского государства». Идею воссоздания Шапсугского национального района в составе Краснодарского края поддержал и Президиум Верховного Совета РФ. Оценивая тот период деятельности национального движения, его лидер в июле 2013 г. особо подчеркнул: *«Вы помните, страна СССР разваливалась, Вы прекрасно понимаете, о чем я говорю, никто не знал, что нас ждет. Много было наивных, может быть, много было таких ожиданий, которые потом не оправдались и далее <...> Но вообще, то были чистые полностью, я не сторонник чтобы кого-то сейчас в этом обвинять, это были чистые помыслы в надежде, что этот механизм, эта административная структура – Шапсугский национальный район – может обеспечить вот сохранение этнокультуры, языка и так далее. Вот такие были представления, как механизм реализации своих прав, вот так рассматривалось, вот так объяснялось, что мы просим национальный район для того чтобы обеспечить сохранение своей этнической самобытности, сохранение родного языка, культуры. В тот период полемики в разных средствах массовой информации звучали другие обвинения, что для чего это делается, все это искажалось, нам это было очень больно и обидно, очень такие выпады в наш*

адрес происходили, ну бредовые, в плоть для того, что пытаемся создать отдельный какой-то регион, выйти и состава Российской Федерации, исламский пояс создать, ну все это бред, конечно» [3].

Начавшееся противостояние с краевыми органами власти и последовавший за ним переговорный процесс завершились в ноябре 1992 г. подготовкой шапсугскими лидерами проекта «Программы национально-культурного и социально-экономического возрождения шапсугской этнической общности». Создание района теперь уже мыслилось как составная часть Краснодарского края, предназначением которого виделась работа по сохранению культурно-исторического наследия шапсугского этноса. Свое организационное оформление проект Программы получил в 1994 г. с созданием Общественного парламента шапсугского народа – «Адыгэ Хасэ». Парламент в количестве 35 чел. возглавил М.Х. Чачух. Главными направлениями его деятельности стали работа с законодательными органами власти; создание национальной автономии и условий для изучения родного языка, литературы и истории; восстановление и защита исторической правды о шапсугском народе; социально-экономическое развитие мест компактного проживания адыгов-шапсугов. В «Адыгэ Хасэ» сформированы органы управления автономным образованием: Совет «Хасэ», который выполняет законодательные функции и Совет старейшин, осуществляющий судебные функции. Созданы 12 комитетов, которые рассматриваются в качестве альтернативных действующим в регионе законным органам власти. Вместе с тем, среди лидеров «Адыгэ Хасэ» нет единства по вопросу о методах решения задач движения. Старшее поколение призывает добиваться решения «шапсугской проблемы» конституционным путем через депутатский корпус РФ от Северного Кавказа, национальные движения и средства массовой информации. Молодежное крыло высказывается за необходимость немедленного воссоздания национального района. В то же время, руководство общественного парламента признает, что благодаря поддержке властей Краснодарского края и Республики Адыгея, органов местного самоуправления на сегодняшний день решен целый ряд

проблем национально-культурного и социально-экономического развития шапсугов. Прежде всего, принят Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», каковыми постановлением Правительства РФ от 24 марта 2000 г. признаны шапсуги. В результате они получили право на создание национально-территориальной автономии в многонациональном Сочи. Правда, радикальная часть шапсугского национального движения рассматривает включение шапсугов в Единый перечень малочисленных народов РФ как законодательную возможность к собственному административно-территориальному обособлению.

В бюджете Краснодарского края с 1999 г. предусматриваются финансовые средства на национально-культурное и социально-экономическое развитие причерноморских шапсугов. Приняты меры по обеспечению представительства шапсугов в администрации Краснодарского края – М.Х. Чачух был назначен инструктором контрольно-аналитического управления администрации Краснодарского края по Сочи. Состоявшийся весной 2002 г. V съезд причерноморских шапсугов отказался от требования воссоздания Шапсугского национального района, признав такой путь разрешения проблем национально-культурного и социально-экономического развития причерноморских шапсугов *«нерациональным и нереальным»*. На сегодняшний день причерноморские шапсуги стоят перед необходимостью решения двух основных проблем, никак не связанных с «подрывом» целостности Российской Федерации и выходом из ее пределов: *«Есть проблемы, которые мы не смогли решить, и они до сих пор остаются одними из самых основных. Например, та ситуация, что все земли вокруг аулов в результате акционирования бывших совхозов и колхозов оказались в руках нескольких человек <...>. Это привело к тому, что просто нас, адыгов-шапсугов, отстранили от традиционных видов хозяйственной деятельности, которые связаны именно с сельским хозяйством, именно с землей и так далее <...>. Одно из требований – это включение, внесение в устав Краснодарского края изменения о том, что на территории Краснодарского края проживают представители коренного малочисленного народа –*

шапсугов, права которого гарантируются в соответствии с конституцией Российской Федерации и Федеральным законодательством». По мнению М.Х. Чачуха идея автономного района себя давно изжила и необходимо сосредоточиться на решение конкретных реальных проблем, стоящих перед шапсугским народом: «Я считаю, что вот эти вопросы [сохранения традиционной среды обитания, культуры, языка – Т.Х.], они абсолютно реальные и нужные людям. Я приземленный человек. Политика, говорят, искусство достижимого. Я не ставлю вот этих заоблачных невыполнимых ненужных идей, вопросов, я не собираюсь ими заниматься, и так я слишком много времени своей жизни посвятил вот этим вопросам». Только наличие этих двух версий «сосуществования России и Кавказа» свидетельствуют о наличие ряда проблем, требующих своего безотлагательного разрешения. Их не всегда отвечающее интересам подавляющего большинства общества видение требует всесторонней проработки и нахождения разумного компромисса. Между тем, возможностей для его осуществления остается все меньше и причиной тому оказывается неготовность противостоящих сторон признать очевидную, но трудно дающуюся пониманию вещь. Все мы граждане одной страны, прошлое которой давно уже стало историей и нуждается в естественном успокоении.

Примечания

1. *Гузенко И.* Митинг в Ростове против этнической преступности и коррупции собрал около 150 человек URL: http://www.donnews.ru/Miting-v-Rostove-protiv-etnicheskoy-prestupnosti-i-korrupsii-sobral-okolo--chelovek_12369 (Дата обращения: 19.08.2013).

2. Здесь и далее приводятся выдержки из интервью, взятом автором этой статьи у М.П. Берзегова в г. Майкопе 27.07.2012 г.

3. Здесь и далее приводятся выдержки из интервью, взятом автором этой статьи у М.Х. Чачуха в пос. Лазоревском 23.07.2013 г.

«ЧЕРКЕССКИЙ ВОПРОС» В СОВРЕМЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Под «черкесским вопросом» условно понимается процесс вхождения адыгских племен Северо-Западного Кавказа в состав многонационального Российского государства. Данный процесс неоднозначно трактуется в отечественной и зарубежной историографии, и это не случайно. В многовековой истории русско-северокавказских отношений без труда можно найти примеры непримиримого, как казалось современникам и участникам событий, противостояния. Но также история являла и образцы созидательного, партнерского, дружеского единения. Чередовавшиеся взлеты и падения взаимного интереса в широкой исторической ретроспективе позволяют прийти к выводу о постепенно нараставшем и никогда не прекращающемся интегративном процессе, являвшемся частью континентальной евразийской стабилизации, которую в последние столетия в значительной степени обеспечивала и обеспечивает многонациональная Россия.

Кавказоведение как часть исторической науки никогда не было обделено вниманием исследователей. Свою интригу вносил и конъюнктурный интерес к Кавказу, обусловленный событиями последних десятилетий, когда регион стал одной из «болевых точек» на бывшем постсоветском пространстве. В обширной историографии, откликнувшейся на социальный заказ времени, встречались работы разного уровня. Среди ярких и запоминающихся образцов исследований, отличающихся не только импонирующим критическим подходом к анализу фактов, но и живым, доходчивым языком изложения, выделяется работа Андрея Александровича Епифанцева «Неизвестная Кавказская война. Был ли геноцид адыгов?» – М.: ООО «ИПЦ «Маска», 2010. – 356 с.

Хотя исследователь пишет о том, что его работа не является исторической и пишется не для историков, представляется, что автор достаточно компетентен в поднимаемых им проблемах и

неплохо ориентируется в сути тех дискуссий, которые разгорелись вокруг событий т.н. «Кавказской войны».

При чтении работы А.А. Епифанцева вспомнилась высказанная М.Н. Покровским мысль о том, что «история – это политика, опрокинутая в прошлое». Представляется, что одна из главных заслуг книги – наглядная демонстрация этого. На Кавказе уже давно и небезуспешно раскручиваются исторические мифы о нанесенных предкам обидах, соответственно, мобилизуется общественное мнение и в случае необходимости используется для нажима на федеральный центр, выдавливая из него очередные преференции. Слабо верится, что присутствующая у народов региона государственность в виде собственных республик возможна без данной статьи доходов.

Приводимые исследователем исторические примеры известны достаточно хорошо. Интерес вызывает их интерпретация, предложенная автором. И здесь, как представляется, А.А. Епифанцев удачно подмечает целый ряд нестыковок и натяжек, характерных для работ немалой части «национальных историков». Не пересказывая раздел, посвященный проблеме численности противостоящих друг другу противоборствующих сил, особенностям их тактики и т.п. вопросам, дополним его еще одним примером. Немало копий было сломано при обсуждении роли крепости Моздок в российской политике в регионе. А.А. Епифанцев привел пример того, что, даже исходя из численности гарнизона, крепость никак не тянула на роль центра «русской агрессии» в крае (стр.16). Но есть еще один довод – «основание Моздока существенно ограничивало землепользование кабардинцев» [1]. Здесь, пожалуй, уместно привести описание местности, на которой была возведена крепость: «Судя по карте, урочище Моздок представляет собой плато, имеющее форму эллипса, который одним основанием по длине большой оси упирается в реку Терек, а другим – выходит на просторы Моздокской степи. Справа у границ плато – труднопроходимый лес, который тянется по всей линии от Терека до болота, что исключает всякую возможность нападения неприятеля с этой стороны. Слева – такой же дремучий лес и далеко выступающая лука Терека... Таким

образом, крепость практически неуязвима с трех сторон. Выход же в степь преграждало Г-образное непроходимое болото (осушено лишь в 1970 г.), а узкий проход по равнине, который связывал плато с внешним миром, был укреплен различными фортификационными сооружениями» [2]. Сомнительно, что густой лес и болота оказались потерей для кабардинского землепользования. Но и это еще не всё. В исследовании Б.В. Виноградова приводится убедительное свидетельство того, что данная земля не принадлежала кабардинцам и находилась близ их границ, а потому претензии на неё были необоснованы. Постоянное же присутствие здесь кабардинского населения стало возможно как раз благодаря российскому покровительству [3].

В числе обвинений, звучащих в адрес российского государства, пожалуй, одно из самых распространенных – это покушение на традиционный уклад жизни. Однако что же скрывается за данным понятием, которое классик назвал «дикой вольностью»? То, что искореняла империя на Кавказе, хорошо видно из текстов присяг, которые давались горцами [4]. Требования российской стороны сводились преимущественно к запрету совершать набеги и заниматься т.н. хищничеством, удерживать пленных и продавать их в рабство. Об ином вмешательстве во внутренний уклад жизни местных народов, речь, как правило, не шла.

Кстати о «репрессалиях». А.А. Епифанцев верно подмечает, что глухая оборона в условиях войны на Кавказе была бесперспективной, учитывая к тому же малочисленность русских войск (стр.20). Об этом говорили и наиболее дальновидные кавказские военачальники, в частности А.А. Вельяминов [5]. Продолжая логическую линию А.А. Епифанцева, приводящего статистику российских войск в регионе, следует заметить, что активная наступательная тактика русского командования во многом определялась именно нехваткой личного состава, находящегося в его распоряжении.

Как представляется, одним из наиболее удачных разделов работы А.А. Епифанцева являются размышления об уровне развития адыгского общества, роли кодекса Хабзэ в его организации. Следующий вывод автора нельзя трактовать иначе

как гимном этому кодексу «адыгских правил, обычаев, норм и законов»: «Система Хабзэ была удивительна! Вписывая адыгские народы в картину мира и выстраивая общество так, чтобы во главе угла стояло исполнение геополитической задачи Черкесии, гарантировавшей ее безопасность, она решала стоящие задачи с одной стороны абсолютно надежно и уверенно, а с другой стороны – настолько же абсолютно нетрадиционно, элегантно и потрясающе эргономично – с использованием схем и методов, не встречающихся больше нигде в мире» (с.43-44).

Приводимые в качестве доказательства примеры весьма удачны. Он рассматривает роль адыгской знати, специализирующейся на военном деле и при этом чуждой накоплению богатства, т.к. согласно Хабзэ иметь его «рыцарю гор» не пристало. Такая высокопрофессиональная армия не только защищала остальное население, но еще и, занимаясь захватом рабов, поставляемых в Турцию, обеспечивала покровительство Черкесии со стороны последней. Полученные немалые средства тратились на организацию пиров, а то и просто раздавались соплеменникам, обеспечивая, таким образом, высокий социальный статус щедрому «набежчику». Об этом говорится и в оригинальном исследовании А.С. Марзея, посвященном черкесскому наездничеству. Автор отмечает: «Совершенно очевидно, что не бедность и не добыча как средство к существованию были определяющими мотивами черкесского наездничества. Ключ к пониманию этого явления невозможно найти, если искать его только в сфере материального интереса, без учета других факторов, находящихся скорее в области этикетных ценностей, господствовавших в черкесском обществе. Два качества у адыгов давали мужчине-рыцарю вес и уважение, возможность прославиться – храбрость и щедрость. Захватывая добычу, наездник имел возможность прославить свою доблесть; раздавая ее – свою безграничную щедрость. Отсюда и двойственное отношение к добыче: с одной стороны – жажда ее приобретения, так как она являлась символом, знаком воинской доблести, а с другой – полное к ней пренебрежение» [6]. Вывод о мотивации набега, конечно, не бесспорен, и сбрасывать со счета меркантильную составляющую «хищничества» нельзя. Но,

представляется, что и отмеченная А.С. Марзеем жажда славы как побудительный мотив играла весьма существенную роль.

Вместо письменных законов отношения в обществе регулировали этические нормы, которые вошли «в привычки людей, в естественный для них образ жизни» (стр.46). Аналогичные рассуждения мы находим у А.С. Марзей: «Черкесское общество было по своему характеру традиционалистского типа, то есть большая часть общественной жизни здесь регулировалась не государственными учреждениями и законами, а общественными институтами и обычаями. Этикет и обычаи регулировали все стороны жизни, успешно компенсируя отсутствие у черкесов развитых государственных институтов» [7].

Торговля, которая неминуемо приводит к имущественному расслоению общества, была передана черкесами в руки армян, генуэзцев и турок. Получился взаимовыгодный симбиоз, долгое время устраивающий все стороны.

«Однако, – продолжает А.А. Епифанцев, – мир менялся! И в этом-то и заключалась главная проблема кодекса Хабзэ... Как любая замкнутая система Хабзэ был крайне неприспособлен для этноконкуренции с другими социальными системами. И здесь его универсальность и эргономичность играет с адыгами роковую шутку. Дело в том, что отвергая социальные институты, которые в рамках тех – закрытых – условий действительности были не нужны, он вычеркивает из жизни адыгов целый спектр социальных отношений, без которых в те времена прогресс уже был решительно невозможен, что, рано или поздно, при открытии системы, при ее столкновении с открытым и высококонкурентным миром, обрекали адыгов на тяжелое поражение» (с.47-49).

Здесь, пожалуй, уместно вспомнить рецензию О.В. Матвеева, который, полемизируя с С.Х. Хотко, пришел во многом к аналогичным выводам. Он отметил достаточно упрощенную структуру адыгского общества, которую его оппонент попытался представить как структуру полисного типа. На это О.В. Матвеев заметил, что «возникает вопрос: если в горах Северо-Западного Кавказа действительно существовали полисы типа Афин,

Спарты, ахейского союза, то где же тогда черкесские аристотели, фидии и эсхилы? История Черкесии, по удачному выражению Р.А. Фадеева, «осталась без собственных имен». Культура адыгов, за исключением имен нескольких джегуако и мастеров, ставивших клейма на оружии, носит анонимный, догосударственный характер. При всех выдающихся достижениях горцев в садоводстве, при всем богатстве нартского эпоса, являющегося крупным вкладом в сокровищницу мировой культуры, эти достижения все же трудно поставить на один уровень с античными» [8].

Искусственная попытка извне «подтянуть» горцев до уровня государственности, как это было с черкесами, провозгласившими ее во время Сочинского меджлиса 1861-1862 гг. [9], закончилась провалом [10]. Для этого у них не было ни социальных, ни экономических, ни политических предпосылок.

Возвращаясь к Хабзэ, любопытным видится тот факт, что когда в 1865 г. окружные словесные суды попытались действовать согласно народным обычаям, этого сделать не удалось, т.к. у не изживших племенное различие адыгов они отличались друг от друга. Следовательно, Хабзэ препятствовал формированию единого адыгского этноса. Он начнет формироваться благодаря российскому влиянию, сумевшему сломать все эти внутренние перегородки.

Подмечает А.А. Епифанцев и военную «ущербность» черкесов, отряды которых были «заточены» под конкретную цель – участие в набеге с целью захвата добычи. Такие армии при определенном ореоле романтизма не могут главного – выигрывать войны.

Следует отдать должное исследователю, который верно оценил роль внешнеполитического фактора, оказавшего огромное влияние на ситуацию в регионе. В интересах Османской и Британской империй было затягивание вооруженного конфликта на Кавказе и ослабление их российского соперника [11]. Горцы стали обычным инструментом в этой борьбе. Даже своим «национальным флагом» черкесы обязаны англичанам, которые щедро раздавали обещания оказать поддержку в «борьбе за независимость» [12].

Колоссальное значение для адыгской внешней торговли имели рабы. А.А. Епифанцев называет их стратегической статьёй экспорта. Об этой статье доходов написано немало [13]. Россия, поведя последовательную борьбу с практикой «пленопродавства», предпринимая обременительные шаги по блокаде черноморского побережья [14], нанесла адыгам тяжелейший удар, ставший одной из причин структурного кризиса в их обществе.

Не обошел вниманием А.А. Епифанцев и роль горцев на русской службе. Сейчас существует тенденция навешивания на них ярлыков «предателей собственного народа», в чем преуспел, к примеру, «национально озабоченный» С.Х. Хотко [15]. Но на вопрос, поставленный автором, кто прав – пошедший на русскую службу князь Кургоко Канчокин или непримиримый противник России Казбич Шеретлуко, представляется, что история уже определилась с ответом.

Третью главу монографии «Легенды и мифы Кавказской войны», в которой исследователь развенчивает хрестоматийные обвинения, связанные с проблемой переселения черкесов в малярийные места на верную смерть, о «кровавой бойне» в районе Сочи, о гуманных колонизаторах-англичанах, истребленных убыхах и т.п., очень хочется дополнить статьёй С.Н. Ктиторова, который, вдохновившись перлами авторов книги «Земля адыгов», систематизировал наиболее часто встречающиеся мифологемы национальной историографии [16]. Не пересказывая всей работы, остановимся только на статистических выкладках. Оставшееся «под гнетом империи» горское население, проживающее в Кубанской области с 1893 по 191 гг. увеличилось с 94 040 чел., до 135 606 человек, т.е. на 44,20%.

Проблему школьных учебников Адыгеи, о научном содержании которых справедливо предлагает поинтересоваться А.А. Епифанцев (стр.350), уже поднимала кавказоведческая школа В.Б. Виноградова, отметившая тот этноцентризм, которым они отличаются. В частности, было отмечено, что «адыгоцентризм», никак не согласуется ни с прошлым, ни (тем более!) с нынешним полиэтничным составом населения

Республики Адыгея, а, следовательно, и тем контингентом учащейся молодежи, которому адресованы эти учебники» [17].

Заслуживает внимания недавно прозвучавший доклад Анзора Александровича Остахова «Перспективные акценты в дискуссионном процессе по черкесскому вопросу» // Западный Кавказ: современные проблемы (Ростов, 19 марта 2013 г.) // <http://hekupsa.com/cherkesiya/anticherkesizm/699-anticherkesskij-doklad-anzora-ostakhova>, который ряд блоггеров поспешили отнести к числу античеркесских. Отмечая политическую ангажированность ряда исследователей адыгской проблематики, автор отмечает, что их целью стало «вымывание из сознания адыгской молодежи идеи благости и безальтернативности русско-адыгского единства». В качестве контрмеры он предлагает популяризировать позитивные стороны русско-адыгского прошлого, создавать комплиментарный фон для его продуктивного изучения. В качестве примера А.А. Остахов предлагает остановиться на знаковых персонажах черкесской истории, таких как Джембулат Болотоков, Григорий Христофорович Засс. Вопреки навязываемым стереотипам, исследователь видит в них новую общности людей, понимающих все преимущества формирующегося исторического партнерства, того явления, которое трактуется Школой В.Б. Виноградова как феномен российскости.

Разделяя и в целом поддерживая позицию автора, вместе с тем отметим, что интерес в конфронтационной трактовке истории далеко не всегда обусловлен внешним вмешательством. На сегодняшнем этапе он соответствует потребностям немалой части местных элит, которые, эксплуатируя идею былых обид и подогревая реваншистские настроения, имеют возможность шантажировать федеральный центр и получая от этого вполне ощутимые материальные выгоды.

Рассматривая российскость как парадигму русско-северокавказских отношений, вместе с тем следует понимать, что она вряд ли станет доминирующей в кавказоведении даже в отдаленной исторической перспективе, что впрочем, не означает отказа от настойчивого изучения и пропаганды примеров позитивного опыта русско-северокавказского сближения.

Примечания

1. История многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик, 2007. С.145.
2. Город Моздок: исторический очерк. Владикавказ, 1995. С.22-23.
3. *Виноградов В.В.* Интегративные проекты и дезинтегрирующие факторы в российско-северокавказских взаимоотношениях конца XVIII – начале XIX в. Славянск-на-Кубани, 2009. С.27-28, 32-33.
4. См. напр.: Документальная история образования многонационального государства Российского. В четырех книгах. Книга первая. Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках. / Под общей ред. Г.Л. Бондаревского, Г.Н. Колбая. – М., 1998. – 672 с.
5. *Вельяминов А.А.* Способ ускорить покорение горцев (Мемория генерал-лейтенанта Вельяминова, представленная в 1828-м году) // Кавказский сборник. - Тифлис, 1883. - Т.VII.
6. *Марзей А.С.* Черкесское наездничество «ЗЕКІУЭ» (Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX в.). Нальчик, 2004. С.276.
7. Там же. С.160.
8. *Матвеев О.В.* Образчик исторического мифотворчества (о книге С.Х. Хотко) // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. – Краснодар, 2005. №1-2. С.73.
9. *Чирг А.Ю.* Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.) Майкоп, 2002. С.167-172.
10. *Матвеев О.В.* «Народная воля заменяла... положительное право». (Еще раз к вопросу о Сочинском меджлисе начала 60-х гг. XIX в.) // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. Краснодар, 2000. №1-2. - С.17-21.
11. *Дегоев В.В.* Кавказ и великие державы 1829-1864 гг. Политика, война, дипломатия. М., 2009.
12. *Виноградов В.В., Клычников Ю.Ю.* О времени пребывания Э. Спенсера на Кавказе и о проблеме «Знамени независимости» // Вопросы северокавказской истории. Армавир, 2000. Вып.5. С.70-72.
13. *Чирг А.Ю.* Культура жизнеобеспечения адыгов // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). Майкоп, 1991. Вып. VIII. С.246-274; *Блиев М.М.* Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004. С.631; *Клычников Ю.Ю., Линец С.И.* Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (исторические очерки) / Под ред. и с предисловием В.В. Виноградова. Пятигорск, 2006. С.26-48 и др.
14. *Клычников Ю.Ю.* Российская политика на Северном Кавказе (1827 – 1840 гг.). – Пятигорск, 2002. С.459-489.
15. *Клычников Ю.Ю.* Адыгские просветители – носители идеи российскости // Вопросы северокавказской истории. Армавир, 2005. Вып. X. С.39-43.
16. *Ктиторов С.Н.* Этномифология, ведущая в никуда // Российский Северный Кавказ: текущие риски, посягательства и перспективы (Материалы 13-го научно-педагогического семинара) / Под ред. В.В. Виноградова. М.-Армавир, 2009. С.18-25.
17. Школьные учебники «История Адыгеи»: «за» и «против». Армавир, 2003. С.30.

ДВИЖЕНИЕ МЮРИДИЗМА НА КАВКАЗЕ И ПОЗИЦИЯ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ОЦЕНКИ¹

Кавказ – неотъемлемая часть России. Именно поэтому необходимо тщательно исследовать историю его завоевания, избавить ее от различных искажений и фальсификаций.

Присоединение Северного Кавказа имело важное стратегическое значение для обеспечения «спокойного тыла» в ближневосточных и средневосточных делах России. Здесь сталкивались интересы России с агрессивными устремлениями султанской Турции и капиталистической Англии. Для развития русской торговли и хозяйства был необходим выход через Кавказ к Черному морю, и на первый план выдвинулась задача присоединения этого региона.

Большую роль в агитации против царской России сыграл религиозный фактор. Мощное движение, которое вылилось в длительную вооруженную борьбу с царской Россией, получило название мюридизм.

Мюридизм – это мистическое направление в исламе, возникшее среди горцев Северного Кавказа в XIX в. и сочетавшее в себе суфизм и учение о джихаде. Это учение о строгом соблюдении главных правил ислама, подражание пророку Мухаммеду. Он явился следствием действий русских властей: возведением на землях горцев крепостей, созданием так называемых укрепленных линий с казачьими поселениями, постоянными мобилизациями местного населения на строительство дорог, крепостей, требованиями обременительных податей, наконец, деятельностью назначенных в горские районы и области царских приставов и комендантских управлений, вмешивающихся во внутреннюю жизнь горцев.

¹ Статья написана при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках реализации мероприятий ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы по теме «Политика России на Кавказе в прошлом и настоящем: документальная база, интерпретации и противодействие фальсификации истории» (Соглашение 14.В37.21.0966).

Начавшееся в 20-х гг. XIX в. движение горцев носило сложный и противоречивый характер: освободительная борьба крестьянства здесь соединялась со стремлением местной феодальной знати и мусульманского духовенства к укреплению своей власти и влияния среди горских народов. Жестокие репрессии, применявшиеся царскими чиновниками по отношению к недовольным, – сожжение целых аулов, уничтожение посевов и запасов хлеба, истребление садов, массовый захват земли под казачьи поселения и имения царских генералов и высших чиновников – все это вызывало возмущение горцев и приводило к восстаниям [1]. Вполне понятно, что мусульманское духовенство не оставалось в стороне от событий, происходивших на Кавказе. Именно через него распространялось турецкое влияние, с которой они были связаны общностью религии.

Главной чертой мюридизма было сочетание в нем религиозного учения и политических действий, выразившихся в активном участии в “священной войне” – газавате или джихаде – против “неверных”, в данном случае против русских, исповедовавших христианство. Он способствовал распространению среди верующих идеологии отрешенности от мира, самопожертвования, обезличенности, беспрекословного подчинения его последователей их наставникам – мюридам. Следует отметить, что движение мюридизма развернулось не на всей территории Кавказа, а лишь в Дагестане и Чечне. Расцвет антиколониальной борьбы приходится на деятельность имама Шамиля, которому удалось возглавить борьбу горцев и создать на территории Дагестана и Чечни свое теократическое государство – имамат. Власть имама сосредотачивала как религиозные, так и военно-административные функции. Практически диктаторские полномочия имама над телами и душами горцев ограничивались лишь законами шариата. В условиях непрекращающейся партизанской войны, имам был как бы прямым наместником Аллаха для горских народов.

Ярким событиям, идеологией которых послужил мюридизм, посвящено огромное количество исследований как зарубежных, так и отечественных историков. Трактовка религиозного

движения различалась в зависимости от того, в какой период писали ученые.

Дореволюционная дворянско-буржуазная историография преувеличивала роль религиозного момента в борьбе горцев против царизма. Историки того времени видели в мюридизме, подчас лишь жестокий мусульманский фанатизм кавказских народов и традиционную ненависть ко всему иноверному и особо воинственный характер. Примерно такое же мнение присутствовало и в зарубежной литературе.

Советская историография трактовала движение с марксистско-ленинской точки зрения. Главный упор был сделан на исследовании антифеодального и национально-освободительного характера этой борьбы, на разоблачение мрачных сторон колониальной политики, грабительских и русификаторских мероприятий царской администрации, препятствовавших сближению горского населения с русским народом [2]. Так, М.Н. Покровский не видел в мюридизме реакционных сторон. Он считал его положительным, религиозным и демократическим явлением, забывая о его средневековом феодально-теократическом характере [3].

В советской и постсоветской исторической науке этому явлению исследователями давались не всегда верные определения, часто с идеологическим оттенком, нередко отождествляя понятия тарикат (мистическое братство) и мюридизм. Историческая наука изрядно пострадала от культа личности, поэтому многие периоды нашей истории не получали плодотворной научной разработки [4]. В 50-е – 60-е гг. XX в. самый значительный вклад в изучение рассматриваемой проблемы внес Н. А. Смирнов. Он пишет, что в основном, это было реакционное учение, «носившее антинародный и консервативный характер»: «Мюридизм призывал не столько к борьбе с царской Россией, сколько к борьбе с немусульманами: русскими, грузинами, армянами и другими. ... Мюридизм явился реакционной по форме и содержанию попыткой отгородить горцев Северного Кавказа от общего процесса исторического развития» [5]. Активные действия России на Кавказе он объяснял стратегической необходимостью удержания Закавказья.

Дагестанский историк В. Г. Гаджиев признает важную роль, которую играл мюридизм в движении горцев: «Движение горцев проходило под флагом мюридизма, поэтому, не разобравшись в религиозной окраске движения, нельзя воссоздать сколько-нибудь правдивую картину того сложного и противоречивого явления, каким является движение горцев Дагестана и Чечни в первой половине XIX в.» [6]. Следует отметить трезвый, критический взгляд В. Г. Гаджиева на рассматриваемые события, отсутствие восторженного отношения ко всем без исключения боевым действиям горцев, свойственного многим дагестанским историкам советского периода. Он даже термин «Кавказская война» считает не совсем правильным, так как все события происходили в границах одного государства, в то время как многие историки, и не только дагестанские, забывают о том, что к началу боевых действий Дагестан, Грузия, Азербайджан уже вошли в состав России. В общем, признавая мюридизм идеологией Кавказской войны, В.Г. Гаджиев не отводит ему решающей роли в развитии военных событий.

Отношение к Шамилю и мюридизму официальной советской исторической науки носило идеологически-конъюнктурный характер. Если в 1920-е гг. Шамиля представляли борцом против царизма, то позже оценивали как религиозного фанатика и англотурецкого агента, препятствовавшего добровольному вхождению народов Кавказа в состав России [7].

В настоящее время все большее распространение получает рассмотрение деятельности Шамиля в более широких рамках мусульманских реформаторских движений, охвативших исламский мир в XIX–XX вв. и способствовавших превращению мусульманских народов в полноправных членов мирового сообщества.

Несмотря на тяжелую войну и свое поражение, народы Северного Кавказа сохранили глубокое почтение к деятельности и личности Шамиля. След, оставленный им в кавказской истории, был столь значительным, что идея воссоздания Имамата — независимого от России исламского государства, объединяющего все мусульманские народы Северного Кавказа, неоднократно возникала здесь в кризисные периоды российской истории (в

1917–1920 и в 1989–1992 гг.). Немало сторонников среди представителей различных национальных движений, например, лидеров Конфедерации народов Кавказа, Аварского народного фронта имени имама Шамиля, эта идея имеет место и в настоящее время.

Присоединение Кавказа к России было длительным и болезненным процессом. Однако, результат очевиден. Феодалный гнет, пережитки патриархально-родовых отношений, власть религии и духовенства – еще больше тормозило общественно-экономическое развитие региона. Сами горцы были бессильны преодолеть этот освященный веками консерватизм своего быта, изолированность и замкнутость своих сельских обществ. Только присоединение Кавказа к России, к стране, находившейся на более высоком уровне экономического и культурного развития, втягивая горцев во всероссийский обмен, приобщая их к социальным процессам, могло коренным образом изменить жизненный уровень развития горских народов [8]. В этом прогрессивное значение присоединения Северного Кавказа к России, несмотря на жестокие методы борьбы. Международное значение было не менее важным. Россия стремилась закрепиться в данном регионе, с экономической, геополитической точки зрения ей было выгодным занять здесь свои позиции. Ведь, Англия, Франция и Турция шли на тесное взаимодействие в противоборстве с царским правительством, желая вытеснить его с Кавказа.

Опыт прошлых военных лет Кавказской войны должен помочь нам задуматься о том, как выстраивать отношения между народами и культурами, и как не допустить разжигания конфликтов на религиозной почве.

Примечания

1. *Смирнов Н. А.* Мюридизм на Кавказе. М., 63. С. 47.
2. Там же. С. 24.
3. *Покровский М.Н.* Дипломатия и войны царской России в 19 столетии. Глава «Завоевание Кавказа (горцы и мюридизм, Кавказская война)». М., 1924. С. 179.
4. *Бушуев С.К.* Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М., 1939. С. 49.
5. *Гаджиев В.Г.* Движение кавказских горцев под руководством Шамиля в исторической литературе. Махачкала, 1956. С. 47.

6. Там же. С.98.
7. Материалы научной конференции г. Краснодар, 16-18 мая 1994г. Кавказская война: уроки истории и современность. Краснодар 1995. С.11.
8. *Смирнов Н. А.* Политика России на Кавказе в XVI – XIX веках. М., 1958. С. 96.

2. ПОЛИТИКА РОССИИ НА КАВКАЗЕ В XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.: ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ БАЗА И ОЦЕНКИ

Великая Н.Н. (г. Армавир)

О МЕТОДАХ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Длительные очаги напряжённости и военных действий на Северном Кавказе в первой половине XIX в. обусловили внимание многих современных исследователей к военно-политическим методам политики Российской империи в регионе, произошёл возврат к дореволюционным и ранним советским терминам и весь указанный период стал именоваться «Кавказской войной». Но, как справедливо отметил В.В. Дегоев: «Театр» Кавказской войны располагался в определённых горных районах Чечни, Дагестана и Черкесии. За пределами их простиралась огромная, куда большая по площади территория, где отношения между русскими и горцами складывались по-разному, но отнюдь не всегда враждебно. Кроме того, и внутри очагов войны ситуация была не однозначной, с точки зрения... внешних ориентаций и восприятия России» [1].

Правительство в зависимости от складывающейся обстановки использовало многообразные способы решения возникающих проблем [2], на которые вновь хотелось бы обратить внимание. Методы российской политики на Северном Кавказе в первой половине XIX в. не оставались неизменными, не всегда отличались продуманностью и последовательностью, но в то же время были достаточно гибкими. Власти постоянно искали пути компромисса с местным населением.

Среди распространённых методов интеграции региона в состав России отметим **дипломатические**: от попыток создания в 1802 г. федеративного союза (с целью «водворить мир и тишину между горскими владельцами, прекратить между ними

самоуправство и доставить взаимную свободу торговле» - [3]) до заключения договоров и принятия присяг горскими обществами.

Российская власть пыталась урегулировать конфликты и между разными группами местного населения [4]. По словам С.М. Броневского, горцы «все без изъятия ведут войну с своими соседями: черкесы с абхазами, кабардинцы с осетинцами и чеченцами, осетинцы с кистами, чеченцы почти со всеми окружающими их коленами... война есть обычное состояние и образ жизни сих народов». Помимо внешних автор обращал внимание и на внутренние войны (борьба «одного колена против другого», кровомщение). Эта борьба наносила горцам колоссальный урон. Так, по преданиям, которые на рубеже XVIII-XIX вв. бытовали на Северном Кавказе, когда-то сильные и многочисленные карабулаки своими «насильствами» обратили против себя всех своих соседей, которые почти истребили сей «буйственный» народ. В этой обстановке одни горцы просили прислать российские войска для защиты, другие этим войскам оказывали сопротивление [5]. И зачастую устанавливавшиеся хорошие отношения с одними народами приводили к осложнениям с другими.

Стремление российских властей к «миру и тишине» в регионе не осуществилось и после того, как северокавказские народы оказались не на границе, а в составе Российского государства (после Гюлистанского 1813 г. и Адрианопольского 1829 г. договоров с Ираном и Турцией). Одна часть горцев приняла новые государственные правила общежития, а другая их категорически отвергала. «Репрессалиями» (**военными** методами) в отношении последних Россия пыталась как можно быстрее навести общеимперский порядок на Северном Кавказе [6].

В последние годы к событиям первой половины XIX в. стал применяться термин «геноцид», что вызывает обоснованные возражения [7]. Геноцид (то есть истребление местного населения по этническому, религиозному, расовому признаку) не был присущ политической линии российского правительства. Несмотря на многочисленные трудности, связанные с включением региона в политическое, экономическое, социальное

и культурное пространства России, правительство на протяжении всех лет противостояния продолжало рассматривать горцев как будущих законопослушных подданных («будущих детей России» по выражению С. Хан-Гирея) [8].

Идея истребления тех или иных этнических групп для того, чтобы «получить место под солнцем», была совершенно чужда как правительству, так и российскому общественному сознанию имперского периода. По словам офицера Ф.Ф. Торнау, «правительство старалось усмирить горцев, отнимая у них способы вредить нам, но ни в каком случае не имело желания истребить их» [9]. Подобные многочисленные высказывания как представителей власти, так и рядовых участников событий, свидетельствуют о серьезной идейной доминанте, которая утверждается в российском общественном сознании уже к началу XIX в. В этом, несомненно, сыграли свою роль идеи западноевропейского просвещения, русского православия с его неизменными призывами любить ближнего, а также представления о бескрайности российских просторов, «где места хватит всем», почему в стране доминировали не казни, а ссылки государственных преступников. В имперский период уничтожение тех или иных групп населения (геноцид) не являлось ни целью, ни методом государственной политики.

Распространенным методом российской политики в регионе являлось **переселение** горцев. Оно применялось не только к тем, кто не желал принимать российские законы и порядки, но и к тем, кто, наоборот, желал этого вследствие острого малоземелья. В основе первого лежало одно – удаление населения с определённых территорий, с которыми были связаны негативные факторы, и создание возможности в иных местах начать «новую» жизнь. Компактное проживание давало возможность определённым группам населения сохранять свою идентичность.

Правительство не особо препятствовало уходу преступных, с его точки зрения, или доставлявших особое беспокойство групп за рубеж. Такие переселения снимали саму проблему наказания [10]. Какие-то этнические группы переселялись и за укрепленные линии на Северном Кавказе, под защиту российских крепостей, подальше от действительных или возможных военных действий.

На Северном Кавказе переселения, проводившиеся при непосредственном влиянии российского правительства с конца XVIII в. и существенно «изменившие этническую карту региона, зависели от степени их вовлечения в военные действия, выбора подданства (покровительства) и государственной принадлежности той или иной территории, закреплённой в международных договорах». Как при этом справедливо подчеркивает исследователь проблемы З.Б. Кипкеева, «при всей их трагичности для местных народов совершенно недопустимо представлять для современного читателя эту практику российских властей как злой умысел против определённых этносов или геноцид, так как вопрос об их полном уничтожении никогда не ставился» [11].

Для ряда народов (осетин, ингушей и др.) переселения с разрешения и помощью российских властей на плоскость отвечали их давним чаяниям. Метод переселения применялся и к отдельным группам местного населения, спасавшимся, например, от кровной мести [12]. Миграции горцев на равнину приводили к ряду прогрессивных последствий: земледелие становилось ведущей отраслью хозяйства, что оказывало благотворное влияние на экономическое развитие региона, общую военно-политическую ситуацию, ускоряло этно-демографические процессы.

Российским правительством осуществлялись постоянные **изменения форм управления, административных границ, смена наместников, военачальников и др.**, которые могли бы обеспечить стабильность и порядок на Северном Кавказе [13].

Осуществлялось **привлечение широких слоёв горцев к сотрудничеству**, проявлявшееся в самых разных формах. В составе действующих подразделений российской армии неизменно находились отряды милиции практически из всех народов Северного Кавказа и Закавказья. Ополченцы выполняли функции проводников, переводчиков. Ногайские аулы на левом берегу Кубани содержали караулы и помогали казакам отражать набеги неприятеля, добросовестно выполняя свои обязанности. Кази-Мулла не дошёл до Владикавказа, поскольку был остановлен у Назрани, где русским ротам оказали поддержку

осетины и ингуши [14]. За участие в Крымской войне на стороне России были награждены медалями более 3350 чеченцев, ингушей, осетин и кабардинцев [15]. Подобные примеры можно умножить. Кавказский корпус был таковым не только по названию. Здесь взаимодействовали представители разных кавказских народов. Горцы служили и в охране российских императоров.

Совместными усилиями осуществлялось строительство дорог, мостов и крепостей, которые со временем становились городами [16].

Среди **финансово-экономических методов**, привлекавших северокавказцев на сторону России, было развитие торговли. К горцам из Центральной России поступали ткани, чугунные котлы, сундуки, кувшины, кружки, ковши, ножницы, иголки и пр., взамен северокавказцы предлагали шкуры домашних и диких животных, скот, овечью шерсть, воск, мёд, масло, войлоки, фрукты и др. Соль подвластным народам отпускалась за умеренную плату. Государственными органами санкционировалось открытие меновых дворов, а затем и ярмарок, выделялись средства на устройство еженедельных базаров. Предпринимались меры для создания единой финансовой системы, а также единых мер и весов, что способствовало ускорению торговых операций и втягиванию региона в единое экономическое пространство страны.

Борьба российской власти с пленопродавством, которое было обыденным явлением на Северном Кавказе до появления здесь российской государственности, осуществлялась с помощью разнообразных методов. Из-за работорговли ежегодно тысячи молодых людей вынужденно покидали регион, обеспечивая Османскую империю дешёвой рабочей силой, военным контингентом, наложницами. Демографический ущерб наносился как русскому, так и горскому населению. Правительство делало всё возможное для нейтрализации горских набегов, в ходе которых захватывались пленные: использовались войска, выделялись суммы для выкупа «ясырей», строились укрепления на пути движения торговцев живым товаром, вводилась блокада черноморского побережья крейсерами и др. Таким образом,

осуществлялся комплекс мер, направленных на ликвидацию работорговли и тем самым прекращение набегов [17].

С помощью разнообразных методов осуществлялись и иные важные направления российской политики в регионе: становление российских систем просвещения и здравоохранения и появление ядра будущей местной светской интеллигенции, развитие курортных заведений, проведение мероприятий санитарно-профилактического порядка, становление и развитие на Северном Кавказе надэтнических органов суда и управления, формирование нового пространства культуры с новыми формами архитектуры и искусства, досуга, новых учреждений и др.

В первой половине XIX в. население региона сделало значительный шаг вперёд от догосударственного к государственному существованию. Постепенно происходило «снятие» ситуации исторического тупика, в котором оказались народы Северного Кавказа, не имевшие внутренних импульсов для модернизации [18].

Несмотря на все трудности, в регионе даже в период военных действий создавалась та особая социокультурная, ментальная и т.п. сфера, внутри которой происходило взаимодействие, взаимовоздействие и синтез различных этнокультурных элементов при интегрирующей роли русской государственной и цивилизационно-культурной составляющей. Эта сфера Школой проф. В.Б. Виноградова именуется российскостью [19].

В заключение отметим, что реальному включению Северного Кавказа в состав России в первой половине XIX в. способствовал весьма широкий набор методов и средств, среди которых военным принадлежала отнюдь не единственная роль. Главная цель государства в регионе заключалась не в ограблении и тем более не в уничтожении местного населения, а в более тесной интеграции в единое (при всём разнообразии) политическое, экономическое, социальное и культурное пространство страны.

Примечания

1. Дегоев В.В. Кавказ в составе России: формирование имперской идентичности (первая половина XIX в.) // Кавказский сборник. Т.1 (33). М., 2004. С.44.

2.См.: Виноградов Б.В. Интеграционные проекты и дезинтегрирующие факторы в российско-северокавказских взаимоотношениях конца XVIII – начала XIX в. Славянск-

на-Кубани, 2009; *Виноградов Б.В.* История российского Северного Кавказа в XVIII – начале XIX в. Славянск-на-Кубани, 2010; *Виноградов В.Б.* Российский Северный Кавказ: факты, события, люди. М.-Армавир, 2006; *Дегоев В.В.* Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2003; *Клычников Ю.Ю.* Деятельность А.П.Ермолова на Северном Кавказе (1816-1827). Ессентуки, 1999; *Клычников Ю.Ю.* Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.). Пятигорск, 2002; *Кобахидзе Е.И.* «Не единою силою оружия...». Владикавказ, 2010; *Пылков О.С.* Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX вв.). Армавир, 2011; Северный Кавказ с древних времен до начала XX столетия (историко-этнографические очерки). Пятигорск, 2010 и др.

3.(С. М. *Броневский*) Новейшие Известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. СПб., 2004. С.360.

4. См., например, *Виноградов Б.В.* Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783-1816 гг. Славянск-на-Кубани, 2005. С.354-355.

5.(*Броневский С.М.*) Новейшие известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. СПб., 2004. С. 39, 182, 306.

6. *Клычников Ю.Ю.* Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.). Пятигорск, 2002. С.310-489.

7.См.: Вопросы южнороссийской истории. Вып. 17 /под ред. С.Н. Ктиторова. Армавир, 2011. С.94-113; *Епифанцев А.* Неизвестная Кавказская война. Был ли геноцид адыгов? М., 2010. С.116-234.

8. *Айларова С.А., Кобахидзе Е.И.* «Будущие дети России...»: Проблема интеграции в административной практике и общественном сознании. Владикавказ, 2011. С.110.

9.*Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера. М., 2008. С. 296.

10.См.: *Миронов Б.Н.* Социальная история России. Т.1. СПб., 2003. С.56-61.

11.*Кипкеева З.Б.* Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. Ставрополь, 2008. С.418, 422.

12. Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания. Ф.53. Оп.1. Д.1675. Лл.1-9.

13. Подробнее см.: *Невская Т.А., Кондрашева А.С.* Власть и реформы на Северном Кавказе (конец XVIII – начало XX вв.). Ставрополь, 2011. С.4-46, 382-385.

14. *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера. М., 2008 с.27, 31, 33, 74, 75, 76, 82, 87, 96, 100, 101, 103, 115, 129, 134, 135 276-277 и др.

15. Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания. Ф.53. Оп.1. Д.1750. Лл. 1-100.

16. См.: *Гарунова Н.Н.* Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Махачкала, 2007; *Пылков О.С.* Участие северокавказцев в сооружении российских крепостей (XVIII – первая четверть XIX в.) // История и культура народов Северного Кавказа. Вып.8. Пятигорск, 2007. С.46-48; *Пылков О.С.* Некоторые виды совместной деятельности российских военнослужащих и горцев Северного Кавказа в первой половине XIX в. // Историко-культурные процессы на Северном Кавказе (взаимодействие, взаимовоздействие,

синтез). Армавир, 2007. С.66-70; *Пылков О.С.* О сооружении дорог и мостов на Северном Кавказе в первой половине XIX века // Известия высших учебных заведений. Северокавказский регион. Спецвыпуск. Актуальные проблемы исторических исследований. 2007. С. 26-29.

17. *Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А.* «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки). Пятигорск, 2011; *Великая Е.В.* О комплексе мер российского правительства по ликвидации работорговли и освобождению пленных на Северо-Восточном Кавказе в первой половине XIX века // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа-IV. Пятигорск, 2012. С.64-71.

18. *Муратова Е.Г.* Балкарские общества в контексте российской политики на Северном Кавказе (XVII- начало XX века) // Автореф. дисс... д.и.н. Нальчик, 2005. С.40-41.

19. Основные этапы всемирной истории /под ред. В.Б. Виноградова и С.Л. Дударева. Армавир, 2009. С. 194-195.

Рахаев Дж.Я. (г. Москва)

ТЕМГРЮК ИДАРОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КАБАПДИНЦЕВ: ВОИН. ДИПЛОМАТ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГЕРОЙ¹

8 сентября 2007 г., в ознаменование 450-летия добровольного вхождения Кабарды в состав Российского государства был открыт новый монумент. Мемориальная арка Дружбы была возведена благодаря личным средствам Президента КБР Арсена Каноква по проекту Музабира Бжахова. В церемонии приняли участие высокопоставленные лица из числа политиков, военных и бизнесменов, деятели науки и культуры.

Первоначально планировалось украсить ее барельефами, изображающими сцены из нартского эпоса и адыгской истории. Кроме того, на четырех постаментах предполагалось установить бронзовые фигуры видных исторических деятелей, внесших вклад в развитие российско-кабардинских отношений – верховного князя Кабарды Темгрюка Идарова и русского царя Ивана Грозного. Арку планировалось назвать Триумфальной.

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект №13-01-00173 «Южные границы России второй половины XVI–XVIII вв. и трансформация пограничных сообществ».

Однако общественно-консультативный совет при Президенте КБР высказался против такого названия. В частности, член Совета, известный поэт Борис Утижев сказал: «Триумфальные арки во все времена возводились в честь военных побед. Возникает вопрос: чью победу и в какой войне она будет олицетворять?» [1]. Вместе с тем, члены Совета отклонили предложение установки скульптуры Ивана Грозного. Подводя итоги обсуждения, Президент предложил установить бронзовые скульптуры через год, не персонифицируя их. Название арки также было изменено.

Новый памятник в Нальчике и обстоятельства его открытия вызывают при ближайшем рассмотрении множество вопросов. Прежде всего, почему именно фигура Темгрюка Идарова, правителя крайне противоречивого, стала символом союза и единения Кабарды с Россией? Собственно, какие исторические события XVI в. лежат в основании юбилейного празднования? И, наконец, почему мемориал воздвигнут именно в наше время?

Последний вопрос кажется тем более обоснованным, поскольку открытие монумента в Нальчике далеко не единственное мероприятие, связанное с юбилеем. Принимая во внимание масштабность празднования [2], большое количество книг и статей, посвященных личности и эпохе Темгрюка Идарова, появившихся в последнее время [3], переименование улицы Гагарина в Нальчике в улицу Темгрюка Идарова [4], можно без сомнения говорить о ренессансе коллективной памяти о нем у кабардинцев.

Возрастающий интерес к Т. Идарову, его новая героизация и использование его фигуры в рекламе [5] указывают на обширную трансформацию культуры памяти на современном российском Кавказе. Вместе с распадом СССР в 1991 г. развалились не только институты коммунистического режима, но и официальная советская доктрина истории, а вместе с ней и идея «многонационального советского народа». Поиски новых концептов коллективной идентичности на постсоветском Кавказе идут сопряжённо с формулированием новых исторических нарративов, создающих эту идентичность. Эти изменения коснулись и памяти о Темгрюке Идарове, забытом правителе в

период «независимости» кабардинских княжеств (70-е гг. XVI в. – 20-е гг. XIX в.), верном союзнике Ивана Грозного в имперский период (20-е гг. XIX века – 1917 г.), стороннике царизма на Кавказе в довоенный период (1917–1941 гг.), союзнике Ивана Грозного в борьбе с крымско-турецкой агрессией в период Великой Отечественной войны и позднего сталинизма (1941–1953 гг.), выдающемся полководце и дипломате в период деградации коммунистического тоталитаризма (1953–1991 гг.) и национальным героем в современную эпоху.

В данной статье рассматривается история памяти о Темгрюке Идарове с 70-х гг. XVI в. и по первое десятилетие XXI в. Предмет нашего анализа – Темгрюк Идаров как одно из «мест», «фигур» адыгской культурной памяти. В центре внимания не биография кабардинского князя, но история «воспоминаний» о нем. Предпосылкой исследования стало положение о том, что создающийся всяким сообществом образ «собственного» прошлого позволяет сделать выводы о соотносящихся с этим образом концептах коллективной идентичности [6]. Изменение представлений об истории понимается при этом не как процесс аккумуляции исторического знания, но как движение интерпретаций, а также как воспоминания и забвения, отражающие изменения в самоописании этноса [7]. Следовательно, нас главным образом интересуют следующие вопросы. Во-первых, как изменялся образ Темгрюка Идарова в период почти пятисотлетней его истории? Во-вторых, какие моменты этой истории можно назвать переломными и как они могут быть объяснены? В-третьих, в какие концепты коллективной идентичности интегрирована эта историческая личность?

История воспоминания о верховном князе Кабарды Темгрюке Идарове (?-1572 г.) начинается вскоре после его смерти, практически синхронно, и в этом её особенность, укореняясь в черкесской и русской культурной памяти. Тесное переплетение этих значительно разнящихся образов достаточно наглядно просматривается в период позднего средневековья. В 20-х гг. XIX в., благодаря усилиям кабардинского просветителя Шоры Ногмова, формируется новый образ, полностью их заместивший.

На протяжении последующих двух веков именно ногмовский образ Темгрюка Идарова будет проявлять и отражать различные концепты коллективной идентичности. При этом всегда надо учитывать, что Идаров был всего лишь одной из многих фигур памяти, в которых на протяжении адыгской истории отражались различные концепты общности.

Вопрос о том, почему Темгрюк Идаров попал в культурную память практически сразу после своей гибели, почему на протяжении столетий его фигура способна приобретать все новые и новые значения, можно прояснить обратившись к биографии нашего героя. Темгрюк Идаров жил в травматичное для культурной памяти время, когда большинство кабардинских княжеств были вынуждены постоянно противодействовать натиску с одной стороны – Крымского ханства, Большой и Малой ногайской Орды, а с другой – Шамхальства Тарковского.

В середине XVI в. верховный князь Кабарды Темгрюк Идаров, владения которого располагались в низовьях Терека, теснимый своими соседями – шамхалом Тарковским, ногайскими мурзами и кабардинскими князьями, направил ко двору царя Ивана IV посольство с просьбой о помощи и предложением содействия в налаживании дипломатических отношений с царствами Грузии. Русский царь, заинтересованный в активизации восточной политики, откликнулся на эту просьбу: к Темгрюку было направлено войско, на границе его владения построена крепость Терки. Со своей стороны, кабардинский князь направил в Москву, почетными аманатами, двух сыновей, а дочь Гуашаней выдал замуж за Ивана IV. С помощью русских войск Идаров на короткий период сумел укрепить свое положение в регионе. В это время, один из сыновей Темгрюка, попав в опалу, был казнен. Идаров, узнав о судьбе своего сына, фактически разрывает свои отношения с царем и принимает участие в походе крымского хана Девлет-Гирея II 1571 г., знаменитом сожжением Москвы. Оставшись без союзника, Темгрюк оказывается в крайне стеснительном положении и вскоре, в сражении с ногайскими мурзами, погибает.

В XVI – начале XIX в. Идаровичи, потомки князя Темгрюка, в своих грамотах российским государям неоднократно

упоминали его имя как пример преданного служения интересам России. Инкорпорированные в русскую аристократию многочисленные и влиятельные Черкасские, выходцы из Кабарды, поддерживали эти представления. Примечательно, что в кабардинском фольклоре, сравнительно подробно сохранившем предания о делах многих кабардинских князей и воинов, в том числе и противников Идарова, имя Темгрюка нигде не встречается.

В начале XIX в., с включением Кабарды в состав России, возникла объективная потребность осмысления многовекового опыта русско-кабардинских отношений. Первой попыткой такого рода явилась «История адыгейского народа» Ш. Ногмова, написанной под большим влиянием «Истории государства российского» Н.М. Карамзина.

Ногмов создает совершенно новый образ Идарова, практически никак не связанный с адыгской традицией. Интересно, что даже имя этого князя – Темгрюк, он меняет на Темрюк, вслед за Карамзиным. Юность князя Темгрюка списана Ногмовым с образа русского князя Святослава, созданного Карамзиным. «Сей Князь (Святослав – Дж.Р.), возмужав, думал единственно о подвигах великодушной храбрости, пылал ревностью отличить себя делами и возобновить славу оружия Российского... Собрал войско многочисленное и с нетерпением юного героя летел в поле... Суровую жизнью он укрепил себя для трудов воинских, не имел ни станова, ни обоза; питался кониною, мясом диких зверей и сам жарил его на углях... не знал шатра и спал под сводом неба: войлок подседельный служил ему вместо мягкого ложа, седло изголовьем. Каков был военачальник, таковы и воины» [8], – Н.М. Карамзин. «Душа его (Темгрюка – Дж.Р.) пылала желанием прославить себя воинскими подвигами и возобновить древнюю славу адыгейского народа... Он собрал многочисленное войско, и юное его сердце рвалось с нетерпением на поле брани... Он презирал удовольствия роскоши, никогда не имел палатки и спал под открытым небом на войлоке, а под голову клал седло. Каков был предводитель, таково было и войско» [9], – Ш. Ногмов. Темгрюк, вслед за Святославом, наделяется рыцарскими манерами: «Князь... не

хотел пользоваться выгодами нечаянного нападения, но всегда заранее объявлял войну своим неприятелям. Он посылал сказать им: иду на вас. В эти времена варварства, гордый Темрюк наблюдал справедливость и законы рыцарской чести своего народа» [10] (Ногмов); «Святослав не хотел пользоваться выгодами нечаянного нападения, но всегда заранее объявлял войну народам, повелевая сказать им: иду на вас! В сии времена общего варварства гордый Святослав соблюдал правила истинно рыцарской чести» [11] (Карамзин).

Однако наиболее существенная трансформация образа Темрюка обнаруживается в ногмовской версии военно-дипломатических отношений кабардинского князя и русского царя. Верховный князь Кабарды теперь предстает как верный союзник России, погибший в неравной борьбе с татарами: «Князь Темрюк с несколькими кабардинскими князьями дал присягу в верности русскому царю Ивану Васильевичу и обязался помогать ему в войнах с султаном и Тавридой (Крымским ханством – Дж.Р.)...» [12]. «Крымский хан Девлет-Гирей II узнав об этом собрал войско с намерением совершенно истребить пятигорских кабардинцев...» [13]. «Князь Темрюк Идаров собрав многочисленное войско из кабардинцев и других адыгейских племен» встретил неприятеля «близ Тамани» [14]. «Кабардинцы хотя и не разбили неприятеля, но своим упорным мужеством лишили его надежды победить их», вследствие чего хан был вынужден двинуться на Россию. Однако сам князь был тяжело ранен. «По выздоровлении своем князь Темрюк немедленно собрал кабардинцев и спешил на помощь к царю русскому... Таким-то образом князь Темрюк много раз помогал России; по возвращении своем на родину этот добрый, храбрый и лучший из всех князей наших умер от разболевшейся старой раны» [15].

Ногмов создает новый образ Идарова – верного союзника Ивана Грозного, погибшего в неравной борьбе с татарами. Адыгские просветители XIX – начала XX в. (С. Хан-Гирей, А. Мисостов, В. Кудашев и др.) обращавшиеся к этой теме апеллировали уже непосредственно к ногмовскому образу Темрюка Идарова, наполняя его новыми деталями.

Октябрьский переворот 1917 г. и последовавшая Гражданская война надолго сняли с повестки дня проблемы средневековой истории Кабарды. В 30-х гг. XX в., в контексте изучения международной жизни Северного Кавказа, Идаров лишь упоминается в работах Н. Тамая и Г. Кокиева. Историкографическая ситуация коренным образом меняется в годы войны 1941–1945 гг. и вскоре после нее, когда советское руководство в стремлении поднять уровень патриотизма населения санкционирует мифологизацию исторического прошлого России, Иван Грозный теперь предстает как государственный, а Темгрюк Идаров как верный союзник царя в борьбе с султанской Турцией, стремящейся поработить народы Кавказа. В середине 50-х гг. XX в. партийное руководство республики и РСФСР пришло к мнению о необходимости всенародного празднования добровольного вхождения Кабарды в состав России. Историческим дискуссиям о датировке этого события положил конец надвигающийся 40-й юбилей октябрьской революции и в 1957 г. в городах и селах Кабардино-Балкарской Автономной Советской Социалистической Республики прошла череда праздничных мероприятий. В 1982 г., уже гораздо скромнее, республика отметила 425-летие этого события [16]. Новый, советский образ Идарова казался был прочно закреплен в общественном сознании, однако распад СССР выявил иллюзорность подобных представлений.

В начале 90-х гг. XX в. в условиях демократизации общественной жизни и формирования федералистских начал историческое сообщество (К. Дзамихов, Г. Мамбетов, Б. Мальбахов и др.) откликаясь на заказ со стороны республиканского руководства выдвинуло новую мифологему о военно-политическом союзе Кабарды и России. В новой трактовке категорически отвергалась формулировка о «добровольном вхождении» и предлагается новая трактовка событий: Россия и Кабарда предстают теперь как два равноправных субъекта международных отношений, заключивших в лице Ивана IV и Темгрюка Идарова взаимовыгодный договор. С приходом к власти В. Путина, взявшего курс на «укрепление вертикали власти»

республиканские власти коренным образом пересмотрели устоявшуюся было трактовку событий и в 2007 г. широко отметили... 450-летие добровольного вхождения Кабарды в состав России.

Память о Темгрюке Идарове в Кабарде, КБАССР и КБР никогда не прерывалась, более четырех столетий он служил различным сообществам точкой фиксации коллективной идентичности. Множество раз менялось не только символическое значение, но и ранг этой фигуры в кабардинской культурной памяти. Из правителя слабого удельного княжества он стал символом нерушимого союза Кабарды с Россией в имперский период. Из второго эшелона исторических героев он в середине XX века вознесся на вершину национального пантеона. Анализируя, как мифотворчество о Темгрюке Идарове конструировалось и использовалось различными историческими авторами – государственной властью, аристократией и интеллигенцией мы приходим к заключению о том, что его образ до сих пор влияет на выработку коллективной идентичности адыгов.

Примечания

1. Мемориальная арка Дружбы // <http://www.nalchik.ru/help/dost/156-arka> (access: 07.02.2012).

2. План основных мероприятий, связанных с подготовкой и проведением празднования 450-летия добровольного вхождения Кабардино-Балкарии в состав Российского государства // Собрание законодательства РФ. 05.03.2007. №10. Ст. 1258.

3. История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией. Нальчик, 2007; Народы Северного Кавказа и Россия (К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии, Адыгеи и Карачаево-Черкессии с Россией). Нальчик, 2007; *Утижес Б.* Правда дружбе не помеха // Кабардино-Балкарская правда. 20 февраля 2007; К 450-летию вхождения Кабардино-Балкарии в состав России. Колонка гл. ред. Х. Тхазеплова // Литературная Кабардино-Балкария. 2007. № 4. С. 3-6; *Кучинаев М.* Считать присоединенными к России эти народы... // Литературная Кабардино-Балкария. 2007. № 4. С. 85-91; *Дзамихова Л.* 450-летие по ту сторону Эльбруса // Кабардино-Балкарская правда. 2 октября 2007. № 300; *Гурдзибеева З.* Кавказский аккорд // Российская газета. 3 октября 2007. № 219; *Ныбежес Таисэ.* Тут Заур Дунейпсы унэр егъэбжыфлэ // Адыгэ псале. 27 октября 2007. № 210; *Дзамихов К.* Северный Кавказ в фокусе интересов внешних сил (конец XV-XVI вв.) // Литературная Кабардино-Балкария. 2007. № 4. С. 22-40; Дороги к Москве // Литературная Кабардино-Балкария. 2007. № 4. С. 41-74; Царская дорога // Литературная Кабардино-Балкария. 2007. № 4. С. 75-84; Кабардино-Балкария и Россия: истоки дружбы // Литературная Кабардино-Балкария. 2007. № 4. С. 13-19; 450 лет вместе: в Кабардино-Балкарии исторический юбилей отметили с размахом // Российская газета. 11 сентября 2007. № 200; К 450-летию // Кабардино-Балкарская

правда. 7, 8 сентября 2007; К 450-летию // Адыгэ псале. 7, 11 сентября 2007; 1557-2007 // Адыгэ псале. Фокладэм и 7-м 2007; Дзэмыхь Къасболэт. Ди тхыдэм и гъуэгу зэхэжыны // Ошхомахо. 2007. № 3; Дзамихов К. 450 лет союза и верности слову // Кабардино-Балкарская правда. 17 мая 2006.

4. Улица Гагарина в Нальчике станет улицей им. Темрюка Идарова // <http://www.sk-news.ru/news/accident/6637/?month=02&year=2011> (access: 07.02.2012).

5. См. например: Мебельный магазин «Темрюк» // http://www.vse-obovsem.ru/find/web.dll/?_cp=5&_id=price.dsaResult.GotoPage&_sp=price&_fp=price&web=&id_service=27&id_city=7001&id_firm=35851&firm=%D2%C5%CC%D0%DE%CA&id_group=14&id_subgroup=&keyword=&collumn=opt&sort=asc (access: 07.02.2012).

6. Бергсон А. Воображаемые сообщества. М., 2001.

7. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007; Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995; Ассман Я. Культурная память. Письмо, память и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004; Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. №1 (8). С. 47–62.

8. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1. СПб. 1818. С. 199.

9. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1994. С. 121.

10. Там же. С. 122.

11. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1. СПб. 1818. С. 199.

12. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1994. С. 122.

13. Там же. С. 123.

14. Там же.

15. Там же. С. 123-125.

16. К 425-летию присоединения Кабарды к России // Блокнот агитатора. 1982. № 13. Июль; К 425-летию присоединения Кабарды к России // Блокнот агитатора. 1982. № 14; Зумакулов Б. Навеки вместе // Литературная Россия. 11. 6. 1982; Карачаева А. Документы рассказывают // Кабардино-Балкарская правда. 18 июня 1982; Кумыков Т. Исторические корни великой дружбы // Кабардино-Балкарская правда. 23. 6. 1982; Мамбетов Г. Дружба, испытанная веками // Блокнот агитатора. 1982. № 13. С. 21-33; Мамбетов Г. Ключлюдю бирлигибиз (Единство – сила наша) // Коммунизмге жол. 10 июля 1982; Мизиев И. Великая дружба // Советская молодежь. 6. 7. 1982; Сабанчиев Х.М. Историк-просветитель М.К. Абаев // Кабардино-Балкарская правда. 1. 7. 1982; Хутуев Х. Навеки с Россией // Кабардино-Балкарская правда. 12. 6. 1982; Шогенцуков А.О. Счастливая судьба моего народа // Советская Россия. 16 июля 1982.

Алмазов И.Г. (г. Назрань)

КАВКАЗСКАЯ ТУЗЕМНАЯ КОННАЯ ДИВИЗИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ – РОССИЯ И СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ, ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX В.

/документы и материалы/

Одним из этапов начала исторического диалога между Россией и Северным Кавказом, в частности, Ингушетией, и, как

следствием, поиска политического союза северокавказских горцев с русским народом можно определить вторую половину XVI в. Именно в этот период наблюдается активизация и ингушских владетельных фамилий, ориентировавшихся на политическую консолидацию с северным соседом. В ряду многих исторических личностей выдвинувшихся из горской среды в рассматриваемый нами период и положившие начало налаживанию добрососедских и дипломатических отношений между Северным Кавказом и Русским государством, были известные в истории позднего средневековья Ингушетии владельцы Шиха-мурза Окуцкий и его преемник Салтан-мурза. Первый из них в 1579 г. в своей грамоте к Московскому царю выразил желание принять русское подданство [1].

В последующие века (XVIII–XIX) сложившийся исторический диалог северокавказских горцев с русскими в силу объективных причин то прерывавшийся, то вновь возрождавшийся, постепенно переходит *из поиска политического союза горцев Северного Кавказа с Россией* в новый виток взаимоотношений – *в поиски Россией военно-политического союза с горцами Северного Кавказа*. Одной из причин такому повороту событий стал непосредственно Кавказский регион, ставший ареной противоборства двух малоазиатских держав – шахской Персии и султанской Турции – оспаривавших эти территории друг у друга на протяжении XVIII–XIX вв. и соответственно, стремившихся вытеснить с Кавказа царскую Россию. В сложившихся сложных геополитических условиях Россия, как никогда нуждавшаяся в региональных союзниках, предпринимает попытки заключения с воинственными горскими народами Северного Кавказа /в первую очередь с горской аристократией и духовенством/ долговременного военно-политического союза для защиты своих интересов в этом стратегически важном для нее регионе [2].

Логическим следствием данного союза стала политика России, ориентировавшаяся на привлечение северокавказских горцев на русскую военную службу и формирование из них моноэтнических военных подразделений. В конце XVIII в. Русское правительство, начав апробацию новой политики на

практике, сформировала в 1786 г. отряд Ингушской горской милиции для охраны крепости Владикавказ, построенной в 1784 г. близ ингушского селения Заурово. Кстати, одно из первых подразделений горской милиции на Северном Кавказе [3].

Активный характер эта политика приняла в XIX в. – наиболее насыщенный для России как внешними, так и внутренними войнами. Следует отметить, что формировавшиеся, практически из всех горских народов Северного Кавказа, военные отряды на русской военной службе, носили иррегулярный (временный) характер; набор осуществлялся исключительно на *добровольной основе* – это незыблемое правило просуществовало в Российской Императорской армии вплоть до осени 1917 г. Одними из известных военных подразделений сформированных из горцев Северного Кавказа на русской военной службе того времени явились: 1) *Взвод горцев Императорского Лейб-конвоя* (30 апреля 1830 г. получивший наименование *Лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон Собственного Его Величества конвоя*) [4], 2) *Горское конное ополчение* принявшее участие в русско-турецкой войне 1828-1829 гг. [5], 3) *Кавказский конно-горский полк* и *Горская милиция (охранная стража)* воевавшие в Крымской войне 1853-1856 гг. против коалиции англо-франко-турецких войск на Кавказском театре военных действий [6].

Сложившийся военно-политический союз горцев Северного Кавказа с Россией несколько пошатнулся и начинает претерпевать изменения с середины XIX в. Здесь, несомненно, наложила отпечаток полувековая Кавказская война 1817–1864 гг. русских войск с горскими народами, сопровождавшаяся множеством обоюдных жертв и взаимных претензий. Тем не менее, даже в условиях ожесточенной Кавказской войны Россия, на протяжении целого ряда лет совершенствуя, продолжала политику военно-политического сближения с горскими народами Северного Кавказа.

XX век также не стал исключением в этой области. 31 января 1904 г., в связи с началом русско-японской войны «Государь Император повелел *вызвать от Имени Его Величества желающих идти на войну с Японией из числа Кавказских горцев: лезгин, ингушей, осетин и аварцев и других не несущих воинской*

повинности <...>. Из этих охотников сформировать двенадцать сотен по народностям и свести их в бригаду из двух полков. Кадры этих частей должны быть назначены из регулярной и казачьей конницы, костюм сохраняется народный» [7]. Новое воинское соединение из горцев Северного Кавказа получило наименование *Кавказская конная бригада* – в ее состав вошли новые горские полки: *Терско-Кубанский конно-иррегулярный* и *Дагестанский конный* полки. Ингуши составили в Терско-Кубанском полку отдельную (6-ю) сотню [8].

Достойным продолжением многовекового исторического диалога России и Северного Кавказа, венцом военно-политического союза северокавказских горцев с русским народом явилась легендарная *Кавказская Туземная конная дивизия* (известная также под наименованием – *Дикая дивизия*). В июле 1914 г., когда начало новой Мировой войны в Европе стало неизбежным, Военное министерство России подготовило проект создания крупного кавалерийского соединения из горцев Северного Кавказа – дивизии; получив Высочайшее одобрение в начале августа 1914 г. приступили к его реализации. Целесообразность формирования первой в военной истории России воинского соединения /дивизии/ целиком состоявшей из горцев-мусульман Северного Кавказа было изложено в спешном приказе Главного управления Генерального Штаба за №2885 от 8 августа 1914 г. (под грифом «секретно»), которое сообщало: «По обстоятельствам военного времени ныне признано необходимым сформировать на время настоящих военных действий путем набора охотников из туземцев Кавказа 5 конных полков и 1 пеший батальон <...>. Вышеуказанные конные полки будут сведены в Кавказскую Туземную конную дивизию. На означенные формирования в 27-й день июля с.г. последовало Высочайшее соизволение...» [9]. 16 августа 1914 г. Высочайшим повелением были утверждены Положение о частях, формируемых из туземцев Кавказа на время настоящих военных действий [10] и Штаты Кавказского Туземного конного полка [11]. Позже штаты дивизии претерпели изменения. Этому обстоятельству способствовало обращение почетных старейшин ингушского народа к Наместнику Его Императорского Величества на Кавказе

генерал-адъютанту графу И. Воронцову-Дашкову о сформировании из ингушей отдельного конного полка в составе Кавказской Туземной конной дивизии. Наместник Кавказа, поддержав прошение представителей ингушского народа, обратился с ходатайством к Императору. Излагая дальнейшее развитие дела, Главное управление Генерального Штаба в своем (секретном) приказе за № 3072 от 20 августа 1914 г. «О сформировании из ингушей Кавказа особого Ингушского конного полка в составе Кавказской Туземной конной дивизии» сообщало: *«Наместник Его Императорского Величества на Кавказе, в виду просьбы Ингушского народа о сформировании из охотников его среды особого Ингушского полка, возбудил ныне ходатайство о сформировании названного полка на тех же основаниях, кои приняты для полков новой Кавказской Туземной конной дивизии...»* [12]. 23 августа 1914 г. Главное управление Генерального Штаба в дополнительном приказе за № 3139 «О сформировании в составе Кавказской Туземной конной дивизии Ингушского конного полка и увеличение штата ее» подтвердило, что *«...ныне по обстоятельствам военного времени признано необходимым сформировать из кавказских горцев-ингушей еще Ингушский конный полк, каковой и включить в состав названной выше дивизии, придав ему Высочайше утвержденную 16-го сего августа организацию полков ее...»* [13]. Ингуши, вновь получившие право образовать свой полк в рядах Российской Императорской армии, верные долгу и взятым перед Кавказом и Россией обязательствам *«...присягнули по своей вере и закону на верность российской службе»*.

Все полки дивизии, получившие наименования по признаку этнической принадлежности личного состава, были сведены в три конные бригады: Кабардинский и 2-й Дагестанский полки составили 1-ю бригаду; Татарский (Азербайджанский) и Чеченский полки составили 2-ю бригаду; Ингушский и Черкесский полки составили 3-ю бригаду. Набор горцев, как и во всех предыдущих войнах, осуществлялся на основе *добровольности*. Одной из позитивных проявлений кавказской политики Империи в начале Великой войны 1914 года явилась объявленная Высочайшим приказом /август, 1914 г./ всеобщая

амнистия всем, без исключения, абречествовавшим или по каким-либо причинам преступившим закон горцам, при условии их добровольного вступления в ряды формирующихся горских полков. Этим не преминули воспользоваться многие горцы-абреки бывшие долгие годы, в силу определённых обстоятельств, не в ладах с законами Империи. Сформированная из них т.н. Абреческая (5-я) сотня вошла в состав Ингушского конного полка.

Об исключительном внимании Императорского Дома и лично императора Николая II к новой дивизии северокавказских горцев свидетельствует тот факт, что Высочайшим приказом от 23 августа 1914 г. Командующим дивизией, впервые в истории русско-кавказских взаимоотношении, назначается член Императорской фамилии младший брат Императора генерал-майор Свиты Его Величества Великий князь Михаил Александрович, блестящий офицер, интеллектуал, спортсмен и лихой кавалерист [14]. Известный русский генерал А.А. Брусилов в своих воспоминаниях скажет о нем: *«Я очень его любил, как человека, безусловно, честного и чистого сердцем... стремившегося лишь к тому, чтобы жить честным человеком, не пользуясь прерогативами императорской фамилии... Он был храбрым генералом и скромно, трудолюбиво выполнял свой долг. Горцы Кавказской Туземной дивизии, коими он командовал, всей душой любили его»* [15]. Простые же горцы дивизии отвечая ему братской любовью называли своего царственного командира «наш Михайло», вкладывая в это произношение далеко не пренебрежение и фамильярность, а теплоту и искренне дружелюбие.

Несмотря на то, что мусульмане России имели законодательное право и моральное основание не принимать никакого участия в «русской войне» - прошло всего ведь каких-то 50 лет со времени окончания полувековой Кавказской войны, и многие офицеры и всадники-горцы были внуками, а в некоторых случаях даже сыновьями тех, кто с оружием в руках самоотверженно противостоял русским войскам, и, тем не менее, успешно сформированная из горцев-мусульман Северного Кавказа дивизия, насчитывавшая более 3000 всадников и

офицеров, выступила на защиту России [16]. Прекрасно осознавая этот всеобщий патриотический порыв мусульман Северного Кавказа, император Николай II во время своего пребывания в Тифлисе в ноябре 1914 г. обратился к депутации горцев-мусульман со следующими словами: *«Выражаю Мою сердечную благодарность всем представителям мусульманского населения любимого Мною Кавказа отнесшегося так искренне в переживаемое нами трудное время, доказательством чему служит снаряжение мусульманским населением Кавказа шести конных полков в составе Кавказской Туземной дивизии, которая под командой Моего брата отправилась для борьбы с общим нашим врагом. Передайте Мою сердечную благодарность всему мусульманскому населению Кавказа за любовь и преданность России...»*.

Главное ядро дивизии составляли, конечно, кавалеристы, но прельщаемые экзотикой, красивой кавказской формой— черкесской, а также обаятельной личностью Монаршего командира, в дивизию пошли артиллеристы, пехотинцы и даже моряки, пришедшие с пулеметной командой 2-го экипажа Императорского Балтийского флота. Дивизия с первых дней своего существования стала стремительно приобретать черты одной из элитных и самых боеспособных частей Российской Императорской армии. Этим можно объяснить и присутствие большого количества опытных боевых офицеров из представителей высшей российской, европейской, восточной и кавказской знати в офицерском корпусе дивизии. По блеску громких и титулованных имен Кавказская Туземная конная дивизия могла соперничать с любой гвардейской частью Российской Императорской армии, и многие офицеры в черкесках могли увидеть имена свои на страницах Готского альманаха.

В ноябре 1914 г. Кавказская Туземная конная дивизия, вошедшая в состав 7-й армии Юго-Западного фронта, форсировав в районе г.Броды государственную границу России с Австро-Венгрией, вступила на территорию австрийской Галиции, по которой уже с боями продвигались русские войска. До конца войны дивизия попеременно входила в состав 2-го, 33-го и 41-го

армейский конных корпусов. Большую часть войны дивизия провела в 9-й армии под командованием генералов П.И.Лечицкого и А.А.Брусилова на Юго-Западном фронте и лишь несколько месяцев на Румынском фронте, в первой половине 1917 г. Подлинники архивных документов фондов РГВИА свидетельствуют, что в период с ноября 1914 по август 1917 гг., офицеры и всадники дивизии приняли участие в более чем 800 боях и сражениях против германских и австрийских войск, разномасштабного характера.

Летопись Кавказской Туземной конной дивизии сохранила для потомков интересные цифры. Так, за 1914–1917 гг. общее количество взятых полками дивизии в плен офицеров и солдат противника в семь раз (!) превысило ее собственный личный состав. Через службу в дивизии прошло около 7000 всадников – уроженцев Северного Кавказа /полки, понесшие потери в боях и сокращавшиеся за счет отчисления всадников по ранениям и болезням, пять раз (!) пополнялись запасными сотнями/. Современники, военные специалисты в первую очередь, давали высокую оценку боевым качествам полков Кавказской Туземной конной дивизии. Особенно выделялся ими факт 16 (!) кавалерийских атак дивизии в одном только 1916 г., кстати, самом насыщенном боевыми победами русской армии за всю войну. Почти 5500 всадников и солдаты дивизии были награждены Георгиевскими крестами и Георгиевскими медалями различных степеней. В одном только Ингушском конном полку в конце войны было 26 полных Георгиевских кавалеров, больше всех по дивизии [17]. Абсолютное количество офицерского корпуса дивизии были удостоены боевыми орденами, многие из них высшими боевыми наградами российского офицерства – орденами Святого Георгия и золотым Георгиевским оружием «За храбрость». О верности горцев Северного Кавказа России, воинскому долгу и присяге, святости воинским традициям и высокой дисциплине свидетельствует военный публицист и писатель, корнет Кабардинского конного полка А. Арсеньев в своем очерке «Кавказская Туземная конная дивизия» отмечавший: *«На войну они (горцы) пошли за Россию по своей доброй воле, будучи никем и ничем не принуждаемы: в истории*

Дикой дивизии нет ни единого случая, даже единоличного – дезертирства <...>» [18].

Безусловно, сам факт зарождения Кавказской Туземной конной дивизии явился новым форматом в историческом диалоге между Северным Кавказом и Россией на данном этапе исторического времени, стал ярким и знаменательным событием в истории взаимоотношений русского и северокавказских народов. Сложившийся военно-политический союз между народами Северного Кавказа и России во многом был обусловлен продуманной, гибкой политикой российской администрации, проводившейся на Северном Кавказе в XIX–начале XX вв.

Примечания

1. См.подр.: *Алмазов И.Г.* Салтан–владелец Ларса. //«Сердало» №99 (9474) от 02/09.2004.
2. *Гаджиев В.Г.* Роль России в истории Дагестана. М., 1965, с.127; *БУТКОВ П.Г.* Материалы для Новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. ч.1. СПб., 1869, С.122, 123; *СМИРНОВ Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958. С.132.
3. *Бутков П.Г.* Указ. раб., ч.II. 1869. С.173; *История Кабарды с древнейших времен до наших дней /под ред. Н.А.Смирнова/. М., 1957. С. 82.*
4. *Гаджиев В.Г.* Провал англо-ирано-турецких планов захвата Кавказа в 20–30 гг. XIX в. //Ученые записки ИИЯЛ. Т.16. Махачкала, 1966. С. 250–251.
5. *Ибрагимбейли Х.-М.* Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. М., 1971. С.283.
6. ЦГА РСО. Ф.53, оп.1, д.1750, лл.3, 10–16; НИА Республики Грузия. Ф.1087, оп.1, д.805, л.66 об.; *Алмазов И.Г.* Становление ингушской военной интеллигенции в Российской Императорской армии. //Научная мысль Кавказа /изд.СКНЦ ВШ., №3–4, 2003.; *Паренсов П.Д.* Из прошлого // Русская старина. СПб., 1890, январь. с.605. *Федеев А.В.* Россия и восточный кризис 20-х годов XIX в. М., 1958; он же, Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960; *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958.
7. РГВИА. Ф.1300, Оп.10, Д.13, Л.246–252об., 255–256об.
8. *Алмазов И.Г.* Ингуши – Георгиевские кавалеры Российской Императорской армии, XIX–XX вв. /изд.2-е, доп./ Ростов-на-Дону, 2013. С.136.
9. Российский государственный архив Военно-морского флота (далее – РГА ВМФ). Ф.955. Оп.1, Д.6, Л.9–9об., 10.
10. РГА ВМФ. Ф.955. Оп.1, Д.6, Л.20–20об., 21
11. РГА ВМФ. Ф.955. Оп.1, Д.6, Л.22–23 об.
12. РГА ВМФ. Ф.955. Оп.1, Д.10, Л.11–11об.
13. РГА ВМФ. Ф.955. Оп.1, Д.6, Л.15–15об.
14. *Опрышко О.Л.* Кавказская конная дивизия. 1914–1917 гг. Возвращение из забвения. Нальчик, 2007. С.11.
15. *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 1963. С.260
16. *Опрышко О.Л.* Указ. соч. С.12
17. *Алмазов И.Г.* Указ. соч. С.142–143

Брацун Е.В. (г. Краснодар)

ПОЛИТИКА РОССИИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.: ФОРМИРОВАНИЕ И СЛУЖБА КАВКАЗСКОГО КОННО-ГОРСКОГО ПОЛКА

В исторической литературе устоялось мнение об уникальности боевого соединения из горцев Кавказа воевавшего в годы Первой мировой войны 1914 – 1918 гг. называвшегося Кавказской Туземной «Дикой» дивизией. По поводу службы горцев Кавказа в Российской армии в мирное время, русский публицист и писатель Н.Н. Брешко-Брешковский писал в эмиграции: «Ни горцы, ни среднеазиатские народы не отбывали воинской повинности, но при любви тех и других к оружию и к лошади, любви пламенной, привитой с самого раннего детства, при восточном тяготении к чинам, отличиям, повышениям и наградам путем добровольческого комплектования можно было создать несколько чудесных кавалерийских дивизий из мусульман Кавказа и Туркестана. Можно было бы, но к этому не прибегали. Почему? Если из опасения вооружить и научить военному делу несколько тысяч инородческих всадников, – напрасно! На мусульман всегда можно было вернее положиться, чем на христианские народы, влившиеся в состав Российского царства. Именно они, мусульмане, были бы надежной опорой власти и трона» [1]. Такие же мысли высказывал в своих воспоминаниях казачий полковник Ф.И. Елисеев наблюдая за адыгами в дни весны 1914 г.: «Какие были бы они дивные воины, если бы из них формировались конные полки, на манер казачьих». Однако практика набора и формирования соединений из горцев Кавказа для службы в Российской Императорской армии характерна ещё для XVIII и XIX вв. Кавказская туземная дивизия это лишь закономерный и очень удачный итог прошлых воинских добровольческих формирований из горцев Кавказа.

В первой половине XIX в. в России служила целая конная бригада сформированная из горцев Северного и Южного Кавказа.

Она состояла из двух полков Закавказского Конно-Мусульманского и Кавказского Конно-Горского. Хотелось бы рассмотреть подробнее вопрос службы Кавказского Конно-горского полка как соединения где служили адыги Северо-Западного Кавказа. Начинаясь Кавказская война XIX в., войны с Турцией и Персией во второй половине 20-х гг. XIX в. потребовали от русского командования и администрации опоры на кадры самих горцев из числа приверженных России. На Кавказе и Южном и Северном в этот период времени давно назрела идея через воинские формирования втягивать в орбиту Российского имперского пространства горскую аристократию и опираясь на её авторитет вести свою политику на Кавказе. Видя как отважно кавказские горцы воевали за Россию в числе охотников в Закавказский войнах России, и во время Польского Восстания 1830–1831 гг. у российского военного руководства и родилась идея привлекать кавказских горцев в воинские формирования. Но не для службы на Кавказе, а в самой России, чтобы таким образом показать горцам все блага вхождения в состав России в условиях Кавказской войны.

2 июня 1835 г. был подписан указ императора Николая I о сформировании двух полков. Один «из мусульман, армян, и вообще Закавказских жителей, под именем Мусульманского; другой из черкес, кабардинцев, чеченцев, кумыков и других горцев под именем Кавказско-Горского» [2]. Граф И.Ф. Паскевич-Эриванский, находясь в Санкт-Петербурге, доложил императору Николаю I о пользе, какая последовала бы от укомплектования Лейб-гвардии Кавказско горского полуэскадрона людьми Кавказско-Горского полка, прослужившими некоторое время в действующей армии и что горцы охотнее бы поступали в полк, узнав, что только из полка возможен перевод в Собственный Его Величества конвой, который, таким образом, станет пополняться людьми, предварительно испытанными в полку. Николай I повелел: «Одну половину горцев Конвоя комплектовать людьми из Горского полка, другую пополнять на прежнем основании» [3]. По своему составу в полку должно было быть 873 всадника при 984 лошадях. Командовал полком полковой командир, при нём было

два помощника. Сотнями командовали сотенные командиры или как их называли «султаны», им помогали «наибы», а урядников называли «векилиями», полку полагался один азиатский лекарь, 11 вьючников, и 85 нукеров – слуг. На офицерские должности брали преимущественно горцев из лучших аристократических фамилий. Отставные офицеры служившие в Кавказско-Горском полуэскадроне «пользовались правом преимущественного поступления офицеров сих полков» [4]. Кавказско-Горский полк формировался по примеру казачьих полков Российской Империи, всадники выходили на службу со своим оружием и амуницией. Так всадники имели: 1) свою собственную национальную одежду. 2) своё исправное оружие, оно состоит из ружья, сабли, кинжала, и пистолета, 3) свою надёжную верховую лошадь со всем прибором. Срок службы определялся в четыре года. Каждые два года шел набор нового пополнения для смены отслуживших всадников. Летом 1842 г. Кавказско-Горский полк за некомплектом полного числа всадников был объединён вместе с двумя сотнями Сборно-Линейного казачьего полка и согласно высочайшего повеления стал именоваться «Кавказским сводным иррегулярным полком» [5]. Оба полка таким образом стали дивизионами полка. Кавказский – Горский полк стал именоваться Кавказский Конно-Горский дивизион. О наборе пополнения для дивизиона из числа адыгов Северо-Западного Кавказа характерна переписка зимы – весны 1842–1843 гг. отображающая и политику России в практике набора пополнений. Часть запросов поступала в штаб Черноморской кордонной линии. Военное министерство просило направить в Варшаву «одну сотню или хотя бы полусотню» [6]. При этом у начальства Черноморской кордой линии просили чтобы к весне полусотня была сформирована именно на этом участке всей Кавказской линии, что говорит приблизительно о численности в дивизионе именно адыгов Северо-Западного Кавказа. Позднее был сделан запрос о нахождении подходящего муллы для службы наравне со всадниками в дивизионе. При наборе адыгов на службу российская администрация делала упор на нахождение желающих в среде так называемых «мирных адыгских племён», и опираясь на авторитет адыгских офицеров служивших и

занимавших высокие должности при Черноморской кордонной линии. Например при наборе пополнения для дивизиона, видную роль играл командир 11 конного полка ЧКВ полковник П.Д. Мокугоров. Его же спрашивали найти подходящего муллу для дивизиона. Муллы согласного нести службу в Варшаве в ведомстве ЧКЛ не оказалось, и такой был найден на другом участке Кавказской линии. Уже к концу апреля 1843 г. необходимое число адыгов для дивизиона было найдено и все они отправлены на службу в Варшаву. Для того времени это было уникальное соединение где бок о бок несли службу и защищали Россию кавказские казаки и кавказские горцы. Полк нёс службу в действующей армии, в г. Варшаве. Квартировав полк в Варшаве Российское правительство своей политикой как бы противопоставляло полякам воевавшим на Кавказе против России, верных себе горцев но уже в столице тех же поляков. Предполагалось использовать полк в случае начала Европейской войны, или очередного Польского восстания. Многие адыгские офицеры после службы в Кавказо-Горском полуэскадроне стремились попасть на службу в этот полк. Например в октябре 1839 г. первостепенный уздень, прапорщик Пшемаф Дегузиев спрашивал у командующего Черноморской линией генерала Н.С. Завадовского: «Имея ревностное усердие продолжить службу Его Императорского Величества в горском полку, состоящем собственно при Его Светлости Князе Варшавском Графе Паскевиче Эриванском Ваше превосходительство осмеливаюсь покорнейше просить относительно ходатайства где следует о зачислении меня в этот полк, и о последующем в разрешение не оставить меня Вашего Превосходительства предписанием» [7].

В 1848 г. когда началось Венгерское восстание, российское командование желая усилить дивизион принимает решение о наборе на Кавказе ещё одного дивизиона. Набором и отправкой горцев в Варшаву руководил майор Муса Алхасович Кундухов. Он же осуществлял руководство этого дивизиона, который стал составной частью усиленного Кавказского Конно-Горского дивизиона и пересёк Российскую границу у г. Радзивилла 15 июня 1849 г. За участие в Венгерской компании 1848–1849 гг. 21

сентября 1849 г. императором Николаем I Кавказскому Сводно-иррегулярному полку было пожаловано обыкновенное знамя: «За отличную храбрость, оказанную в делах с мятежными венграми, и за сражение под городом Дебречином 21 июля 1849 г.» [8]. После Венгерской компании «усиленным Кавказским Конно-Горским дивизионом» командовал майор М.А. Кундухов. Этот период жизни дивизиона описан в его мемуарах. «Вступив в командование дивизионом, я завел в нем школу и требовал от всякого молодого всадника знать по-русски читать и писать и четыре правила арифметики, а по арабски столько, сколько надо было знать для совершения намаза. Также нельзя было не обращать внимания на могилы полкового кладбища, где с 1835 г. было погребено значительное число всадников. Будучи отделено от других кладбищ и без всякой ограды кладбище это топталось ходившим в поле скотом. Я построил вокруг него ограду из жженого кирпича, с красивыми воротами. Около них я поставил каменный памятник. Ограда и памятник этот по прочности своей простоят долго, как укоризна предшественникам моим, которые, в течение шестнадцати лет, пользовались выгодами полка и дивизиона, но не захотели обратить внимания на то, что составляло прямую их обязанность. Таким образом, хорошим порядком и устройством дивизиона, я желал убедить начальство, что горец умеет ценить и оправдывать доверие» [9]. В апреле 1852 г. М.А. Кундухов сдал командование дивизионом майору Султан Адиль-Гирею, младшему брату знаменитого адыгского офицера, историка и этнографа Султан Хан-Гирея. Дивизион принимал участие в Крымской войне 1853–1856 гг. Со службой Конно-Горского полка а позднее и дивизиона в Варшаве связан целый ряд исторических мифологем которые искажают действительную картину службы этого соединения. Так очень часто путают Конно-Горский полк с Лейб-гвардии Кавказско-Горским полуэскадром. В частности ряд исследователей А.В. Казаков, М.А. Кошев, приписывают полку участие в Польских событиях 1830 – 1831 гг. Между тем как было указано выше полк был создан указом императора Николая I 2 июня 1835 г. Можно предположить что часть офицеров и всадников действительно принимала участие в Польской компании 1830 – 1831 гг. Но это

были частные случаи, а не целое воинское соединение. Другой эпизод это данные которые приводят в своей книге «Земля Адыгов» А.Х. Шеуджен, Г.А. Галкин и А.К. Тхакушинов: «В 1848 г. на Северном Кавказе был сформирован специальный полк и под командованием Кундухова отправлен в составе российских частей в Варшаву на подавление польского национально – освободительного движения» [10]. Как было указано выше, усиленный дивизион под командованием майора М.А. Кундухова действительно принимал участие, но не в Польской, а в Венгерской компании. По поводу пассажа говорящего об участии всадников дивизиона в «подавлении национально-освободительного движения» можно привести отрывок из воспоминаний М.А. Кундухова: «В бывшей в 1848 году Венгерской кампании президент Кошут, приглашая народы к общему восстанию, публиковал в своих газетах, что идут к ним дикари русские и что кроме их войск они вызвали с Кавказа диких горцев, которые едят людей и лакомятся детьми. К немалому изумлению многие тому поверили и когда я пришел туда с дивизионом то спрашивали: — А где же дикие горцы?» [11]. Полк был награждён знаменем за участие в сражении 21 июля у г. Дебричина, а Закавказский Конно-мусульманский даже Георгиевским знаменем. Подобные знамёна жаловались, да ещё и в пору строгого императора Николая I за действительные военные отличия.

24 августа 1856 г. Кавказский Конно-Горский дивизион был расформирован. Связанно это было частично с сокращением в Российской Императорской армии, а так же с формированием уже на Северо-Западном Кавказе ряда соединений из адыгов, таких как Лабинский конно-иррегулярный эскадрон и Кубанский конно-иррегулярный эскадрон.

Как видно на примере Кавказского Конно-Горского полка в первой половине XIX в. Россия сделала попытку формирования целой конной бригады из представителей Северного и Южного Кавказа. Успешность подобного соединения можно оценить по разному. Кавказский Конно-горский полк не был укомплектован тем числом всадников что планировалось. Связано это вероятно с тем что горцы охотно шли в воинские соединения в военное

время, в мирное же они тяготились однообразной службой которая не соответствовала их пылкой натуре. В целом приведённый в начале статьи пассаж Н.Н. Брешко-Брешковского об ошибочности политики России «которая не желала набирать кавказцев для службы в армии в мирное время» не совсем точен. История показывает что кавказцы усердно служили в военное время, и набор горских формирований в годы войны осуществлялся с большим успехом чем в мирное. Служба Кавказского Конно–Горского полка а позднее дивизиона, это ещё одна страница воинского служения адыгов Северо-Западного Кавказа России.

Примечания

1. *Брешко-Брешковский Н.Н.* Дикая дивизия. М., 1991. С.8.
2. Полное собрание законов Российской Империи (далее - ПСЗРИ). Собр. 2-е. 1835. Т.10. Ст.8211.
3. *Казаков А.В.* Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры середина XVI – начало XX в. Нальчик, 2006. С. 352.
4. ПСЗРИ. Собр. 2-е. 1835. Т.10. Ст.8211.
5. ПСЗРИ. Собр. 2-е. 1842. Т.17. Ст.15848.
6. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф.261. Оп.1. Д.585.Л.1.
7. ГАКК. Ф.261. Оп.1.Д.493.Л.1.
8. ПСЗРИ. Собр. 2-е. 1849. Т.24. Ст.23515.
9. *Муса-Паши Кундухов.* Мемуары. Аул. Материалы по истории Дагестана и Кавказа URL: http://a-u-l.narod.ru/Memuary_gen_Musa-Pashi_Kunduhova.html#glava04 (дата обращения: 20.08.2013).
10. *Шеуджен А.Х., Галкин Г.А., Тхакушинов А.К.* Земля адыгов. Майкоп, 2004. С.148.
11. *Муса-Паши Кундухов.* Мемуары. Аул. Материалы по истории Дагестана и Кавказа URL: http://a-u-l.narod.ru/Memuary_gen_Musa-Pashi_Kunduhova.html#glava04 (дата обращения: 20.08.2013).

Горожанина М.Ю. (г. Краснодар)

ПОЛИТИКА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В XVI – XIX ВВ. ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Сегодня, в условиях кризиса исторического образования, в общественном сознании прочно доминирует стереотип о невозможности объективного освещения прошлого. Некогда значимый исторический факт – ныне все чаще превращается в

орудие различных манипуляций. В связи с чем, первоочередной задачей, стоящей перед историками является не допущение искажения исторических источников в угоду существующей политической конъюнктуры. В этом плане особенно значимо объективное и всестороннее изучение формирования межэтнических и межконфессиональных связей на Северном Кавказе. К сожалению, до сих пор в рассмотрение этой проблематике, большинство исследователей, особенно национальных школ, сами того не подозревая, придерживаются концепции К. Маркса, который одним из первых сформулировал миф, о том, что «Россия – тюрьма народов».

Во многом обращение К. Маркса к вопросам межэтнических связей было связано не с поиском истины, а с желанием скорейшего распада Российской империи которую он считал главной соперницей родной Германии. Русофобия и субъективизм К.Маркса особенно хорошо видны в его переписки с Ф.Энгельсом. Так в письме к Ф. Энгельсу (24 июня 1865 г.) К. Маркс писал: «Догма Лапинского, будто великороссы не славяне, отстаивается господином Духинским (из Киева, профессор в Париже) самым серьезным образом с лингвистической, исторической, этнографической и т.д. точек зрения; он утверждает, что настоящие москвиты, т.е. жители бывшего Великого княжества Московского, большей частью монголы или финны и т.д., как и расположенные дальше к востоку части России и ее юго-восточные части... Выводы, к которым приходит Духинский: название Русь узурпировано москвитами. Они не славяне и вообще не принадлежат к индогерманской расе, они — *intrus* [пришельцы], которых требуется опять прогнать за Днепр и т.д... Я бы хотел, чтобы Духинский оказался прав, и чтобы по крайней мере этот взгляд стал господствовать среди славян» [1].

Невероятно, но факт, сегодня эти идеи не только озвучены некоторыми историками, но и попали на страницы школьных учебников «незалежной» Украины, не редко их цитируют и западные политики, которые, критикуя марксистскую идеологию, по-прежнему выстраивают отношения с современной Россией, исходя из концепции первых марксистов.

Таким образом, главной доминантой тезиса о колониальной политике России на С. Кавказе, ущемление национальных и религиозных чувств является субъективный подход.

Исходя из всего выше сказанного сегодня особенно актуально всестороннее изучение обозначенной проблемы на основе комплексного анализа исторических источников.

Политика Русской Православной Церкви на Северном Кавказе в своем развитии прошла три этапа: первый XVI – ср. XVIII в., второй ср. XVIII – ср. XIX в, третий ср. XIX – н. XX вв. За основу периодизации взяты три фактора:

- Изменение приоритетных направлений в деятельности РПЦ на С. Кавказе,
- Совершенствование системы церковного управления в данном регионе,
- Изменение статуса Северного Кавказа.

На становление деятельности РПЦ заметное влияние оказали четыре момента:

- наличие христианских древностей в данном регионе;
- присутствие казачьих поселений на С. Кавказе задолго до его вхождения в состав России;
- существование военно-экономических и культурных связей между этносами С. Кавказа и русским народом на протяжении многих веков;
- эпизодичность и нерегулярность во взаимоотношениях народов Кавказа и России.

В целом же, для всех трех этапов характерно отсутствие активной миссионерской деятельности среди мусульманского населения С. Кавказа, чаще всего объектом христианской проповеди были сектанты, старообрядцы, в редких случаях и представители иных конфессий.

На первом этапе – XVI – середина XVIII вв. – деятельность РПЦ носила спонтанный и эпизодический характер. Основным направлением была культурно-просветительская работа, направленная на сохранение христианского присутствия в данном регионе. Именно, в этот период наиболее интенсивной была миссионерская деятельность среди горских народов Кавказа, не исповедующих еще ислама. В этом направлении РПЦ

активно поддерживала российская монархия, щедро одаривая вновь обращенных в христианство горцев [2].

Вместе с тем, отсутствие продуманной конфессиональной политики, не позволило достичь больших успехов в укреплении позиций христианства на Кавказе на данном этапе. В результате к ср. XVIII в. основной костяк православной паствы в этом регионе составляло казачество, большая часть которого оказалась приверженцем старообрядчества, горское же население по-прежнему придерживалось веры своих предков, основанной на синкретизме язычества и христианства. Православие, большинство из них в это время воспринимали не как веру, а как показатель принадлежности к Российской империи, тем более, что за верное служение России и исповедование православия горцы получали солидное жалование [3].

С вхождением в состав России правобережья Кубани и Крыма религиозная ситуация на Кавказе не сильно изменилась. По-прежнему религия большинства горцев представляла собой синкретизм христианства и язычества, носителей чистого ислама среди них было не много. Об этом свидетельствуют и данные археологии [4]. Массовые мусульманские захоронения в левобережной части Кубани относятся только к концу XVIII – началу XIX в. Вместе с тем, широкой миссионерской деятельности среди кавказских народов РПЦ по-прежнему не вела, что, вероятней всего, было связано с тремя факторами:

- не желанием тратить значительные средства на просветительскую деятельность,

- отсутствием развитой инфраструктуры РПЦ в этом регионе (не хватало не только средств, но и образованных священников, да и уровень религиозной культуры православного населения Кавказа по-прежнему был крайне низким),

- опасением ухудшить и без того натянутые отношения с Турцией и местной знатью, радеющей за верность вере предков.

В то же время на втором этапе ср. XVIII – ср. XIX вв. на формирование деятельности РПЦ заметное влияние оказали геополитические интересы России в данном регионе. Начало активной исламизации горских народов, заставило Россию

экстренным образом укреплять позиции православной паствы посредством резкого увеличения славянского населения. К сожалению, на данном этапе религия часто превращалась в орудие политики. Не случайно одним из лозунгов Кавказской войны стала защита ислама, но под этим термином подразумевалась не сама мусульманская вера, а верность Турецкой империи. Аналогичным образом православие ассоциировалось с Россией. Таким образом, Кавказская война носила не религиозный характер, как любят об этом писать некоторые историки представители национальных школ Кавказа, а сугубо политический, направленный, прежде всего, на недопущение русского влияния в данном регионе.

Конфессиональное противостояние - это не историческое явление, присущее народам Северного Кавказа, а продукт современных политтехнологий.

Для понимания взаимоотношения ислама и христианства весьма важно учитывать три фактора, оказавших влияние на их взаимодействие.

1) Исторический.

Христианство существовало на Кавказе задолго до проникновения сюда ислама. Уже к VI в., за четыре столетия до крещения Руси, основная часть местного населения стала исповедовать христианство.

Не случайно массовая исламизация Северного Кавказа в середине XVIII в. нередко встречала сопротивление среди местного населения. Сохраняя память о своих христианских предках, горцы отказывались принимать мусульманство, заявляя, что поклонение распятию древнее ислама. Таким образом, все это препятствовало развитию в этом регионе религиозного экстремизма.

2) Политический.

Основной мотивацией принятия новой веры являлся не духовный фактор, а геополитические интересы, соседних держав. Именно близлежащие государства выступали инициаторами распространения на Кавказе их государственной религии.

Все это создавало благодатную почву для процветания национальных верований под эгидой мировых религий,

каноническая суть которых для большинства северокавказских народов сводилась исключительно к обрядовой стороне. Даже в начале XX века мало кто из горцев готов был погибнуть за веру, а вот отдать жизнь, защищая память предков, вековые традиции и обычаи, готов был каждый.

3) Религиозно-культурный.

Низкий уровень религиозного образования, способствовал складыванию двойственной ситуации, с одной стороны население принимало новую веру, с другой стороны, не было знакомо со всей ее атрибутикой. Христианская обрядность, как позже и мусульманская тесно переплетались с языческими традициями. Не удивительно, что мусульманский Кавказ, в отличие от исламского Ближнего Востока сохранил приверженность адату, а законы шариата всегда ему были чужды. Все это создавало благодатную почву для синкретизма христианства, язычества и ислама. Неслучайно, даже в ср. XIX в. на Кавказе можно было наблюдать как горцы, свершали намаз под сенью священных деревьев с привязанными к ним крестами и тут же зажигали свечи и клали поклоны по христианским обычаям [5].

В целом же, все это способствовало мирному существованию христианства и ислама. Все военные конфликты между казачеством и горцами носили сугубо бытовой характер. Даже в годы Кавказской войны православный епископ, совершая объезд своей епархии, спокойно мог посетить горский аул, жители которого оказывали ему достойный прием [6].

Весьма показателен в этом плане одна из историй из жизни имама Шамиля, яростный противник христианства, он позволил в одном из древних Дагестанских православных храмов поселиться 4 инокам, когда двое из них были ограблены и убиты, Шамиль лично занялся следствием и жестоко наказал виновных [7]. Примечательно, что в архивных документах эпохи Кавказской войны нигде не встречается сообщений о целенаправленном уничтожении православного духовенства. Не поэтому ли потери среди него были весьма не значительными. Развивая идею газавата, авторы мюридизма не случайно основной акцент делали не на борьбе ислама и христианства, а на противостояние

горцев и русских. Именно тогда впервые понятие христианин стало синонимом термина русский.

С окончанием Кавказской войны наступает третий этап в деятельности РПЦ на С. Кавказе. В это время приоритетным направлением кроме научно-просветительской деятельности становится социальное служение. Именно православные священники не редко выполняли функцию врачей, оказывали медицинскую помощь горцам, обучали их грамоте и языку, часто брали на перевоспитание горских преступников [8]. Все это способствовало укреплению взаимоотношений между Россией и народами С. Кавказа. Видя участие и заботу православного священства к их нуждам, горцы не редко отвечали им благодарностью. Так в годы революционных лихолетий 1905-1907 гг., когда в горах Кавказа появилось ни мало разбойников, которые часто угоняли монастырский скот, карачаевцы пришли к настоятельнице Спасо-Преображенского монастыря, расположенного в ауле Сента, и заявили, что до окончания смуты будут охранять покой сестер и монастырское имущество. И действительно, в течение двух лет каждый день несли в монастыре караульную службу [9].

Опроверяют исторические источники и тезис о притеснении со стороны России религиозных чувств мусульман. Многочисленные документы наглядно демонстрируют, как скрупулезно в ср. XIX в. выработывалась конфессиональная политика на Северном Кавказе, главным принципом которой было не посягательство на паству ислама. Поэтому—то православные миссионеры получали особые указания не заниматься пропагандированием христианства среди мусульман. По каждому магометянину, пожелавшему принять христианство принималось отдельное решение, желающим креститься приходилось ждать ответа из Святейшего Синода по несколько лет. В то же время не редко, подстрекаемое Турцией мусульманское духовенство проводило антирусскую политику. Часто в рапортах содержатся сообщения такого рода: «Мусульманское духовенство искусственно сеет рознь между черкесами и русскими. Необходимо сделать все, чтобы эти две враждебные народности слились в одну общую семью» [10].

Именно монархическое правительство становится инициатором проведения в Екатеринодаре съезда мусульманского духовенства, оно же помогает ему наладить систему внутреннего управления [11]. Много внимания уделяет российская власть и вопросам просвещения мусульманского духовенства.

С 1848 г. русское правительство стало отпускать денежные средства для законоучителей мусульманского вероисповедания [12].

В то же время, не редко Османская Турция пыталась использовать мусульманское духовенство Кавказа в своих интересах. Так в 1896 г. было разослано во все мечети тайное послание от Турецкого султана с призывом начать сбор средств на нужды ислама, позже выяснилось, что эти деньги планировались использовать для приобретения оружия. Часто под мусульманским священником скрывался турецкий эмиссар [13]. Учитывая этот факт, не следует борьбу с турецкой агентурной сетью рассматривать в качестве притеснения религиозных чувств мусульман. Речь идет о совершенно разных вещах. Тем более, что главным принципом конфессиональной политики России на Кавказе было толерантное отношение к мусульманам.

Не стоит миссионерскую политику России среди осетин, переносить на все горское население, как это преподносит кабардинский исследователь О.О. Айшаев [14]. Как известно, к моменту возникновения Осетинской духовной миссии 1747 г., большинство осетин сохраняли приверженность вере предков (синкретизм язычества и христианства) и не были подвержены еще исламизации. Таким образом, русская православная Церковь защищала интересы своих братьев по вере, а не обращала мусульман в христианство [15].

Подтверждением толерантного отношения к носителям ислама, являются и статистические данные. Так в конце 1868 г. в Урупском округе на 5 тыс. мусульман приходилось 5 мечетей, в то время как на 6 тыс. православных была лишь одна церковь. А в таких округах как Псекупский и Лабинский православных храмов не было во все [16].

Именно православные священники были первыми носителями грамотности среди горского населения Кавказа. Так еще в 1861 году преподаватель Ставропольской губернской гимназии, У. Берсей составил адыгейскую азбуку на основе русской графики, через год его коллега Петр Услар на аналогичном принципе создал чеченский букварь.

В 1898 г. при Спасо-Преображенском женском монастыре (ныне территория Карачаево-Черкесии) православным духовенством была открыта первая в этом районе школа грамоты для горских детей. Спустя год при Ставропольской епархии было открыто еще 7 таких учебных заведений, на их содержания ежегодно выделялся 1% от собранных церковных сумм. Не редко в документах можно встретить сообщения такого рода: «Отраднo видеть как гордятся горцы тем, что сами могут подписать общественный приговор, прочитать свой билет, повестку. На вопрос, кто научил грамоте, гордо отвечают, - учитель Иван, спасибо ему, две зимы учил» [17].

Таким образом, согласно документам и вопреки утверждений современных кавказских исследователей, Россия несла на Кавказ ни тиранию, а просвещение.

Примечания

1. К. Маркс. Собрание сочинений в 39 томах, второе издание. М., 1955. Т. 31. С. 106-107.
2. Российский государственный архив древних актов. (далее РГАДА) Ф.115. Оп1 . Д. 23. Л. 3.
3. РГАДА Ф.115. Оп.1 . Д. 2. Л.4
4. *Зеленский Ю.В.* К вопросу о распространение ислама в степном Прикубанье в XVII – начале XX в. //Конфессиональное пространство Северного Кавказа (конец XVIII – начало XXвв.). Материалы круглого стола. Краснодар, 2010. С. 67-70.
5. Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани. СПб., 1851. С.304.
6. Ставропольские епархиальные ведомости. 1888. февраль. С. 720.
7. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, бытовом описании. Кавказ. Т. IX. СПб., 1898. С. 254.
8. Государственный архив Ставропольского края (далее ГАСК). Ф. 90. Оп.1. Д.72, Д. 123., Д.912.
9. ГАСК. Ф. 454. Оп.1. Д. 3146. Л.9.
10. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК) Ф. 799. Оп.1., Д. 2. Л. 28.
11. ГАКК. Ф. 454. Оп.2. Д. 764. Л.110
12. Сборник постановлений и распоряжений, относящихся к начальным училищам Кавказского учебного округа. М.,1916. С. 48
13. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 5484. Л. 6.

14. *Айшаев О.О.* Северокавказское миссионерство в системе колониальной политики Российской империи. //Конфессиональное пространство Северного Кавказа (конец XVIII – начало XX вв.). Материалы круглого стола. Краснодар, 2010. С. 10 -12.

15. Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ). Ф.110. Оп. 110/1. Д. 3. Л. 3-7.

16. ГАКК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 2. Л. 39.

17. Ставропольские епархиальные ведомости. 1901. С. 21

Кумпан Е.Н. (г. Краснодар)

ПРОБЛЕМА РЕЛИГИОЗНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НА КАВКАЗЕ В НАЧАЛЕ XX В.¹

В начале XX в. Российская администрация на Кавказе столкнулась с новым явлением: конфессии заявляли о своем праве на самоопределение и независимость от государства – иногда оставаясь в рамках легальности, иногда нарушая закон. Основой для борьбы за самоопределение стали либеральные законы 1903–1905 г. [1], события революции 1905–1907 г., а также движение за восстановление патриаршества Русской православной церкви (РПЦ): признание императором необходимости церковных реформ и созыв Предсоборного Присутствия давало надежду иным конфессиям на уменьшение государственного контроля.

В статье рассматривается вопрос о статусе Армянской апостольской церкви (ААЦ) и правах Эчмиадзинского католикоса, борьба Грузинской православной церкви за восстановление автокефалии, стремление мусульман Северного Кавказа к созданию автономной структуры управления.

Управление Армянской апостольской церковью в России происходило на основе Положения 11 марта 1836 г. [2]: высшее управление ААЦ принадлежало патриарху, пребывавшему в Эчмиадзинском монастыре в пределах России, он считался духовным главой всех последователей армяно-григорианского

¹ Статья написана при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках реализации мероприятий ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы по теме «Политика России на Кавказе в прошлом и настоящем: документальная база, интерпретации и противодействие фальсификации истории» (Соглашение 14.В37.21.0966).

вероисповедания (в том числе и за пределами России), носил титул католикоса всех армян. При вакантности Эчмиадзинского престола, два кандидата на место патриарха избирались съездом депутатов от епархий ААЦ и высшего духовенства, затем Российский император утверждал одного из них.

В конце XIX в. произошло резкое изменение правительственного курса в отношении ААЦ. Резкое неприятие в 1880–1890-е гг. вызвали попытки реформирования системы армянских церковных школ и последовавшее затем их закрытие [3]. В 1903 г. был издан закон о передаче имущества ААЦ в ведение правительственных учреждений [4] и сопротивление армян резко усилилось, перерастая в мятежи, подавляемые вооруженной силой (в Тифлисе, Баку, Елисаветполе и др.) [5]. Протест заявило и турецкое духовенство, указывавшее на то, что имущество принадлежит не русско-подданным армянам, а всей ААЦ. 1 августа 1905 г. указом императора был отменен закон 1903 г.: Армянской церкви возвращались недвижимые имущества и капиталы, наместнику на Кавказе поручалась разработка нового положения об армянских церковных школах [6].

В мае 1906 г. католикос Мкртич пригласил представителей армянского народа на съезд – для обсуждения текущих церковных вопросов [7], в июне прошли выборы в приходских собраниях: правом голоса обладали все прихожане от 21 года [8]. Созыв съезда, учитывая политическую обстановку на Кавказе, П.А. Столыпину представлялся нежелательным, но наместник на Кавказе И.И. Воронцов-Дашков разрешил съезд: во-первых он планировался для обсуждения церковных вопросов, во-вторых, немногим ранее, был разрешен общемусульманский съезд в Нижнем Новгороде [9].

Съезд в Эчмиадзине был открыт 17 июля. Из 53 депутатов только 5 были духовными лицами, подавляющее большинство – 45 депутатов – от партии Дашнакцутюн. Эчмиадзинский съезд, постановил считать себя учредительным, потребовал отделения церкви от государства. Часть делегатов отказалась участвовать в работе съезда, фактически остались только представители Дашнакцутюн, которые объявили о своем праве рассматривать все вопросы, как законное народное представительство, в

частности, предложили решить земельный вопрос за счет церковных и монастырских владений. Съезд был закрыт [10].

Сложившуюся в период католикосата Мкртича практику выборности депутатов, епархиальных начальников, чиновников духовных правительственных учреждений – с учетом требований самостоятельности Армянской церкви – власть оценивала как склонность армян "к самоуправлению на конституционно-демократических началах", указывая на стремление армянских политических движений "придать патриаршей власти характер не только высшего духовного, но и светски-национального главенства над армянской нацией при возможно полной независимости от государственной власти" Российской империи [11]. В 1907 – 1908 гг. на правительственном уровне шло обсуждение вопроса о необходимости пересмотра полномочий католикоса и ограничения его власти только пределами страны: лишение католикоса статуса вселенского патриарха устранило бы его свободу и привилегированное положение.

П.А. Столыпин высказывался за уравнивание армяно-григорианской церкви в правах с другими иностранными исповеданиями на территории Российской империи; стремился уравновесить голоса российских и зарубежных армян при выборе католикоса; предлагал вводить в сан католикоса только русских подданных, владеющих русским языком.

И.И. Воронцов-Дашков был противником инициатив министра внутренних дел: по его мнению, преобразования могли спровоцировать новые революционные выступления на Кавказе [12]. Наместник пояснял, что "сведение католикоса на роль духовного начальника только русских армян смутит их умы, но не достигнет цели... либо избранный Эчмиадзинский католикос подчинится такому требованию, но тогда где-нибудь в Турции выберут католикоса всех армян и Эчмиадзинский патриарх ему подчинится, либо Эчмиадзинский патриарх будет игнорировать закон и сам останется главой всех армян". Отсутствие знания русского языка отстранит от участия в выборах консервативных священников старшего возраста, как раз менее подверженных революционным идеям, а уравновесить число голосов

российских армян и зарубежных не возможно: в России 6 епархий, в Турции – 45 [13].

В поддержку сохранения значимости католикоса выступило министерство иностранных дел. В отзыве, подписанном А.П. Извольским, акцентировалось, что авторитет Эчмиадзинского патриарха "дает нам ценное оружие политического влияния в пределах соседних мусульманских стран и прежде всего в Турции". Перспектива лишения католикоса его вселенского статуса трактовалась как нарушение "прямых государственных интересов России [14].

В результате, несмотря на желание П.А. Столыпина пересмотреть права католикоса после смерти Мкртича, в законодательство было введено только одно новое положение: о тайном голосовании при избрании двух кандидатов. 1 ноября 1908 г. большинством голосов был избран первым кандидатом Матеос (Измирлиан) [15], сторонник Дашнакцутюн, в июне он был утвержден императором. В 1911 г. во время следующих выборов католикоса, произошел конфликт: 32 депутата отказались от голосования, заявив о давлении, оказываемом на них Дашнакцутюн и национальным собранием в Константинополе. Избранный патриархом Кеворк Суреньян, получил всего на 1 голос больше Дурьяна (кандидата Дашнакцутюн). Влияние партии дашнаков снижалось [16].

В 1913 – начале 1914 г. во взаимоотношениях Эчмиадзинского престола и Российского правительства стремление к автокефальности теряет свою актуальность. На первый план выходит армянский вопрос в Османской империи.

Таким образом, при решении проблемы самоопределения ААЦ учитывались факторы и внутренней, и внешней политики. Международный статус католикоса и потенциальная возможность оказывать влияние на события в Османской империи посредством армянской диаспоры, обусловили сохранение привилегий Армянской церкви, но расширение пределов самостоятельности ААЦ было не возможным.

Наиболее острый характер приняла борьба за автокефалию Грузинской православной церкви. Грузинская церковь в Российской империи с 1811 г. имела статус экзархата. Экзарх

Грузии был подчинен императору, как главе РПЦ. Первым экзархом Грузии был Варлаам (Эристави), после него это пост занимали только русские экзархи [17]. Соответственно в течение первой половины XIX в. экзарх и епархиальные архиереи, многие из которых были грузинами, говорили на разных языках, делопроизводство велось через переводчика [18]. Количество приходов и священнослужителей было сокращено [19], религия рассматривалась как средство русификации, поэтому обучение богослужению в Тифлисской семинарии велось на русском языке. Р.А. Фадеев, историк и публицист, писал в 1882–1883 г.: "Народ перестал ходить в церковь даже в большие праздники и ни в чем не обращаются к священникам, говоря, что они ему чужие, что они не умеют ни толково читать, ни даже хорошо говорить по-грузински, а тем менее блюсти обычаи местной церкви... Дело правительства исправить этот промах [20]. К началу XX века промах исправлен не был и в отчете обер-прокурора Св. Синода за 1905–1907 гг. зафиксировано, что "религиозно-нравственное состояние паствы и пастырей Грузинского экзархата, и ранее бывшее невысоким по сравнению с жизнью православного населения русских епархий представляется печальным... возникли обостренные отношения между прихожанами и духовенством Грузинской и Имеретинской епархий... духовенство, особенно сельское, сделалось предметом смеха и издевательств со стороны простонародья [21].

Грузинские историки указывают также на экономические основы борьбы Грузинской церкви за самостоятельность: РПЦ стала правонаследницей имущества церкви Грузии, в результате грузинское духовенство экономически сильно пострадало; духовные лица Грузии получали жалованье от Св. Синода и поэтому полностью от него зависели.

Духовенство Грузинского экзархата официально заявило о стремлении к автокефалии весной 1905 г. На съезде депутатов духовенства Имеретинской епархии 19 марта была составлена петиция Комитету министров, в которой депутаты просили: признать независимость Грузинской церкви во главе с избираемым католикосом, разрешить выборность

священнослужителей, реформировать систему школьного образования и подготовки священников, даровать свободу слова, печати, собраний духовенства, освободить церкви от служения политическим целям [22]. В мае этого же года, внезапно для властей и вероятнее всего для действующего экзарха Алексея – по анонимному вызову – в Тифлисе собрался съезд грузинского духовенства – и через 3 дня, "съезд был разогнан вооруженной силой" [23], ночью прошли обыски священнослужителей. События вызвали бурную общественную реакцию, начались дискуссии о каноническом праве Грузинской церкви на самостоятельность.

Конфликт усугубило назначение новым экзархом Грузии Николая (Налимова): сторонники перемен считали его противником автокефалии. Сам экзарх в рапорте Св. Синоду писал, что "вопрос об автокефалии лишь маскирует стремление к национальной самобытности Грузии и считал бессмысленными исторические исследования об автокефальности. Одновременно он излагал мнение о том что если грузинская церковь хочет быть автокефальной – нет оснований ей отказывать, "нет и возможности убеждать грузин в полезности для их церкви продолжения тесного союза с русской церковью, потому что в этих убеждениях всегда будет подозреваться эгоистическая основа [24].

Обсуждение проблем Грузинской церкви перешло на уровень Св. Синода: на особом совещании грузинским иерархам предложили устранить зависимость от Грузино-Имеретинской синодальной конторы, разделив Грузинский экзархат на самостоятельные епархии (по общероссийской модели), решить проблему использования местного языка, улучшить материальное обеспечение священников. Епископ Орловский Кирион (Садзаглишвили) [25] и Имеретинский Леонид (Окропиридзе) сочли предложенные меры недостаточными и настаивали на отделении Грузинской церкви [26]. В июне 1906 г. был назначен следующий экзарх – Никон (Софийский) [27]. В октябре в Тифлисе оформилось автокефалистское общество во главе с епископом Кирионом.

Грузинское духовенство официально объявило бойкот нового экзарха, "как русскому по происхождению, а не грузину" [28]. Еще до приезда в Тифлис, Никон получил анонимное письмо, с требованием покинуть город в течение 2 недель. Опасаясь покушения, Никон носил защитный панцирь. Экзарх отмечал, что решение вопроса об автокефалии не в его власти, его обязанность – тщательно изучить вопрос о необходимости преобразований в Грузинской церкви [29]. В апреле 1908 г. Никон направил в Санкт-Петербург секретный проект переустройства грузинских епархий, 28 мая 1908 г., накануне отъезда в Св. Синод, экзарх был смертельно ранен. Террористы скрылись с места преступления [30].

После убийства Никона была проведено расследование: по агентурным сведениям прослеживалась связь убийства с деятельностью автокефалистов; также было установлено, что епископ Кирион приезжал в Тифлис в апреле 1908 года и провел три дня у священника – члена "Братства восстановления независимости Грузинской церкви" [31]. Из-за недостатка улик судебного процесса не последовало. Лидер автокефалистов, епископ Кирион, был заключен в Санаксарский монастырь в Тамбовской губернии. Вопрос о реформировании церковной жизни в Грузии был закрыт. В 1915 г. указом императора, Кириона освободили от надзора полиции, епископ был "награжден орденом Св. Анны I степени, восстановлен в праве управлять епархией (но только не в Грузии), назначен епископом Полоцка и Витебска [32].

Религиозная политика в отношении Грузинской церкви подразумевала интеграцию экзархата в общероссийскую синодальную систему. Общность веры должна была способствовать стиранию границ, а не обособлению экзархата. Однако, сокращение числа священников (учитывая географические условия Грузии) ослабило связь духовенства с прихожанами, а языковой барьер способствовал дистанцированию в общественном сознании грузинского и русского православия. Споры о каноничности автокефалии показывают значимость вопроса и для духовных, и для светских лиц. Существовавшие в Российской империи принципы

государственно-конфессиональных отношений делали практически невозможным создание самостоятельной Грузинской церкви в начале XX в., поэтому сразу после падения режима монархии, 25 марта 1917 г. грузинское духовенство объявило о восстановлении автокефалии Грузинской церкви.

Мусульмане Северного Кавказа в начале XX в. не были подчинены ни одному из существовавших в то время мусульманских духовных учреждений: власть Закавказских правлений на Северный Кавказ не распространялась, но и Оренбургское духовное собрание территорию Кубанской, Терской области и Ставропольской губернии не контролировало, ограничиваясь рассмотрением только частных дел.

Весной 1906 г. И.И. Воронцов-Дашков, руководствуясь статьей 15 указа "Об укреплении начал веротерпимости", предложил магометанам Кавказа обсудить интересующие их вопросы. 24 июня того же года во Владикавказе состоялось совещание мусульманского духовенства Терской и Кубанской областей, выработавшее решение об учреждении в г. Владикавказе самостоятельного духовного правления для мусульман Северного Кавказа во главе с избираемым муфтием [33].

В 1913 г. последовало предложение 39 членов Государственной думы "учредить в г. Владикавказе Северокавказское духовное правление с муфтием во главе. Организацию этого управления создать по образцу Закавказского муфтията". Наместник Кавказский заявил о согласии принять на себя разработку соответствующего законопроекта" [34].

В 1917 г. на I съезде Кавказских мусульман (16–22 апреля) было принято решение о создании единого центрального общемусульманского органа для всей России с законодательными функциями "для решения духовно-культурных проблем". Через 10 дней начал работу Первый Общегорский съезд во Владикавказе, в котором участвовали около 300 делегатов от народов Северного Кавказа и Дагестана. В сфере регулирования духовной жизни были приняты следующие решения: 1) учредить должность шейх-уль-ислама, избираемого на основании шариата с правами министра по

мусульманским религиозным и политическим делам с резиденцией в Петрограде; 2) учредить должность Кавказского муфтия с резиденцией во Владикавказе; 3) в этом же городе основать Кавказское горское духовное правление [35].

В рамках дореволюционного периода Российской истории вышеуказанные предложения не были реализованы. Одной из главных задач управления регионом являлось сохранение лояльности населения и подчинять мусульман Северного Кавказа существующим исламским центрам в России считалось нецелесообразным: географическая удаленность структур самоуправления не могла обеспечить необходимый контроль, а создание нового самоуправляющегося органа властям представлялось рискованным из-за опасности объединения мусульман Кавказа. Мусульмане Северного Кавказа, стремясь к созданию автономной структуры управления, оставались в рамках легальных действий. Ситуативно сформированная после завершения Кавказской войны система управления мусульманами, основанная на традициях горцев и регулировавшаяся распоряжениями местного начальства, сохранялась, как модель, доказавшая свою относительную эффективность.

В рассматриваемый период на Кавказе возрастает динамика религиозных изменений, повышается уровень напряженности. Религиозное самоопределение, совмещаясь с этническим, в условиях вариативности прав различных конфессий, способствовало вовлечению религий в политическую борьбу.

Примечания

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 3-е. Т. 23. 1903 г. Отделение 1. Ст. 22581; Там же. Т. 24. 1904. Отделение 1. Ст. 25495; Об укреплении начал веротерпимости // ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 25. 1905. Отделение 1. Ст. 26125.

2. Высочайше утвержденное положение об управлении делами Армяно-григорианской церкви в России // ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 11. 1836 г. Отделение 1. Ст. 8970.

3. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 7. Д. 222. Л. 45.

4. О сосредоточении управления имуществами Армяно-Григорианской Церкви в России в ведение правительственных учреждений и о подлежащей передаче в ведение Министерства Народного Просвещения средств и имуществ означенной церкви, коими обеспечивалось существование армяно-григорианских церковных училищ // ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 23. 1903. Отделение 1. Ст. 23156.

5. РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 286. Л. 41.
6. О возвращении в ведение Армяно-Григорианской Церкви недвижимых имуществ и капиталов, переданных в Министерство Народного Просвещения // ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 25. Отделение 1. Ст. 26613.
7. И.И. Воронцов-Дашков – П.А. Столыпину. 8.8.1906 г. // Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998. С. 720.
8. Кондак Митрича. 30.06.1906 // Дякин В.С. Указ. соч. С. 721.
9. И.И. Воронцов-Дашков – П.А. Столыпину 13.9.1906. // Дякин В.С. Указ. соч. С. 722.
10. Там же. С. 722–723.
11. Записка о современном положении армяно-григорианской церкви в России // Дякин В.С. Указ. соч. С. 728; Представление МВД в Совет министров "О мерах к упорядочению правления делами армяно-григорианской церкви в России" (черновой вариант) 12.6.1908. // Там же. С. 730.
12. Изложение отзыва И.И. Воронцова-Дашкова 30.1.1908 г. // Дякин В.С. Указ. соч. С. 734.
13. Отзыв наместника на Кавказе на представление МВД // Дякин В.С. Указ. соч. С. 748.; И.И. Воронцов-Дашков – П.А. Столыпину. 12.6. 1908 г. // Там же. С. 751.
14. Отзыв МИД на представление МВД 24.3.1908 г. // Дякин В.С. Указ. соч. С. 758.
15. Русское слово. 15 ноября 1908 г. // URL: <http://starosti.ru/article.php?id=16691> (дата обращения 17. 08.2013).
16. *Верт П.* Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012. С. 201–202; Докладная записка Н.В. Чарыкова // Дякин В.С. Указ. соч. С. 768–769.
17. *Вачнадзе М., Гурули В., Бахтадзе М.* История Грузии (с древнейших времен до наших дней) URL: <http://lib.rus.ec/b/74098/read> (дата обращения: 12.01.2013).
18. *Рыбаков А.* "В области кесаря": проблема статуса и структуры Грузинской православной церкви после отмены автокефалии (первая половина XIX в.) // *Ab imperio.* № 3, 2010. С. 34.
19. *Рыбаков А.* Указ. соч. С. 26.
20. *Фадеев Р.А.* Записка об управлении азиатскими окраинами [1882–1883] // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб., 2005. С. 472–473.
21. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 гг. СПб., 1910. С. 161, 163.
22. Петиция духовенства Имеретинской епархии в Комитет министров // Дякин В.С. Указ. соч. С. 660-661.
23. Очерк автокефального движения грузинской церкви // Дякин В.С. Указ. соч. С. 658.
24. Рапорт Святейшему Синоду экзарха Николая 17.12. 1905 // Дякин В.С. Указ. соч. С. 667-668.
25. В 1917–1918 гг. католикос-патриарх Грузии.
26. Проект журнала совещания о неурядках в церковном управлении в Грузинском экзархате 19.1. 1906 // Дякин В.С. Указ. соч. С. 671-672.
27. Святой Священномученик Кирион II (Садзаглишвили) и Абхазия / Сост. Гамахария Дж. Тбилиси, 2006. С. 74.
28. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода... С. 166–167.

29. Верт П. Указ. соч. С. 86–87.
30. Копия доклада следственного акта об убийстве Никона // Дякин В.С. Указ. соч. С. 673.
31. Донесение Тбилисского охранного отделения начальнику Тбилисского Губернского жандармского управления о приезде епископа Кириона перед убийством экзарха Никона // Святой Священномученик Кирион II... С. 334–335.
32. Святой Священномученик Кирион II... С. 84.
33. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 633. Л. 23–25.
34. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 318. Оп. 6. Д. 945. Л. 4.
35. *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917г. – лето 1918 г.). М., 2004. С. 163, 204.

Цыбульникова А.А. (г. Армавир)

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ЖЕНЩИН-РАБЫНЬ У АДЫГОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

В первой половине XIX в. работорговля была широко распространенным явлением на Северном Кавказе, в том числе и у проживающих в его западной и центральной частях адыгов. Спецификой системы работорговли в черкесских землях было прямое участие Османской империи в скупке пленников и вывозе их за территорию Северного Причерноморья. В условиях развития процесса феодализации, усугубления социальной дифференциации в горских обществах работорговля (в первую очередь в форме пленоторговли) стала в рассматриваемый период одной из основ экономической системы горцев [1].

В условиях натурального обмена раб (пленник) становился единицей торговли. У адыгов существовало специальное понятие – «голова» (сха) – обозначавшее платежную единицу. По Ф.И.Леонтовичу, такими головами считались рабы, лошади, хорошая кольчуга, лук, 60 баранов [2]. При крупных расчетах в роли сха чаще всего выступали девушки-рабыни. Так, Н.Ф. Дубровин приводит такие расценки: «лучший панцирь» стоил «двух рабынь; другой панцирь стоил одной рабыни; налокотники — одной рабыни, другие налокотники и шишак — одной рабыни; шашка — одной рабыни, еще шашка похуже — пять лошадей», при этом хорошая лошадь могла стоить одной рабыни. Даже калым (гебен-хак) за невесту достаточно часто

платился рабынями [3]: за княжну — от трех до восьми девочек, а за простолюдина — от одного до двух детей» [4]. Нередко рабынями оплачивались и штрафы.

Какую же правовую нишу занимали в социальной структуре адыгского общества женщины-рабыни? Начнем с того, что сама структура зависимого населения у горцев была весьма расплывчата и неоднородна - в силу несформированности феодальных правовых институтов на фоне уже почти разложившихся институтов родовых; в силу разрушения адатных норм права на фоне не утвердившихся в полной мере норм шариата; в силу многоплеменного разнообразия населения.

Наиболее упрощенной схемой зависимого населения Кубанской области была и остается градация, приведенная в записке «О зависимых сословиях в горском населении Кубанской области», опубликованной в 1867 году в «Кубанских войсковых ведомостях», текст которой гласит: «Все крестьяне, находящиеся у горцев Кубанской области, могут быть разделены на три разряда: 1) унауты, 2) пшитли и 3) оги» [5]. Именно на эти данные опирался М.В.Покровский, анализируя структуру зависимого населения у адыгов. Схема, действительно простая и понятная, отражающая, на наш взгляд, главное – крупнейшие блоки зависимого населения: унауты (рабы), пшитли (собственно крепостные) и оги (феодално зависимые) [6].

К сожалению, если посмотреть источники и литературу XIX в., то становится ясно, что у большинства народностей Северного Кавказа были свои названия групп зависимого населения и статусы этих групп также не были идентичны у разных племен. Так, автор «Докладной записки о зависимых сословиях в Кабардинском округе и об их обязанностях в отношении владельцев, приложенная к рапорту начальника Терской области от 8 сентября 1866 г. за № 2825...» пишет, что «холоп-пшитль всех наименований происходит от людей, приобретенных оружием и покупкой в чужих племенах. Сословие пшитль в Большой и Малой Кабарде образовалось в весьма давние времена от рабов, добытых оружием, и делится на три главных разряда: логонут, ог и унаут.» [7] Таким образом, рабы (унауты) в данном

источнике относятся к пшитлям, так же как и остальные категории зависимого населения.

Упомянувшийся выше Ф.И.Леонтович приравнивает по социальному статусу к унаутам (рабам) такие категории зависимого населения, как логанauty, лагуни-пши, лигава, караваш, ясырь [8]. Хотя знаменитый советский исследователь В.К.Гарданов, проведя кропотливый анализ, отнес пшитлей-лагунопытов к одной из разновидностей крепостных крестьян [9].

В современной историографии продолжают споры о правовых статусах зависимого населения адыгского общества первой половины XIX века. Причина – не в разнице мнений, а в многообразии форм этой самой зависимости и их этнических названиях. Немало сбивают в этом отношении с толку и тексты российских источников рассматриваемого периода. В одних из них рабы прописываются как унауты, в других – как холопы, в третьих – как крепостные крестьяне (и соответственно речи о наличии в адыгском обществе рабов вообще не идет). Характер трактовки зависел от уровня образования и личного понимания горского уклада автором докладной записки, рапорта, отчета и т.п.

В связи с вышеизложенным перед нами встает проблема определения какие же конкретно типы зависимого населения Северо-Западного Кавказа могут быть отнесены непосредственно к рабам. Согласно «Толковому словарю русского языка» раб - это «человек, лишённый всех прав и средств производства, и являющийся полной собственностью владельца, распоряжающегося его трудом и жизнью» [10]. В словаре Д.Н.Ушакова это «эксплуатируемый человек, лишенный всяких средств производства и вместе со своей рабочей силой являющийся товаром, полной частной собственностью эксплуататора» [11]. Таким образом, основным признаком рабского положения зависимого человека по современному понятию является его полное бесправие и полное отсутствие у него личной собственности, причем второй признак будет для рассматриваемого нами периода доминирующим.

Итак, исходя из вышеизложенного, под современное понятие раб у адыгов в рассматриваемый период попадают: пленники (и

кавказские, и русские), унауты, ясыри. Отличались эти понятия только нюансами. Так, ясырем было принято называть пленника больше на Северо-Восточном Кавказе. Хотя присутствовало это слово и в русском языке. Произошло оно от турецко-арабского «esir» (пленник, раб) [12] и употреблялось в России как минимум с XVI века. Унаутами адыги называли в основном рабов, помогавших по дому, по хозяйству. Кроме пленников статус унаута могли получить соплеменники, «лишенные прав семейственного состояния за дурное поведение и осужденные на безусловное служение воле своих хозяев» [13].

Проанализируем положение данной категории населения через призму женских судеб.

Все пленницы, независимо от национальности, получали статус рабынь. Исключения были возможны только при аристократическом происхождении девушки, ее изначальном мусульманском вероисповедании и желании хозяина на ней жениться. В этом случае после брака она переходила из статуса рабыни в статус законной жены.

Именно рабыни в большинстве случаев становились наложницами. Их полное бесправие очень верно подметил Дж.А. Лонгворт, побывавший в 1839 году у адыгов. Он записал свои впечатления от посещения гарема одного из них: «...Манера, в которой хозяин говорил о своих женщинах, почти заставила меня подумать, что мы направляемся в его конюшню, но отнюдь не в гарем. Когда вам рассказывают о их существовании и при этом много жестикулируют и многократно упоминают суммы стоимости, вы, естественно, предполагаете, что речь идет о домашнем скоте. У черкесов весьма оригинальные суждения на этот счет: и мужчины, и женщины у них имеют свою стоимость, как и любое прочее имущество на Кавказе, и для женщин может в какой-то мере служить утешением то, что при наличии намека на красоту их стоимость возрастает раз в десять по сравнению с мужчиной» [14].

Полное отсутствие какой бы то ни было правовой защиты (в отличие от крепостных, которых частично защищало общество и адат) приводило к произволу хозяев. Невольница считалась собственностью господина, с которой он мог поступить по

своему усмотрению. По заключению Н.Ф. Дубровина, «раба не имела права отказаться от сожительства с своим господином и изнасилование такой женщины не осуждалось обычаем» [15]. Отсюда вытекала не только практика сожительства хозяев с рабынями, но и использование последних в качестве сексуальной утехы для горских отрядов. Такой случай привел в своих мемуарах граф де Рошешуар, адъютант императора Александра I. Он записал, как после взятия российским отрядом одного из черкесских аулов там были захвачено восемь женщин. «Что касается пленниц, я ожидал увидеть красавиц-черкешенок; но меня постигло полное разочарование! Все были старые и некрасивые. Одна из них рассказала, что она казачка, похищенная несколько месяцев назад; ввиду ее беременности у нее спросили, кто же тому причиной? «Бог его знает, - отвечала она, - их было так много, что я не знаю, кто отец ребенка!» [16]

В соответствии со своим статусом рабыня не имела права на брак, но хозяин по своему желанию мог дать ей временного мужа (сожителя) из рабов, крепостных или горцев свободного состояния. Дети от такого сожительства считались внебрачными и имели статус рабов. В любой момент хозяин мог забрать рабыню от ее мужа или продать ее детей. Так, согласно адату кабардинцев, «служанка, или унаут, всегда остающаяся при господине, если изберет себе холостого крестьянина (его именуют *коренитл*, т.е. ненастоящий муж) и господин на то согласится, то принимает его у себя, как жена мужа; рожденные от них дети принадлежат одному господину, и мнимый муж не может их присвоить себе; в противном случае господин может ему приказать никогда к ней не показываться, а детей вправе дарить, продавать и разбивать врозь; всех дочерей он может иметь у себя унаутами, т.е. служанками, а сыновей лигавами, т.е. прислужниками» [17].

Многие горцы специально склоняли своих рабынь к сожительству, чтобы по достижении их детьми 5-6 лет продать за хорошую цену туркам. Существовала практика и другого заработка – рабыня давалась в сексуальное пользование желающим мужчинам за определенную плату. Полное бесправие рабыни выражалось так же в том, что в случае получения ею

обиды или увечья, вознаграждение от обидчика получал ее владелец, а не она сама. Убийство рабыни господином законом никак не пресекалось и не наказывалось.

Унаутки играли особую роль в экономике адыгов. Как отмечает один из досоветских исследователей, «все хозяйство лежало на рабынях, и если жених не мог купить своей невесте опытную унаутку для ведения хозяйства, то невеста отказывалась выходить за него...» [18] Наведение порядка в доме и прислуживание госпоже – это были главные обязанности домашних рабынь. При этом никакой личной собственности унаутка не имела – все чем она пользовалась (вплоть до одежды на ней) принадлежало хозяевам. Земельный надел ей также не давался, и она жила в доме хозяина.

У унауток был ряд обязанностей, выполнять которые хозяин не мог заставить крепостных крестьянок. По сведениям авторов 1860-х годов, если у господина имелись унаутки, то жены пшитлей (крепостных) обязаны были доить коров, готовить масло, носить воду (два раза в день), готовить ежедневно из проса пшено и часть его отдать утром для господского дома рабыне-унаутке, а вечером сварить у себя дома из оставшейся части пшена пасту (круто сваренное пшено, заменявшее хлеб) и затем передать это через унаутку господину. Также жены крепостных «с помощью унаут (рабынь – А.Ц.) владельца обязаны изготовить бурку и полсть [19] для потников [20] и ружейных чехлов владельца и валяют сукно» [21]. Изготовление пищи и остальная текущая работа в его доме возлагались на унаутку. Если же у господина не было унаутки, то жены пшитлей должны были, кроме указанных работ для дома господина, готовить поочередно для его семьи пищу (ее разрешалось делать в своей сакле), а также выполнять в доме господина всю необходимую женскую работу, которая обычно возлагалась на рабынь-унауток. Чтобы избавить своих жен от этих дополнительных обязанностей, пшитли помогали своему господину купить унаутку.

Существовало правило, согласно которому господин мог заставлять жен пшитлей исполнять обязанности домашней прислуги лишь временно, а не постоянно. Если господин в

течение известного срока не покупал унаутки, то жены пшитлей имели право прекратить выполнение работы непосредственно в доме господина, так как такая работа считалась у адыгов обязанностью *только рабынь* [22].

Унаутками горцев были и русские пленницы. Ф.Торнау упоминает о плененной на Линии казачке Марии, которая жила служанкой у черкеса. «Она хорошо говорила по-черкесски, совершенно обжилась в доме своего господина и не думала возвращаться на русскую сторону, где она все потеряла со смертью мужа, убитого в ее глазах во время неприятельского нападения. У нее был сын, абадзехский мальчик, составлявший ее единственную привязанность и последнюю надежду в жизни» [23].

Горский адат позволял владеть рабами не только свободным горцам, но и крепостным. Если, например, посмотреть «Посемейный список жителей Малой Кабарды, которые отправляются в пределы Турецкой империи» от 20 мая 1865 года, то можно увидеть, как в процессе мухаджирства горцы вывозили в Порту не только своих крепостных и унаутов, но и принадлежавших этим крепостным рабов. Так, эфендий Хаджи Жамурза Варитлов берет с собой целый ряд «холопов» (зависимых крестьян), среди которых есть крестьянин Ислам, владеющий двумя унаутками – Хани и Сафият. Крестьянин Хаджи Сафара Мирзаева по имени Джансох вывозит из России свою унаутку Кушакиз. Да и многие свободные горцы также забирают с собой рабынь – в документе есть имена таких унауток, как Фатимат, Кушамахо, Маздока, Шапур. Упоминаются в документе и два унаута-мужчины [24]. Впрочем, черкесские имена не были гарантией кавказского происхождения таких рабов. Даже на турецком берегу российский консул периодически выявлял у мухаджиров русских рабов и им давалась возможность получить освобождение и вернуться домой [25].

Подводя итог надо сказать, что статус раба был для большинства пленников (особенно кавказского происхождения) единственной жизненной перспективой. Например, женщина выйти из статуса рабыни могла только двумя способами:

1) Если ей удавалось выйти замуж за свободного или даже за крепостного, но с выплатой калыма хозяину. Адат предписывал: «когда за эту холопку будет взят калым, узденю до нее и детей дела нет, и она делается законной женою» [26].

2) Совершив побег на российскую сторону. Но в этом случае существовало много нюансов. Если женщина не имела российского подданства, а ее господин был верен российским властям, то унаутку могли вернуть назад хозяину по его требованию.

Примечания

1. *Епифанцев А.А.* Неизвестная Кавказская война. Был ли геноцид адыгов? М.: Гуманитарный фонд «Кавказ – новые горизонты», 2012. С. 29-42, 301-308.

2. *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Вып. 1. Нальчик:Эль-фа, 2002. С. 328. (Репр. воспр.: Одесса, 1882.)

3. Калым также мог выплачиваться оружием или скотом, а с конца XVIII века – под воздействием торговых отношений с Россией - деньгами.

4. *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т.1. Книга 1. (СПб, 1871-1888). // Н.Ф.Дубровин о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик: «Эль-Фа», 2002. С. 186.

5. О зависимых сословиях в горском населении Кубанской области // Кубанские войсковые ведомости. 1867. №15-18.

6. Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII — первой половине XIX века: Социально-экономические очерки. Краснодар: Кн. изд-во, 1989.

7. Докладная записка о зависимых сословиях в Кабардинском округе и об их обязанностях в отношении владельцев, приложенная к рапорту начальника Терской области от 8 сентября 1866 г. За № 2825 на имя помощника главнокомандующего Кавказской армией// Антология памятников права народов Кавказа. Памятники права Балкарии /Сост.: З.А.Яхтанигов. М.: Перо, 2012. С. 125-131.

8. *Леонтович Ф.И.* Указ.соч. С. 311, 341-342.

9. *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX века). М.: Наука, 1967. С. 224-226.

10. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2006.

11. *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь русского языка. – М.: Славянский дом книги, 2008.

12. Советская историческая энциклопедия /Под ред. Е. М. Жукова. М.: Советская энциклопедия, 1973-1982.

13. Докладная записка о зависимых сословиях в Кабардинском округе...

14. *Лонгворт Дж.А.* Год среди черкесов // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик, 1974. С.531-584.

15. *Дубровин Н.Ф.* Указ.соч. С.174.

16. Кавказская война: истоки и начало. 1770-1820 годы. СПб, 2002. С. 342.

17. *Леонтович Ф.И.* Указ.соч. С. 224.

18. *Марков Е.* Очерки Кавказа. СПб, 1887. С. 54. (Цитата по: Епифанцев А.А. Неизвестная Кавказская война. Был ли геноцид адыгов? - М.: Гуманитарный фонд «Кавказ – новые горизонты», 2012.)

19. Войлок.
20. Войлочная подкладка для седла.
21. Цитата по: Гарданов В.К. Указ.соч. С. 224.
22. Там же. С. 226.
23. *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера. М., 2000. (Репр. воспр.: М., 1864.). С.242.
24. «Посемейный список жителей Малой Кабарды, которые отправляются в пределы Турецкой империи» от 20 мая 1865 года (ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 743. Лл. 39-41.)
25. См. например: «Письмо вице-консула в Трапезунде Мошнина генералу Карцеву о ходе переселения черкесов,.. и о вывезенных черкесами поляках и русских» от 9 января 1864 г. (ЦГИА Грузии. Ф. 416. Оп. 3. Д 1114. Лл. 1-1об.)
26. *Леонтович Ф.И.* Указ.соч. С. 223.

Раков В.В. (г. Курск)

ГАЗЕТА «ВОЛЬНЫЙ ГОРЕЦ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1918-1920 ГГ. НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В годы революции и Гражданской войны периодическая печать была одним из центральных элементов в пропагандистских системах различных военно-политических сил России, что позволяет отнести газеты к числу массовых и информационно наполненных источников региональной истории.

Краткая предыстория выхода в свет газеты «Вольный горец» такова.

1 мая 1917 г. во Владикавказе Временный Центральный Комитет Союза горцев Кавказа, образованный в начале марта 1917 г., созвал съезд горских народов, на котором было провозглашено создание Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. На втором съезде, состоявшемся там же во Владикавказе 2 сентября 1917 г., были образованы горские правительство и парламент.

С образованием Терской советской республики в марте 1918 г. горские правительство и парламент бежали в меньшевистскую Грузию, где 23 мая 1919 г. парламент само распустился в виду того, что Добровольческая армия заняла Терек и Дагестан. 2 сентября 1919 г. на конференции представителей горцев Кавказа в Тифлисе было решено образовать единый фронт борьбы против

Деникина в целях создания демократической республики горских народов [1, с.568].

Для руководства борьбой был создан Союзный Меджлис горских народов Кавказа, который и принял решение издавать в Тифлисе газету – «Вольный горец» для распространения преимущественно среди горского населения, особенно в Дагестане.

Первый номер газеты, заявленной как общественно-политический и литературный ежедневник, орган революционной демократии горских народов Северного Кавказа, вышел 8 сентября 1919 г. Редакция и контора помещались в Тифлисе в отеле «Европа», расположенном на проспекте Руставели. Газета печаталась в Государственной типографии Грузии. Известно о выходе номеров 1 – 22 в 1919 и номеров 23 – 68 в 1920 гг. Неполные комплекты газеты хранятся в фондах Российской Государственной библиотеки и Научной библиотеки федеральных государственных архивов.

Издателем газеты являлся Комитет горцев Северного Кавказа (с № 11 – Совет обороны Республики горцев Кавказа), а редактором – Ахмед (Ахмет) Тембулатович Цаликов (наст. фам. Цалык-каты) (1882 г., аул Ногкау, Терская область – 2 сентября 1928 г., Прага, Варшава, Польша) – один из лидеров фракции меньшевиков в РСДРП, основоположник теории мусульманского социализма.

Среди сотрудников, журналистов и авторов статей были: Ахмед Цаликов, Евгений Жарковский, В. Лаврович, Исмаил-Бей, Л. Кремер, Гаппойбаев, Ал. Таркоев, Г. Калинин, М. Тхоцев, Абдубакир Гарсиев, Из. Таркоев, Д. Шоипов и др. Кроме статей собственных корреспондентов, газета использовала материалы других газет: «Кавказский край», «Азербайджан», «Русский день», «Возрождение», «Понедельник», «Терский казак», «Кавказская газета» и др.

В передовой статье первого номера газеты так определялись задачи издания: «Идее национальной свободы горцев и предполагает служить редакция газеты «Вольный горец». Эта идея ставится в самую тесную связь с принципами демократии и завоеваниями российской революции, озарёнными великими

социалистическими устремлениями» [2, 8 сентября]. Главным врагом горских народов считалось реакционное казачество, которое, объединяясь то с большевиками, то с белой контрреволюцией, посягало на земли и свободу народов Северного Кавказа.

Состав материалов «Вольного горца» включал в себя практически все жанры газетной публицистики: статьи и путевые заметки, корреспонденции с мест, обзоры, комментарии, очерки, репортажи, а также произведения беллетристики, в основном рассказы и стихотворения.

На первой странице очередного номера, как правило, помещалась передовица, чаще всего принадлежавшая перу редактора – А. Цаликова. Фельетон, рассказ или очерк обычно занимали «подвал» газетной страницы. Большое число газетных материалов были анонимными или подписывались псевдонимами: Аргун, Ах. Ц., «Мам...», Магомет, Кабардинец, Дагестанец, «Сул. Ар.», «Сул. Тан.», Мюрид, «Из. Тар.», Куртатинский и др.

Газета имела несколько постоянных рубрик. Так в рубрике с названием «На Северном Кавказе» помещалась информация из Осетии, Ингушетии, Карачая, Дагестана. Приведём пример информационного наполнения одной из рубрик («Хроника горской жизни») в номере от 22 сентября 1919 г.: «Восстание в Чечне», «В Дагестане», «Голос России» о положении в Дагестане», «Расстрел ингушей», «Набор всадников», «Возвращение делегатов [горцев с Версальской конференции]».

В газеты публиковались обширные аналитические материалы по военной и общественно-политической тематике. Так, например, в нескольких номерах были размещены статьи «Рабочее движение на Тереке», «Горцы в русской литературе», «По восставшему Дагестану (Путевые заметки)». Особое место на страницах «Вольного горца» занимал вопрос взаимоотношений горского правительства и меджлиса с командованием Вооруженных сил на Юге России.

Регулярной являлась и рубрика «Обзор печати». Несмотря на тенденциозность при отборе материалов для этой рубрики, следует отметить, что политический спектр представленных для

обзора газет достаточно широк. Это и орган мусульманских социалистов «Заря», и бакинский проденикинский «Голос России», и социал-демократическая «Искра», и орган ЦК социал-демократической партии Грузии «Эртоба», и русскоязычное тифлисское «Слово» и др.

Если редакции газет перепечатывали материал из издания иной политической ориентации, то способ передачи текста имел свои особенности: перепечатка должна была подчеркнуть политические позиции издателя. Поэтому текст передавался со значительными купюрами, которые никак не оговаривались. К используемым текстам добавлялись комментарии, дезавуировавшие, опровергавшие или искажавшие содержание передаваемого документа.

Для манипулирования общественным сознанием читателя редакцией «Вольного горца» пользовались материалами своих политических и военных оппонентов. При освещении событий восстания в Чечне и Дагестане газета, скажем, публиковала официальные сводки командования Добровольческой армии (сообщения штаба Петровского отряда), правда – в препарированном виде, т.е. извлекая из них только выгодную, с точки зрения пропагандистской борьбы, информацию.

Геополитические взгляды сторонников независимого Северного Кавказа раскрывает статья «Горская Республика (мысли географа)», подписанная псевдонимом «Географ»: «... На основании многих данных и отдельного изучения этого вопроса – нам наилучшее разрешение этого вопроса представляется следующим образом. Будущая Горская Республика должна представлять собой союз свободных народов, федерацию или конфедерацию отдельных политических единиц. Дагестан с главным городом Дербентом, как удобно и нейтрально расположенным. Чечня и Ингушетия с главным городом Грозным (к Чечне относится земля к северу от горы Барбало и Андийского хребта до р. Терека). Осетия с главным городом Владикавказом, который является и центром всей горской федерации (или конфедерации). Кабарда (с Карачаем), гл[авный] город Нальчик. Приморская Черкесия (т.е. Черноморская губерния, кроме города Новороссийска с окрестностями).

Т[аким] о[бразом], южная граница союза будет следующая: Чёрное море, отроги гл. хребта, гора Шаабуз и Каспийское море. Северная граница идёт от Чёрного моря к северу от Геленджика по гл. хребту, по Чёрным горам, пересекая верховья реки Лабы, Зеленчука и Кубани, гора Гусчаджи, река Малка, Терек (до поворота на север за ст. Червлёной), степь, нижнее течение р. Сулак и Каспийское море.

Но к горскому союзу должны присоединиться степные народы (калмыки, кумыки, ногайцы, кара-ногайцы и трухмены); их территории границы следующие: от Каспийского моря по реке Куме, системе Маныч, реке Б. Егорлык, далее на юго-восток (захватывая северо-восточную треть губернии Ставропольской и восточную четверть Терской области), пересекая Терек к северу от ст. Червлёной, степь, река Сулак и каспийское море. Здесь главный и единственный город – Кизляр.

Степная область имеет население только до четверти миллиона, но присоединение её к горскому союзу важно в стратегическом, экономическом и политическом отношениях. При условии присоединения степной области горско-степная конфедерация будет окружать с трёх сторон русскую ставропольско-терскую область и будет отрезывать её от Южной России, и тогда терским казакам и ставропольским русским волей-неволей придётся принять кавказскую ориентацию» [2, 4 декабря].

Редакцией бала разработана анкета, обращенная к политическим деятелям закавказских республик – Грузии, Армении и Азербайджана, ключевым вопросом которой являлось: «Что думает братская демократическая республика о возможности воссоздания горской республики?». Участниками анкетирования стали известные государственные, политические и общественные деятели Закавказья.

Поддерживая общие устремления горцев к свободе, некоторые из собеседников указывали на наличие существенных препятствий на этом пути. Так, например, старший товарищ председателя Учредительного Собрания Республики Грузия А. Ломтатидзе отмечал: «Касаясь вопроса о возможности независимого государственного существования горских

народностей, я должен, прежде всего, сказать, что для осуществления государственной независимости вообще должны существовать общекультурные и экономические предпосылки. Прежде всего, необходима наличность языка, понятного и доступного для массы, входящей в государственное образование... Нецелесообразно в самостоятельном и независимом государстве горских народов иметь официально русский язык государственным» [2, 8 сентября].

В. Джугели – председатель Главного штаба Народной гвардии Республики Грузии также указывал на существующую проблему: «Я затрудняюсь крепко ... обрисовать свой взгляд на горцев Северного Кавказа, на возможность их независимого государственного существования, ибо этот вопрос сложный при разноплеменности горской массы» [2, 8 сентября].

О необходимости добрососедских отношений с Россией, как гарантии государственности народностей Северного Кавказа, говорил Р. Арсенидзе – председатель социал-демократической фракции Учредительного собрания: «...Горская государственность может расти и крепнуть только тогда, когда она будет встречать доброжелательное и сочувственное отношение со стороны России. Даже больше. Спасти горскую государственность, пожалуй, может только это отношение России и соответствующее отношение к России со стороны горской государственности» [2, 22 сентября].

В ином ракурсе рассматривал горскую государственность Х.-б. Султанов – член парламента Азербайджанской Республики, генерал-губернатор Карабаха, панисламист по политическим убеждениям: «Горцы Северного Кавказа призваны сыграть крупную роль. До тех пор пока не будет на Севере достаточно сильного и достаточно устойчивого государственного образования, нам [Азербайджану – В.Р.] нельзя быть спокойным за наше государственное бытие. Особенно до момента, когда наша государственность сделается общепризнанной и хребет сделается естественной границей, гарантирующей нас от посягательств Севера» [2, 29 сентября].

Особый интерес для исследователей представляют опубликованные на страницах газеты документы, раскрывающие

различные аспекты, международных отношений, государственного строительства, военных, экономических и этнокультурных связей в регионе. Некоторые из них до сих пор не введены в научный оборот.

Выделим некоторые документы, опубликованные на страницах «Вольного горца»: воззвание Союзного Меджлиса горских народов, принятое съездом горских деятелей (Тифлис, 27 августа – 3 сентября 1919 г.) и выпущенное на русском, арабском и тюркском языках [2, 22 сентября]; протест Горского Меджлиса, врученный делегацией Союзного Меджлиса горских народов Кавказа представителю держав Антанты полковнику Гаскелю, и ответ на него полковника генерального штаба США Дж. Реа [2, 22 сентября]; нота делегации кубанской Краевой Рады в Париже по поводу наступления Добровольческой Армии на Северном Кавказе от 8 июня 1919 г. [2, 29 сентября]; нота министра иностранных дел Грузии Гегечкори по поводу событий на Северном Кавказе от 2 октября 1919 г. [2, 13 октября]; заявление Союзного Меджлиса горцев Кавказа азербайджанскому и грузинскому правительствам [1, 20 октября]; проект «Договора дружбы между правительствами Кубани и Республики Союза горцев Кавказа» [2, 20 октября]; переписку азербайджанского правительства по поводу претензий Добровольческой армии на флот в Каспийском море [2, 3 ноября] и др.

В качестве примера приведём полный текст проекта «Договора дружбы между правительствами Кубани и Республики Союза горцев Кавказа», перепечатанный с неточностями из тифлисской газеты южнорусскими изданиями, что, в конечном итоге, привело к конфликту командования Вооруженных сил на Юге России с Кубанской Радой осенью 1919 г.: «Кубанская делегация с одной стороны и делегация Союза Горских народов с другой, исходя из твёрдого убеждения, что политические, культурные и экономические преуспевания Кавказа и пользование благами мира возможно лишь при упрочении дружественных отношений между кавказскими государствами и при взаимной их поддержке друг другом, признали необходимым заключить между собой следующий договор:

1. Правительство Кубани и Правительство Республики Горских Народов Кавказа настоящим торжественным актом взаимно признаёт государственный суверенитет и полную политическую независимость Кубани и Союза Горских Народов Кавказа.

2. Установление территориальных границ между Кубанью и Республикой Союза Горских Народов имеет быть предметом особых последующих дружественных соглашений между договаривающимися сторонами.

3. Договаривающиеся стороны обязуются не предпринимать ни самостоятельно, ни в форме соучастия с кем бы то ни было никаких мер, клонящихся к уничтожению или умалению суверенных прав Кубани и Союза Горских Народов Кавказа.

4. Войсковые части одной из договаривающихся сторон могут переходить на территорию другой стороны не иначе, как по просьбе или с согласия Правительства этой стороны. Войска одной стороны, находящиеся на территории другой, поступают в подчинение этой последней.

5. Признавая желательным самое тесное экономическое сближение между договаривающимися сторонами, Правительство Кубани и Правительство Республики Горских Народов Кавказа обязуются урегулировать путём особых дополнительных договоров вопросы:

А – товарообмена и таможенный, Б – транспорта (железных, водных и грунтовых путей), В – почт и телеграфов, Г – денежного обращения и друг.

Настоящий договор подлежит утверждению в порядке, установленном конституциями договаривающихся сторон.

Договор сей составлен в двух экземплярах в городе Париже ... июля 1919 года.

Подлинный подписали:

со стороны Кубани Л. Быч – председатель делегации, В. Савицкий – член делегации, А. Кулабухов – член делегации, А. Намитоков – член делегации;

со стороны Союза Горских Народов Кавказа А. Чермоев – председатель делегации, И. Гайдаров – член делегации, Х.

Хадзарагов – член делегации, Г. Баммат – министр иностранных дел» [2, 20 октября].

Среди размещенных в газете документов есть один, напрямую не относящийся к событиям периода Гражданской войны, но идеологически тесно связанный с борьбой за Кавказ. Это ранее нигде не публиковавшееся письмо Шамиля к французскому посланнику в Константинополе, сохранившееся в копии в семье сына Шамиля Кази-Магомы (второй сын имама Шамиля Гази-Мухаммад. 1833-1902). Письмо было передано Гайдару Баммату внуком Кази-Магомы – Шамиль беем (Саид-бей Шамиль) – дипломатическим агентом Северо-Кавказской республики при Швейцарской Конфедерации [2, 20 октября].

Газетная периодика была и остаётся уникальным, а порой единственным источником по истории Гражданской войны, на наш взгляд, недостаточно вовлеченным в научный оборот.

Примечания

1. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987. 720 с.
2. Вольный горец: Орган революционной демократии горских народов Северного Кавказа / Ежедневная общественно-политическая и литературная газета. Тифлис. 1919.

Ракачев В.Н., Ракачева Я.В. (г. Краснодар)

ЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО УПРАВЛЕНИЮ МИГРАЦИЯМИ В 1920–1940-е гг. НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ¹

В условиях новой общественно-политической системы изменяются формы, направления, масштабы и мотивы этнических миграций. Специфика миграций в 1920–1940-е гг. определяла преимущественно принудительный,

¹ Статья написана при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках реализации мероприятий ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы по теме «Политика России на Кавказе в прошлом и настоящем: документальная база, интерпретации и противодействие фальсификации истории» (Соглашение 14.В37.21.0966).

административно-регулируемый характер миграционных перемещений, массовых репрессий и депортаций, классовый характер которых постепенно сменился этническим.

Миграционные перемещения, связанные с революцией и Гражданской войной, носили преимущественно вынужденный и стихийный характер. Северо-Западный Кавказ, будучи наиболее активной ареной Гражданской войны, принял на себя сильнейший поток мигрантов из Центральной России, стал перевалочной базой для эмигрантов. В этот период здесь наблюдалась наибольшая абсолютная величина миграционного прироста (2-е место по стране – 788,3 тыс. чел.) [1] но, несмотря на значительный масштаб этих миграций к существенным изменениям в этнической карте региона они не привели.

Окончание Гражданской войны и установление новой власти на Северо-Западном Кавказе изменяют соотношение стихийных и организованных миграций в пользу последних. Кроме того, миграционные потоки 1920–1940-х гг. можно разделить на два основных: первый и более значительный по масштабам носил принудительный насильственный характер, второй, менее значительный, был добровольно-вынужденным.

Такие факторы переселения, как осуществление в 1920-х гг. земельной реформы или национально-административное строительство в РСФСР, а затем в СССР, требовавшие в отдельных случаях оседлости и подкрепления соответствующим этническим населением, обуславливали принципиально иные, чем при депортациях, характер и организационную структуру переселения. Они носили плановый, организованный характер и скорее были добровольно-вынужденными.

В начале 1920-х гг. особую роль в массовом переселении на Кубань (Северо-Западный Кавказ) сыграла закрепившаяся за ней слава «хлебного края» [2] и безземелье в центральных областях страны. Одновременно эти переселения получили поддержку посредством принятия новой властью соответствующих директивных документов. Широкая кампания по переселению на Северный Кавказ (в том числе и на Кубань) осуществлялась в 1926 г. Основная масса переселенцев прибывала из Центрально-Черноземного района и с Украины, повышалась доля мигрантов

из Закавказья. В результате показатель подвижности среди русских согласно данным переписи 1926 г. был самым высоким и составлял 28%.

По материалам переписи 1926 г. основная масса переселенцев прибыла на Кубань из южнорусских областей (60,8%), несколько меньше с Украины (12,7%), сравнительно немного из северных, центральных областей (8,4%), с Урала, из Сибири (8,6%). Из Ростовской области прибыло 14,1% переселенцев; из Воронежской – 9,7; Ставропольского края – 5,5%, из Саратовской, Полтавской и Курской областей соответственно 4,4%, 3%, 2,7% [3]. Значительный миграционный поток направлялся на Кубань из Закавказья. Мигранты из Азербайджана по материалам переписи 1926 г. составили 4038 чел., из Грузии – 2144 чел., из Армении – 3401 чел. [4].

В 1920-е гг. на Кубани появляются представители этнических групп, не представленных здесь ранее или представленных отдельными индивидами. В 1930-е гг. в сюда переселяется более 100 семей ассирийцев [5]. Начиная с 1920-х гг. наблюдался процесс миграции на Кубань мордвы. По переписи 1926 г. в крае их проживало 911 чел., в 1939 г. – уже 3152 чел. [6].

Постановления, предписывающие заселение тех или иных районов, чередовались с запретительными мерами. Если декретом ВЦИК и СНК от 17.08.1925 г. Сальский, Ставропольский, Терский, Донской, Черноморский округа Северо-Кавказского края были признаны «открытыми для планового переселения» в 1925–1926 гг., то через полгода действие этого декрета было прекращено циркуляром Народного комиссариата от 04.01.1926 г., в котором весь Северный Кавказ был признан закрытым для переселения [7].

К числу факторов добровольных миграций с выраженной этнической характеристикой относятся административно-территориальные преобразования, связанные в том числе и с созданием национальных районов. Все это не могло не повлиять на направления этнических миграций, хотя широкого масштаба им не придало. Преимущественно эти миграционные перемещения имели внутрикраевой характер и в меньшей степени межрегиональный, когда представители определенных

этнических групп переселялись во вновь образованный национальный район. В итоге произошли изменения в размещении основных этнических групп по округам и районам. Прежде всего, это коснулось немцев, греков и армян, причем греческое и немецкое население края преимущественно переселялось в национальные районы, то армянское перемещается на Черноморское побережье [8].

В первый миграционный поток принудительных, насильственных миграций включаются прежде всего репрессии, связанные с раскулачиванием и коллективизацией сельского хозяйства. Они вызвали массовые перемещения населения из одних районов в другие, в том числе выселения на Север и Восток страны сотен тысяч семей раскулаченных. Начало политики раскулачивания историки относят к декабрю 1929 г., когда Сталин на конференции аграрников-марксистов провозгласил переход от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации его как класса. В то же время П. Полян отмечает, что несистематическое раскулачивание имело место в 1929 г. в ходе хлебозаготовок и кампании по сбору налогов [9]. В соответствии с этой политикой в отдельных районах страны, в том числе и на Кубани, были названы «ограниченные контингенты», подлежащие высылке – это несколько тысяч крестьянских хозяйств [10].

Особенно большой размах приняли репрессии в казачьих областях, где большинство казачьего и крестьянского населения было зажиточным и подпадало под определение «кулак». В период раскулачивания и коллективизации выселялись целые станицы. В августе-сентябре 1930 г. в Кубанском округе Северо-Кавказского края было выселено 2535 чел., Армавирском – 1356 чел., Майкопском – 1069 чел., Черноморском – 223 чел. [11]. В последующем масштабы репрессий увеличиваются.

25 января 1931 г. была проведена операция по внутрикраевой депортации кулачества на Северном Кавказе. Примерно 9 тыс. семей (или 45 тыс. чел.) из приморских и лесогорных районов Кубани и Черноморья были выселены в районы Ставрополя и Сальской степи; одновременно оттуда на освободившиеся в

Прикубанье места добровольно заселились приблизительно 8,5 тыс. семей членов коммун и артелей из Ставропольского и Сальского районов [12]. В целом Северный Кавказ стал третьим регионом по масштабам высылки раскулаченных в 1930–1931 гг. после Украины и Западной Сибири [13].

Зимой 1932–1933 гг. возник еще один миграционный фактор, непосредственно вызванный коллективизацией, оторвавшей от земли наиболее эффективного ее собственника: недополученный урожай и изъятие «хлебных излишков» в конечном итоге привели к массовому голоду на юге страны, в том числе и на Северном Кавказе. Посланные сюда комиссии ЦК находили на местах «подкулачников» и прочих виновников, арестовывали десятки и сотни тысяч крестьян, а целые станицы и села заносились на «черную доску». На Кубани в декабре 1932 г. примерно 5 тыс. хозяйств из ряда станиц (в частности Урупской и Полтавской, переименованных после этого в Советскую и Красноармейскую, а также Медведовской) общей людностью более 11 тыс. чел. выселили, главным образом в Северный Казахстан и на Урал. По подсчетам Е.Н. Осколкова, в 1932 г. из кубанских станиц было выселено не менее 63,5 тыс. чел. (2% населения края) [14]. П. Полян называет цифру 45 тыс. чел. [15].

Голод 1932–1933 гг. имел самые разные последствия, в частности возникла проблема заселения опустевших после голода и раскулачивания территорий. Советским правительством в 1933–1934 гг. было организовано переселение добровольцев (главным образом семей демобилизованных военнослужащих). 11 ноября 1933 г. ЦК ВКП (б) издал постановление о заселении Северного Кавказа семьями демобилизованных красноармейцев. В начале декабря 1933 г. пришли первые эшелоны с переселенцами, их численность составила 31458 чел., в том числе 16997 мужчин. Из них в ст-цу Медведовскую прибыло 500 семей, в ст-цы Троицкую и Голубицкую – примерно 200 семей, 136 семей поселилось в Старо-Мышастовской [16]. Переселенцы приезжали с Урала, центральных областей России, из южнорусских и украинских областей. К середине декабря 1933 г. в 15 кубанских районах уже поселилось 8079 семей – 32732 тыс. чел. [17]. На 1934 г. планировалось вселение еще приблизительно

50 тыс. семей. Однако добровольно-принудительный характер этих мероприятий имел соответствующие последствия: с июля 1934 г. началось массовое бегство красноармейцев-переселенцев из Азово-Черноморского края, достигшее к осени уровня 30% и получившее название «обратничества». Одновременно осуществлялось переселение на Кубань целых колхозов из Ростовской области и Ставропольского края для того, что бы заселить опустевшие станицы [18].

Следующая миграционная волна также имела форму принудительных миграций – это депортации представителей отдельных народов в конце 1930-х–1940-е гг. По обвинению в измене были выселены с территории Кубани немцы, греки болгары и др. То есть репрессии и депортации накануне и в годы Великой Отечественной войны носили этнический характер. Накануне войны этнические депортации были преимущественно превентивными. Одними из первых на Кубани испытали на себе действие репрессивной машины греки. Начало процессам их депортации было положено в 1938 г. сфабрикованным делом о так называемой «Греческой контрреволюционной националистической диверсионно-шпионской и террористической организации», якобы действовавшей на территории Греческого района Краснодарского края. Следствием указанного дела явились массовые аресты граждан греческой национальности, 77 чел. из которых были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу [19] (все лица, проходившие по этому делу, реабилитированы 16.09.57 г. Военным трибуналом Северо-Кавказского военного округа). Вторая волна депортации греков пришлась на 1942 г., когда Постановлением Государственного Комитета Обороны (ГКО) № 1828сс от 29 мая 1942 г. предписывалось выселить греков из Краснодарского края, Ростовской области и прилегающих к Краснодарскому краю районов.

В связи с началом Великой Отечественной войны было предпринято переселение немцев. Постановление от 21 сентября 1941 г. касалось немцев Северного Кавказа и Тульской области. Выселению в срок с 25 сентября по 10 октября в Краснодарском крае подлежали 34287 чел. (фактически все немецкое население

края, так как по переписи 1937 г. на Кубани проживало 34,3 тыс. немцев), которые должны были быть направлены в Новосибирскую область [20]. Еще одно постановление в 1942 г. предусматривало дополнительное выселение из Краснодарского края и Ростовской области социально-опасных немцев, румын, крымских татар и иностранных подданных (греков). Депортированные следовали в Красноярский край, Новосибирскую область и Казахскую ССР.

В мае 1944 г. на основании Постановления ГКО с территории Краснодарского края и Ростовской области выселению подлежали крымские татары и греки. Контингент греков на этот раз был пополнен и теми, кто с давних времен проживал на территории России, а к ним были отнесены 8300 граждан греческой национальности Ростовской области, а также греки Черноморского побережья Краснодарского края и автономных областей Грузии (Аджария, Абхазия) [21].

Но и после войны, когда все причины, выдвинутые в обоснование депортаций вроде бы утратили свое значение, репрессивные миграции хотя и с меньшей силой, но все-таки продолжались. 17 мая 1949 г. ЦК ВКП (б) принял очередное решение о греках (греческих подданных, бывших греческих подданных, принятых в советское гражданство). Это мотивировалось целями «очистки» Черноморского побережья РСФСР и Украины от «политически неблагонадежных элементов». С Черноморского побережья, в том числе и с территории Краснодарского края, было выселено 57680 чел. [22]. Летом 1949 г. с Черноморского побережья (в том числе и северокавказского) были выселены небольшие группы армяндашнаков, турецких и греческих граждан, а также турок и греков без гражданства и принятых в советское гражданство [23]. Выселение отдельных представителей греков, турок и армян в Грузии и Краснодарском крае было возобновлено в период 1949–1951 гг. [24].

Опустевшие в результате депортаций земли заселялись властями почти насильственно так называемым «правовым населением», как правило, проживавшим на соседних территориях. Эти переселения, по сути, являлись

принудительными компенсационными миграциями. Их результатом было прежде всего увеличение как абсолютной, так и относительной численности русского населения в крае.

К числу добровольно-вынужденных миграций в годы Великой Отечественной войны можно отнести мобилизацию, эвакуацию, а затем реэвакуацию (возвращение) населения. Так, Краснодарский край в порядке мобилизации и добровольцами отправил на фронт 600 тыс. бойцов.

Итогом массовых перемещений населения, которое в этот период в основном направляется за пределы края, а также гибели населения в условиях военных действий и в период оккупации стало снижение численности населения края при существенном изменении этнической структуры. По данным Центрального статистического управления Госплана при СНК СССР, численность населения Краснодарского края на 01.01.1945 г. составляла 2335,7 тыс. чел. [25] (01.01.1939 г. – 2930,9 тыс. чел.) [26].

После войны наметилось обратное направление миграций – в край: возвращаются из эвакуации, по-прежнему важным притягивающим фактором для новых переселенцев выступает относительно благополучная в экономическом плане обстановка. В это же время (в 1947–1948 гг.) из Румынии вернулись на Родину и поселились на территории края более 20 тыс. семей (некрасовцев и дунаков или липован) [27].

По-прежнему в послевоенный период наиболее подвижным в регионе являлось русское население, которое и преобладало среди мигрантов, в результате чего доля представителей этого этноса в составе населения Кубани постоянно увеличивалась.

Примечания

1. Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX–XX вв.: Этностатистическое исследование. М., 1996. С. 129.

2. Население России в XX в.: исторические очерки. Т. 1. 1900–1939 гг. М., 2000. С. 125.

3. Кабузан. В.М. Указ. соч. С. 129.

4. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. Т. 39. С. 196–200.

5. Бондарь Н.И. Что мы знаем друг о друге?.. Этнографический очерк о народах Кубани // Кубанский краевед. Вып. 2. Краснодар, 1990. С. 173.

6. Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. Т. 5; Итоги Всесоюзной переписи населения 1939 г. М., 1940.

7. Переселенческое дело: Сборник декретов и распоряжений по переселению. М., 1927. С. 36, 130.
8. Там же.
9. Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 61.
10. Алексеенко И.И. Репрессии на Кубани и Северном Кавказе в 30-е гг. XX в. Краснодар, 1993. С. 63.
11. Алексеенко И.И. Указ. соч. С. 63.
12. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание: начало 30-х гг. М., 1996. С. 180–181.
13. Полян П.М. Указ. соч. С. 74.
14. Осколков Е.Н. Хлебозаготовки и голод 1932–1933 гг. в Северо-Кавказском крае. Ростов н/Д, 1991. С. 55–60.
15. Полян П.М. Указ. соч. С. 78.
16. Там же. С. 26.
17. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (1920–1960-е годы). М., 1998. С. 38.
18. Население России в XX в... Т. 1. С. 27.
19. Бугай Н.Ф., Коцонис А.Н. «Обязать НКВД СССР выселить греков» (о депортации греков в 1930–1950 годы). М., 1999. С. 8.
20. История российских немцев в документах // сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. 1993. Т. 1. С. 164–165.
21. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Указ. соч. С. 181.
22. Хунагов А.С. "Выселить без права возвращения..." Депортация народов Юга России. 20–50-е годы (на материале Краснодарского и Ставропольского краев). Майкоп, 1999. С. 90–92.
23. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Указ. соч. С. 222.
24. Там же. С. 147.
25. Оперативные сведения Центрального статистического управления Госплана СССР о численности населения СССР на 01.01.1945 г. Дело № Ф – 2708/С // Цензы 1945–1951 гг.: Материалы к серии "Народы Советского Союза". М., 1991. Ч. 1. С. 105.
26. Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1939 года... С. 73.
27. Кубанские станицы: Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М., 1967. С. 27–28.

3. СЕВЕРНЫЙ И ЮЖНЫЙ КАВКАЗ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI В. В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Иванов А.Г. (г. Краснодар)

РОССИЯ И ЮЖНЫЙ КАВКАЗ: НАСЛЕДИЕ ПРОШЛОГО И РЕАЛИИ XXI ВЕКА¹

С распадом СССР и появлением Содружества Независимых Государств перед Россией встали задачи неизмеримой сложности. Во внутренней политике – переход к рынку и рыночным отношениям, дальнейшая демократизация общества и его стабилизация, как неперемное условие успешного развития страны. Во внешней политике – установление добрососедских отношений со странами СНГ, поиск партнеров и союзников на западе и на востоке.

Что касается южного направления, то здесь почти сразу после распада СССР для России сложилась неблагоприятная ситуация. Сепаратизм в Чечне вылился в ожесточенную войну в конце 1994 г. Ослабленная, раздираемая противоречиями Россия не сумела достойно противостоять сепаратистам и пошла на подписание тяжелого и унижительного Хасавюртовского соглашения в 1996 г. Сепаратизм на Северном Кавказе подпитывался и подогревался международными террористическими организациями, всеми, кто так или иначе желал раздробления и ликвидации России. На Южном Кавказе в первые годы после распада СССР возобладали откровенно националистические настроения. Их можно выразить словами первого Президента Грузии З. Гамсахурдиа «Грузия для грузин». Гамсахурдиа продержался у власти недолго и был свергнут и изгнан из Грузии в начале 1992 г. Пришедший ему на смену Э. Шеварднадзе, бывший министр иностранных дел СССР,

¹ Статья написана при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках реализации мероприятий ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы по теме «Политика России на Кавказе в прошлом и настоящем: документальная база, интерпретации и противодействие фальсификации истории» (Соглашение 14.В37.21.0966).

стал проводить умеренно-взвешенную политику по отношению к России и русским. Но это продолжалось недолго. В 1995 г. Шеварднадзе перестал апеллировать к Москве, как к потенциальному другу и союзнику, все больше оборачиваясь в сторону Вашингтона.

Важной причиной этих изменений во внешнеполитической ориентации Грузии была неурегулированность ее конфликтов с Абхазией и Южной Осетией. Москва не собиралась активно влиять на позицию этих непризнанных республик, что вызвало негативную реакцию Шеварднадзе.

Э. Шеварднадзе был свергнут в ноябре 2003 г. в результате «революции роз». К власти в Тбилиси пришел ставленник США М. Саакашвили. В этом нет ничего удивительного, учитывая тяжелое социально-экономическое положение Грузии, раздробленность страны, резкое ослабление центральной власти. Таковы лишь некоторые последствия распада СССР и появления на постсоветском пространстве независимых государств.

Наследие прошлого сказывается и в неурегулированности нагорно-карабахского конфликта, который достался Армении и Азербайджану со времени горбачевской перестройки.

Конфликт вокруг Нагорного Карабаха – это «дремлющий вулкан, и его извержение окажет катастрофическое воздействие буквально на все аспекты жизни региона» [1]. России как главному посреднику в урегулировании нагорно-карабахского конфликта необходимо активизировать свои усилия на обоих направлениях – по отношению и к Баку, и к Еревану. И это в последнее время происходит. 13 августа 2013 г. Президент России В. Путин совершил официальный визит в Баку, где провел переговоры с Президентом Азербайджана И. Алиевым. Как отметил директор Центра политической конъюнктуры России Д. Абзалов, этот визит – «попытка сбалансировать подходы Москвы в регионе Закавказья и таким образом сохранить свой статус миротворца». И далее: «отношения между Азербайджаном, Арменией и Россией в последнее время очень серьезно осложнились, что обусловлено ростом конфликта вокруг Нагорного Карабаха. До последнего времени Москва поддерживала в этом направлении Ереван, что очень серьезно

осложняло взаимодействие с Азербайджаном, являлось раздражающим фактором в отношениях Москвы и Баку». Соответственно, данный визит – «это попытка сохранения баланса и переговорной позиции. Попытка сбалансировать силы» [2]. В ходе визита обсуждались и другие вопросы, в частности энергетические. Для Президента И. Алиева визит В. Путина в Баку важен в преддверии предстоящих в октябре 2013 г. президентских выборов в Азербайджане.

Но Россия не была бы Россией, если бы действовала только в одном направлении. 3 сентября в «Ново-Огарево» состоялась встреча В. Путина с Президентом Армении С. Саргсяном. В. Путин заявил: «Российская сторона поддерживает решение Армении о вступлении в Таможенный союз, участия в формировании евразийского интеграционного процесса и его оформлении. Будем всемерно содействовать этому процессу. Уверен, что подключение Еревана к евразийским интеграционным структурам придаст мощный импульс взаимовыгодному экономическому сотрудничеству».

С. Саргсян в свою очередь констатировал, что, «находясь в одной системе военной безопасности (ОДКБ. – А.И.), невозможно и неэффективно изолироваться от соответствующего геоэкономического пространства». Одновременно Президент Армении подтвердил, что его страна «не намерена отказываться от диалога с европейскими структурами» [3].

Россию с Арменией связывают тесные стратегические и экономические интересы. В 2012 г. на долю России пришлось 23,5 % всего внешнеторгового оборота Армении. К тому же Россия крупнейший зарубежный инвестор в армянскую экономику: на нее приходится 44,1 % прямых инвестиций (2,45 млрд дол.). В числе крупнейших проектов – участие Газпрома в строительстве газопровода Иран – Армения, кроме того, «Интер РАО ЕЭС» реализует проект по модернизации Севано-Разданского каскада ГЭС. В 2008 г. РЖД подписали с Арменией договор, по которому железная дорога Армении была передана в концессионное управление РЖД. Предполагаемые инвестиции РЖД в развитие армянской железнодорожной сети могут составить около 15 млрд р. Также в Армении присутствуют

российские банки ВТБ и Газпромбанк. К этому перечню необходимо добавить крупнейшие по объему поставки российского газа в Армению (в 2012 г. 1,7 млрд кубометров природного газа, а в первом полугодии 2013 г. – 945 млн кубометров) [4].

Но обращает на себя внимание такой факт. В последнее время некоторые лидеры Армении скептически отзывались о целесообразности участия Армении в Таможенном союзе России, Казахстана и Белоруссии (об этом недвусмысленно заявил премьер-министр Армении Т. Саркисян, которого считают политическим преемником президента). Это свидетельствует о том, что Армения предпочитает действовать по двум направлениям: с одной стороны, укреплять стратегическое партнерство с Россией, а с другой – развивать торгово-экономические и политические связи с Евросоюзом. Вряд ли Армения последует примеру Украины, которая предпочла России Европу, и в результате евразийский Таможенный союз без Украины потерял значительную долю своего удельного веса.

Что касается Грузии, то ее отношения с Россией за последние десять лет развивались драматично. В начальный период правления М. Саакашвили эти отношения складывались как весьма перспективные. Россия проявляла готовность урегулировать конфликты с Абхазией и Южной Осетией. Но вскоре последовали ошибки и просчеты грузинского лидера, имевшие явную антироссийскую направленность. «В августе 2004 г. он отдал приказ о проведении полицейской операции по борьбе с югоосетинскими контрабандистами. Дело дошло до вооруженных столкновений. Прежде Саакашвили мог беспрепятственно приехать в столицу Южной Осетии Цхинвали и поговорить на улице с горожанами. После спецоперации от доброй воли ничего не осталось, и вроде бы угасавший конфликт вспыхнул с новой силой. Путин был в ярости. Он утратил доверие к человеку, которого считал своим партнером. Осенью 2004 г. Саакашвили не раз пытался дозвониться в Кремль, но ответом ему было молчание.

С рейдом грузинских внутренних войск в Южной Осетии закончилась и позитивная интерлюдия в отношениях между

Москвой и Тбилиси. В дальнейшем ситуация лишь неуклонно ухудшалась. Особенно прискорбным событием стала скоропостижная кончина в 2005 г. премьер-министра Зураба Жвании – человека рассудительного и вдумчивого. Сдерживать Саакашвили стало больше некому. Москва поставила на нем крест и начала наращивать давление на Тбилиси» [5].

Другим непродуманным шагом Саакашвили явилось его стремление как можно скорее интегрировать Грузию в структуры НАТО. Тем самым грузинский лидер переступил «красную черту» – Москва всегда была решительно против расширения НАТО за счет бывших советских республик. Саакашвили, ориентируясь исключительно на Запад, направил в Афганистан в рамках операции НАТО крупный воинский контингент (по меркам Грузии): пехотный батальон, пехотную роту, медицинский персонал – всего около 950 военнослужащих. В результате Грузия заняла второе место среди стран – партнеров НАТО по численности своего контингента в составе Международных сил содействия безопасности в Афганистане.

Прозападная и антироссийская позиция Саакашвили неизбежно привела к ухудшению отношений между Грузией и Россией. Каплей, переполнившей чашу терпения Москвы, стал публичный судебный процесс в Тбилиси в 2006 г. над несколькими российскими военнослужащими, которых обвинили в шпионаже. «Российские власти, – пишет Д. Тренин, – расценили инцидент как незаслуженное оскорбление. Посол России в Грузии был отозван в Москву. Россия ввела эмбарго на ввоз грузинских вин и минеральной воды, прервала авиационное и морское сообщение с республикой, а также передачу почтовых отправок – в результате грузинские гастарбайтеры утратили возможность переводить домой заработанные деньги» [6]. По существу между двумя странами началась холодная война. А в августе 2008 г. на Южном Кавказе вспыхнул вооруженный конфликт.

Война между Россией и Грузией явилась водоразделом между прежним состоянием дел на Южном Кавказе и новыми реалиями. Неспособность и нежелание Грузии мирным путем разрешить грузино-южноосетинский и грузино-абхазский

конфликты создали тупиковую ситуацию. В Тбилиси рассчитывали на блицкриг и на пассивность России (без должных на то оснований). Президент М. Саакашвили явно переоценил возможности влияния США и Евросоюза на Россию. В свою очередь Южная Осетия и Абхазия настаивали на скорейшем признании их независимости. Однако Россия давно уже сделала свой выбор. Она взяла на себя роль посредника в урегулировании конфликтов на Южном Кавказе, прежде всего из гуманитарных соображений. Попытки мирным путем разрешить противоречия между Грузией и ее бывшими автономиями ни к чему не привели. Но патовая ситуация в этом регионе не могла сохраняться бесконечно долго, все накопившиеся проблемы Саакашвили попытался решить с помощью силы. Это была тщательно продуманная акция, причем в Тбилиси не очень-то заботились о ее последствиях. А последствия оказались тяжелыми – в ходе конфликта в августе 2008 г., по некоторым оценкам, было убито 850 чел., свыше 100 тыс. покинули места своего проживания. Южной Осетии был нанесен большой материальный ущерб. В Москве нападение Грузии на Южную Осетию было воспринято крайне болезненно. Россия вмешалась в конфликт и принудила грузинское руководство отказаться от попыток реванша. Мировое сообщество по-разному отреагировало на события августа 2008 г. Запад, на который давно уже ориентировался Саакашвили, осудил действия Москвы, назвав их актом агрессии. Москва в свою очередь считала свои действия абсолютно законными и обоснованными (защита русскоязычного населения Южной Осетии от вооруженной агрессии Грузии). Тут же последовало признание независимости Южной Осетии и Абхазии со стороны России, а вскоре и со стороны некоторых других стран.

Пятидневная война на Южном Кавказе оказала большое влияние на развитие международных отношений. Россия впервые после участия СССР в военных действиях в Афганистане применила силу. Она продемонстрировала свою состоятельность в качестве гаранта мира и стабильности на Кавказе. Признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии было неизбежным в той патовой ситуации, которая сложилась в

августе 2008 г. Одновременно этот дипломатический ход был ответом России на действия Запада, который к тому времени признал независимость Косово.

Война в Закавказье в августе 2008 г., как и более ранний кризис в Косово, обнажили острую проблему суверенитета и территориальной целостности страны. В условиях XXI в. и возросшей роли гуманитарного измерения происходит переоценка этих, казалось бы, прочных стереотипов. Права человека не только в идеале, но и на практике должны занимать центральное место в числе приоритетов государства, и следует признать, что если государство не в состоянии обеспечить волеизъявление и свободы граждан, то такое государство несостоятельно. За примерами далеко ходить не надо – СССР и Югославия в 1990-е гг.

Со времени пятидневной войны России с Грузией прошло более 5 лет. С тех пор многое изменилось. В октябре 2012 г. к власти в Грузии пришла оппозиционная партия «Грузинская мечта» во главе с Б. Иванишвили, а сама Грузия превратилась в парламентскую республику. Произошли позитивные сдвиги в российско-грузинских отношениях. Россия сняла эмбарго на поставки грузинских вин и «Боржоми», осуществляется равноправный диалог с целью нормализации отношений в полном объеме. Этот диалог не в состоянии подорвать антироссийская риторика Саакашвили и его партии «Единое национальное движение». Так, Президент Грузии обрушился с критикой на Россию с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН 25 сентября 2013 г.: «Российская империя пытается вернуть потерянные границы и не заинтересована в существовании стабильных государств вокруг нее». А евразийский союз, по его словам, создается как альтернатива Евросоюзу и «Путин рассматривает это как главный проект» [7]. Российская делегация в знак протеста покинула зал заседания Генассамблеи. Впрочем, антироссийскую риторику Саакашвили можно рассматривать как его болезненные фантазии и рецидивы холодной войны между Грузией и Россией.

Уроки войны в августе 2008 г. разнообразны и не поддаются точному подсчету. Один из них заключается в том, что возврат

конфликтующих сторон в прошлое невозможен. В равной степени бесперспективны попытки разрешить острые этнополитические кризисы силовым путем. Альтернативы мирному разрешению кризисов и конфликтов не существует.

Примечания

1. Де Ваал Томас. Южный Кавказ – 2020// Россия – 2020: сценарии развития, под ред. М. Липман, Н. Петрова. М., 2012. С. 113.
2. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1694650.html>
3. Известия. 2013. 5 сент.
4. Там же.
5. Тренин Д. POST-IMPERIUM: евразийская история. М., 2012. С. 140 – 141.
6. Там же. С. 141.
7. Известия. 2013. 27 сент.

Косов А.П. (г. Витебск)

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЗАКАВКАЗЬЕ

После распада СССР Закавказье стало регионом наибольшей напряженности на всем постсоветском пространстве, о чем свидетельствуют до сих пор неурегулированные этнополитические конфликты. Но, несмотря на это регион попал в сферу интересов ряда региональных и мировых держав, в том числе и России.

На наш взгляд, в закавказской политике РФ можно выделить четыре этапа: начало 1990-х гг.; середина – конец 1990-х гг.; 2000 – 2008 гг.; с 2008 г. – по сей день.

В начале 1990-х гг. российской политической элитой еще не были четко определены национальные интересы страны. Руководство России в это время придерживалось прозападной ориентации, в основе которой было установление «стратегического партнерства» с США. Другие внешнеполитические направления не считались приоритетными, хотя неоднократно и декларировались. В Закавказье Москва в этот период ограничилась установлением дипломатических

отношений с Арменией, Азербайджаном и Грузией, а также предприняла посреднические усилия по урегулированию нагорно-карабахского и грузино-абхазского конфликтов.

В целом в начале 1990-х гг. процесс отдаления сторон был обоюдным. Среди политических элит Закавказья наблюдались довольно сильные русофобские настроения и попытки дистанцироваться от РФ. Так, Азербайджан до середины 1990-х гг. однозначно ориентировался на Турцию. Грузия также обратила свой взор в сторону от Москвы. Лишь Армения в условиях армяно-азербайджанского конфликта пошла на установление дружественных и даже союзнических отношений с Россией.

В середине 1990-х гг. прозападный курс, не оправдавший результатов, стал неприемлемым для России. Москва заявила о своей особой роли на постсоветском пространстве и активизировалась на данном направлении, в том числе и в Закавказье. Российская внешняя политика стала ориентироваться на укрепление своих позиций в этом регионе. В это время произошло и объективное усиление значения Закавказья в мировом геополитическом пространстве. Дело в том, что в связи с обнаружением в Каспийском регионе больших запасов нефти, его роль в мире заметно выросла. Началось активное проникновение сюда внерегиональных игроков, прежде всего, США. Их политика оказалась направленной на ограничение роли России в Закавказье и ее вытеснение из региона. В определенной мере им это удалось: с конца 1990-х гг. российское влияние в Закавказье стало снижаться.

С приходом к власти В. Путина Российская Федерация продолжила укреплять свои позиции на постсоветском пространстве. Тем не менее, в XXI в. Москва столкнулась с жесткой конкуренцией за влияние в Закавказье. Российские власти встревожило растущее проникновение сюда других держав. В 2000-е гг. стало наблюдаться усиление влияния Запада в Грузии и Азербайджане. Пытаясь противодействовать этому процессу, РФ ссылается на защиту своих жизненно важных интересов в сфере национальной безопасности [1, с. 291]. Со своей стороны, многие как на Западе, так и в самих закавказских

республиках не перестают подозревать Россию в попытках реставрировать империю и готовы противостоять этому всеми доступными средствами. При этом можно в полной мере согласиться с мнением В. Дегоева о том, что российско-западные разногласия дезориентируют закавказские правящие элиты, провоцируя их на опасные игры. Россия и Запад уже являются объектами негласного шантажа. Правда, в таком стиле поведения нет ничего противоестественного и предосудительного для Тбилиси, Баку и Еревана [1, с. 292]. Для Москвы же диверсификация внешней политики закавказских республик, особенно Грузии, стала определенной проблемой. Исходя из сложившейся геополитической ситуации, можно отметить, что сегодня в Закавказье Россия выступает не как безусловный лидер, а лишь как один из основных политических центров силы.

Российская политика в Закавказье характеризуется целым комплексом важных факторов регионального и глобального значения. В отношении региона у РФ имеются военно-политические, торгово-экономические и культурно-цивилизационные цели. Проводя свою политику, Россия пытается использовать имеющиеся рычаги влияния в военно-политической, торгово-экономической и культурно-гуманитарной сферах. При этом российские власти используют дифференцированный подход к той или иной стране региона, зачастую рассматривая закавказские республики как объекты, а не субъекты мировой политики. Приоритетное значение для Москвы имеют отношения с Арменией, затем с Азербайджаном и Грузией.

Можно отметить, что Закавказье важно для России в первую очередь в плане обеспечения безопасности своих южных границ, а также развития транзитных маршрутов и доступа к природным ресурсам региона. Поэтому одной из главных целей политики Москвы стали попытки недопущения сюда других держав. При оценке внешней политики России в Закавказье необходимо учитывать ряд факторов: общее историческое прошлое России и закавказских народов; заинтересованность в регионе других игроков – Турции, США, Ирана, ЕС, КНР; торгово-экономическая и энергетическая (за исключением Азербайджана)

зависимость закавказских республик от России; территориальная близость региона к России; заинтересованность РФ в энергоресурсах региона и путях их транспортировки; присутствие России в той или иной степени в этнополитических конфликтах региона.

В 1990-е гг. Российскую Федерацию особенно сильно беспокоило усиление турецкого влияния в регионе. Именно в лице Турции Москва видела угрозу своему доминирующему положению в Закавказье, поэтому РФ была крайне заинтересована в своих военных базах, расположенных на территории закавказских республик. Однако впоследствии российские и турецкие интересы стали сближаться. В 2000-е гг. основную угрозу, по мнению российского руководства, стал представлять Запад. Именно по причине угрозы своей национальной безопасности Москва не желает видеть закавказские республики членами НАТО, а также не спешила с выводом своих военных баз с грузинской территории. Нельзя сбрасывать со счетов и российскую заинтересованность в абхазском побережье Черного моря, поскольку потенциальная возможность вступления Украины и Грузии в Североатлантический альянс может чрезмерно сузить возможности России как военно-морской державы в Черном море [2, с. 40]. Оценивая военно-политические шаги РФ в регионе, можно согласиться с мнением А. Скакова о том, что для Москвы опасна ориентация только на пророссийские силы в лице Армении, региона Джавахетия и непризнанных республик, поскольку такой путь угрожает постепенной утратой остатков влияния России не только в Азербайджане и Грузии, но и во всем регионе [3, с. 318].

Важную роль в контексте обеспечения национальной безопасности России играет и фактор территориально-этнических конфликтов. Конфликты в Закавказье воспринимаются Москвой как вызов национальной безопасности страны. По мнению российской военно-политической элиты, они самым непосредственным образом отражаются на положении дел в самой России, и прежде всего на Северном Кавказе. Поэтому Москва выступила заинтересованной стороной в их

урегулировании. Так, начиная с 1992 г. Российская Федерация пытается содействовать политическому урегулированию нагорно-карабахской проблемы. Правда, в 1990-е гг. в армяно-азербайджанском противостоянии Москва, по сути, негласно выступала на стороне Еревана, что осложняло российско-азербайджанские отношения. В 2000-е гг. позиция России изменилась: российские власти начали содействовать решению нагорно-карабахской проблемы на приемлемой для обеих сторон основе.

Уже в августе 1992 г. российское руководство выступило с заявлением о необходимости прекращения боевых действий между Грузией и Абхазией, учитывая возможную дестабилизацию обстановки из-за конфликта в южных регионах РФ. Однако враждующие стороны не выполнили ни одного пункта Московского (3 сентября 1992 г.) и Сочинского (27 июля 1993 г.) соглашений и военные действия продолжились. Лишь 14 мая 1994 г. в Москве между грузинской и абхазской сторонами при посредничестве России было подписано «Соглашение о прекращении огня и разъединении сил» [4].

Гарантами мира и стабильности в зоне замороженных конфликтов стали миротворческие силы, но фактически это были российские подразделения. В итоге российское военное присутствие стало рассматриваться в качестве действенного инструмента внешней политики Москвы в Закавказье.

Однако на протяжении всего постсоветского периода переговорный процесс по всем трем проблемам находится в тупике. Периодически выдвигаются новые предложения, в том числе и Москвой, по разрешению данных конфликтов, но положительного результата нет и по сей день. Конфликтующие стороны не готовы идти на компромиссы, поскольку по-разному видят пути решения существующих проблем. В таких условиях для Российской Федерации идеальным вариантом было бы проведение равноудаленной и равновесной политики по отношению ко всем сторонам. Однако при всех попытках дистанцироваться от конфликтующих сторон и занять позицию объективного посредника Москва так и не смогла.

На наш взгляд, на то есть ряд причин. Во-первых, внешнеполитическая ориентация российской элиты. Дело в том, что на первом этапе, несмотря на заявления российского руководства о необходимости скорейшего завершения вспыхнувших конфликтов, Москва была не прочь использовать их для упрочения своих позиций в регионе, играя на противоречиях враждующих сторон. В итоге политические элиты Азербайджана и Грузии стали более пристально поглядывать в сторону Ирана, Турции и особенно Запада. Тем не менее на время Россия добилась определенного успеха в деле урегулирования этнополитических конфликтов в Закавказье, добившись стабилизации ситуации в зонах противостояния.

Следует отметить и фактор вовлеченности РФ в ситуацию, связанную с непризнанными государствами на территории Грузии. По сути два десятилетия и Москва, и Тбилиси являлись заложниками проблемы статуса непризнанных государств. Однако до 2008 г. в своей закавказской политике Россия старалась придерживаться правил соблюдения территориальной целостности и суверенности государств региона, несмотря на ряд трудностей во взаимоотношениях с ними. Хотя порой Москва своими действиями, поддерживая Сухуми и Цхинвали, противоречила официальным заявлениям о сохранении территориальной целостности Грузии [5, с. 300].

События августа 2008 г. в Южной Осетии вбили мощный клин в российско-грузинские отношения, доведя диалог Москва – Тбилиси до самой низкой точки за весь постсоветский период. Во время августовских событий Москва заняла достаточно определенную позицию – открыв полномасштабные боевые действия против Грузии. До этого момента Россия делала ставку на решение соответствующих проблем путем переговоров, при отказе от ультиматумов и угроз применения силы.

В итоге в сентябре 2008 г. дипломатические российско-грузинские отношения были разорваны по инициативе М. Саакашвили. Но еще 26 августа президентом РФ Д. Медведевым были подписаны указы о признании независимого и суверенного статуса Республики Абхазия и Республики Южная Осетия, а 9 сентября путем обмена нотами установлены дипломатические

отношения России с Абхазией и Южной Осетией. Москва избрала путь на развитие с Абхазией и Южной Осетией всестороннего и взаимовыгодного сотрудничества, а также содействие им в стремлении добиться полноправного членства в кавказском и международном сообществе. Правда, на протяжении 2010 – 2011 гг. Москвой были предприняты некоторые шаги, которые привели к восстановлению прямого автомобильного и воздушного сообщений между Россией и Грузией. Были сделаны шаги в направлении содействию развития гуманитарных, научных, культурных и религиозных связей. В интересах преодоления кризиса в российско-грузинских отношениях в декабре 2012 г. Россия согласилась возобновить диалог с грузинской стороной. Правда, изменение позиции Москвы стало возможным после прихода к власти в Грузии по итогам парламентских выборов нового правительства во главе с Б. Иванишвили, которое заявило о намерении добиваться постепенной нормализации отношений с Россией (без восстановления дипломатических отношений), в первую очередь в экономической и гуманитарной областях, с «выводом за скобки» на данном этапе «проблемы территориальной целостности» [6].

Безусловно, Россия заинтересована и в развитии экономического сотрудничества с каждой из стран региона. У Москвы присутствует стремление поставить под свой контроль наиболее важные экономические объекты соседних стран, например, трубопроводы и предприятия нефтехимического комплекса. В 2000-е гг. Россия изменила свой подход в сфере экономического сотрудничества, особенно в энергетике, переведя поставки энергоносителей на коммерческие рельсы. Известно, что, например, грузинская экономика практически полностью зависела от поставок российских энергоносителей, российских рынков для грузинской продукции и незанятой в республике рабочей силы [5, с. 295]. Конечно, многие расценили действия Москвы как рычаг давления на страны ближнего зарубежья, чтобы заставить их принять российское доминирование в условиях ослабления ее влияния в регионе. Можно назвать и другие действия России, которые многими в мире были

расценены как акты давления. Например, запрет на ввоз на территорию РФ грузинского вина и минеральной воды, прекращение выдачи виз грузинским трудовым мигрантам и высылка многих грузин на родину были охарактеризованы как акты давления Москвы на Тбилиси из-за прозападной ориентации правительства М. Саакашвили [2, с. 44].

Не в последнюю очередь, Россия воспринимает Закавказье в качестве транзитного транспортного коридора как по направлению Восток – Запад, так и по направлению Север – Юг [3, с. 336]. Стабильность в регионе важна, в том числе и для РФ, для бесперебойной транспортировки каспийской нефти и газа.

В последнее время Россия в своей политике, наряду с использованием военно-политических и экономических средств, пытается использовать и так называемую «мягкую силу». Москва, безусловно, заинтересована в культурно-цивилизационном присутствии в регионе. В этом плане особый упор делается на русском языке и русскоязычных гражданах закавказских республик. Однако здесь существуют определенные трудности. Дело в том, что в советский период в Закавказье не было значительного русскоязычного населения, поэтому роль русского языка здесь всегда была ограничена. После распада СССР ситуация в этом плане еще более усугубилась. Так, в начале XXI в. в Армении проживало менее 10 тысяч русских. В 2001 г. русский язык в качестве родного определили для себя только 30 тысяч (1%) жителей Армении. Очень мало русских проживало и в Грузии. Лишь в Азербайджане русская община составляла порядка 150 тысяч человек, но и здесь происходило их сокращение [7, с. 15]. При этом в самой Российской Федерации имеется многочисленная кавказская диаспора, что определенным образом также оказывает свое влияние на взаимоотношения России с закавказскими республиками.

Таким образом, внешняя политика Российской Федерации в Закавказье определяется ее статусом великой державы и целым рядом факторов, влияющих на взаимоотношения сторон друг с другом.

За прошедшие два десятилетия закавказская политика России прошла четыре основных этапа. На первом этапе (в начале 1990-х

гг.) российским руководством, несмотря на громкие заявления на практике особо ничего не делалось для укрепления своих позиций в регионе. Взяв стратегический курс на сближение с Западом, Кремль не придавал особой важности взаимосвязям с закавказскими странами.

На втором этапе (с середины 1990-х гг.) в заявлениях Москвы добавилось риторике по поводу значимости для державы данного региона, но какая-либо четкая стратегия по усилению своего влияния в Закавказье отсутствовала. Кремль во многом хаотично реагировал на происходящие в регионе события. Поэтому можно говорить о дальнейшем ослаблении позиций Российской Федерации в Закавказье.

С приходом к власти в 2000 г. В. Путина начался третий этап закавказской политики России. Москва значительно активизировалась на данном направлении. Правда, во многом это было обусловлено общими тенденциями в мировой политике, связанными с событиями 11 сентября 2001 г. и последующими действиями ведущих игроков. Однако именно в это время Россия окончательно потеряла Грузию, тем самым еще больше ослабив свои позиции в регионе.

С началом «пятидневной войны» в августе 2008 г. начался четвертый этап политики России в Закавказье, который на сегодняшний день пока еще не привел к существенным изменениям в действиях Москвы по сравнению с предыдущим периодом, за исключением дипломатического признания РФ Абхазии и Южной Осетии, что, правда, многими расценивается в качестве внешнеполитической ошибки российских властей.

Примечания

1. *Дегоев В.В.* Проблема сохранения статус-кво в Закавказье и политика России // Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: энергетика и политика / Под ред. А.В. Мальгина, М.М. Наринского. Вып. 2. М.: Навона, 2005. С. 291 – 295.

2. *Фараджирад А., Хезерзаде А.* Внешняя политика России на Кавказе при Владимире Путине // Центральная Азия и Кавказ, 2010. Т. 13, Вып. 4. С. 22 – 46.

3. *Скаков А.Ю.* Политика России в Закавказье: вызовы и перспективы // Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: энергетика и политика / Под ред. А.В. Мальгина, М.М. Наринского. Вып. 2.. М.: Навона, 2005. С. 316 – 336.

4. *Грузино-абхазский конфликт: краткая история. Справка* [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://ria.ru/spravka/20080701/112698696.html#13748509825553&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration> (дата доступа: 26.07.2013).

5. *Лузянин С.Г.* Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004 – 2008 гг.). М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 447 с.

6. *Внешинополитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2012 г. Обзор МИД России* [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/2a660d5e4f620f40c32576b20036eb06/a5d82e99be657e33442579d50026094c!OpenDocument. (дата доступа: 27.07.2013).

7. *Лунев С.* Центральная Азия и Южный Кавказ как геополитические регионы и их значение для России // *Центральная Азия и Кавказ.* 2006. № 3(45). С. 14 – 27.

Баранов А.В. (г. Краснодар)

МАТЕРИАЛЫ ЭКСПЕРТНЫХ ОПРОСОВ КАК ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА КАВКАЗЕ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Актуальность темы состоит в том, что исследования современной политики на Кавказе будут неэффективны без репрезентативной источниковой базы, научно корректных методов сбора информации. В отличие от историка, политолог, конфликтолог или регионовед по понятным причинам лишён возможности работать с текущими архивными фондами и публиковать многие из их документов. Специфичен и общественный заказ на выводы и рекомендации социогуманитарных дисциплин. Требуется знание практически ориентированное, быстро реагирующее на актуальные проблемы, малозатратное по финансированию. Следовательно, политические и конфликтологические исследования «обречены» применять методы, дающие возможность решать эти амбициозные задачи при явном дефиците ресурсов. Среди таких методов – экспертный опрос наряду с анкетным массовым опросом, анализом документов, дискурс-анализом текстов.

Уровень развития политической науки и конфликтологии как научных направлений в России, на наш взгляд, достиг той степени зрелости, когда насущной становится рефлексия профессиональных сообществ о методологиях и методиках

обоснования знаний. Особенно актуальна эта задача в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах. Темы этнополитических, религиозных, территориальных рисков и угроз, обоснования государственной политики России в макрорегионе стали центральными для названных научных направлений.

Для будущих поколений историков опубликованные в текстовом либо электронном виде материалы экспертных опросов дадут полезную информацию о степени осведомлённости нынешних экспертов, о развитии концепций и понятийного аппарата анализа, о «повестке дня» региональных политических исследований и «социальном заказе» на них.

Цель статьи – определить возможности и тенденции применения экспертного опроса в исследованиях политики России на Кавказе в начале XXI века, установить значение опубликованных материалов данных опросов в качестве источника анализа региональных политических процессов.

Источниковую базу статьи составили опубликованные материалы следующих научно-исследовательских проектов: «Разработка теоретико-методологических основ региональной конфликтологии» (выполнен Институтом социологии РАН и Южным научным центром (далее – ЮНЦ) РАН, Ставропольским государственным университетом в 2006–2008 гг.) [1; 2]; «Блоковые конфликты в полиэтничном регионе» (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН, 2008–2010 гг.) [3]; «Определение путей стабилизации регионального социума и устойчивой дезэскалации региональных конфликтов» (Институт социологии РАН и ЮНЦ РАН, 2006–2010 гг.) [4]; «Регулирование социально-этнических процессов в условиях региональных рисков экстремизма» (Северо-Кавказская академия госслужбы – СКАГС, 2010 г.) [5]; «Экспертные оценки конфликтогенных процессов на Юге России» (СКАГС, 2006 г.) [6]; «Проблемы социально-экономического и этнополитического развития южного макрорегиона» (ЮНЦ РАН, 2006–2010 гг.) [7] и др.

Экспертный опрос – один из методов социологического исследования, применяемых для изучения сложных проблем.

Данный метод полезен тем, что на основе научно обоснованных суждений даёт более глубокую аргументацию для обоснования теоретических выводов и практических рекомендаций, чем массовый анкетный опрос. Экспертный опрос имеет прогностическую целевую установку. Метод даёт возможность решить три важные задачи: выявить совокупную точку зрения экспертов о политических фактах и процессах; установить набор ведущих факторов политики, их взаимосвязи и иерархию; сформулировать экспертный прогноз политических явлений и процессов. Для проведения такого опроса привлекаются эксперты по теме: в исследовании государственной политики – представители социогуманитарных наук, журналисты, государственные и муниципальные служащие, активисты общественных организаций и партий. Подобную информацию способны дать только осведомлённые респонденты, имеющие аргументированные знания о проблеме «изнутри».

Метод предполагает чёткое предварительное формулирование проблемы и задаваемых вопросов, составление выборки экспертов. Для него привлекаются интервьюеры, беседа с экспертом записывается на диктофон, расшифровывается и анализируется. Предпочтительнее в анкете использовать открытые вопросы со свободой выбора формы ответа. Эксперт получает в данном методе обратную связь с интервьюером, возможность импровизировать и дать развёрнутую аргументацию своих взглядов. Важное процедурное условие – индивидуальность опроса, что должно исключить давление группы на мнение респондента. Метод требует участия интервьюеров и аналитиков высокой квалификации.

Отбор квалифицированных экспертов для опроса предполагает отчётливое понимание критериев и процедур отбора. Критериями отбора экспертов избираются обычно уровень компетентности эксперта в конкретной области, степень его объективности, умение работать в команде. Экспертная группа не может быть многочисленной. Чрезмерный рост числа экспертов не даёт существенного добавления новой информации ни в деталях, ни в качестве. На деле состав экспертной группы

составляет максимум 10-15 чел. при очных опросах и 60-80 чел. при заочных опросах.

Итоговый аналитический отчёт обязательно должен дословно фиксировать и преобладающее мнение экспертов, и альтернативные точки зрения с подробной аргументацией. Это особенно важно при лонгитюдных опросах, когда один и тот же состав экспертов отвечает на анкету через определённый интервал времени.

Экспертный опрос не даёт такой возможности количественно интерпретировать итоги, как массовый анкетный опрос. Чаще всего, используется условная шкала оценивания. Следовательно, даже доминирование точки зрения на проблему (до 95% выборки) в данном методе не служит критерием её правильности. Применяются процедуры вычисления медианного значения, моды, амплитуды (размаха вариации), дисперсии. Материалы экспертного опроса нуждаются в сравнении с информацией, полученной другими методами. В особенности ценные выводы можно сделать, когда синхронно по одной и той же проблеме проводятся экспертный и массовый опросы [5; 6]. Это позволяет выявить различия между обыденным и научным восприятием темы, способами аргументации взглядов, дискурсами восприятия проблем, источниками взглядов респондентов.

По проблемам этнополитологии и региональным исследованиям впервые в России данный метод применен в 1991 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения на примере народов Севера [8, С. 40]. Насколько нам известно, вопросы региональной политики Российской Федерации на Северном Кавказе, этнополитики, урегулирования конфликтов стали анализироваться методом экспертного опроса с конца 1990-х гг. Это связано со временем первичной институционализации научных школ и профессиональных сообществ политологов, конфликтологов, регионоведов. Тогда же сформировались ведущие аналитические центры, регулярно проводящие экспертные опросы по проблеме. К ним следует отнести Институт этнологии и антропологии РАН (его Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов во главе с академиком В.А. Тишковым); Институт

социологии РАН (его конфликтологическую школу во главе с А.В. Дмитриевым); Северо-Кавказскую академию государственной службы (ныне – Южно-российский институт Российской академии народного хозяйства и государственной службы, г. Ростов-на-Дону); Ростовский государственный (сейчас – Южный федеральный) университет; Ставропольский государственный (ныне – Северо-Кавказский федеральный) университет. Позже, к середине 2000-х гг. к ним добавились Южный научный центр РАН (г. Ростов-на-Дону) и Кубанский государственный университет (г. Краснодар). Характерно создание межрегиональных научных коллективов, проводящих экспертные опросы на грантовое финансирование. Например, важен лонгитюдный проект «Разработка теоретико-методологических основ региональной конфликтологии», выполненный Институтом социологии РАН и ЮНЦ РАН в сотрудничестве со Ставропольским государственным университетом за 2006–2008 гг. (руководители А.В. Дмитриев и В.А. Авксентьев) [1; 2]. Он дал не только практические рекомендации по деэскалации этнополитических конфликтов в макрорегионе, но и продвинул вперед создание общепринятого понятийного аппарата научной отрасли знаний, интегрировал в сеть профессиональное сообщество.

Сосредоточим внимание на наиболее системном по тематике из экспертных опросов, проведённом Институтом социологии РАН и ЮНЦ РАН в декабре 2009 г. Всего было опрошено по единой программе 85 экспертов – аналитиков и 30 государственных служащих из различных субъектов федерации [7, с. 12-15]. Госслужащие опрашивались при обучении на курсах повышения квалификации по программе «Управление конфликтами на государственной службе» в РАНХиГС. Опрос включал в себя определение рейтинга макрорегионов России по уровню угроз и рисков национальной безопасности (тогда ещё объединённый ЮФО занял 1-е прискорбное место по мнению 81,2% экспертов) [7, с. 13]. Эксперты ранжировали субъекты федерации по уровням конфликтности на фоновую зону (в неё вошли области и края ЮФО, Республики Адыгея и Калмыкия); зону социальной напряжённости (Карачаево-Черкесия,

Кабардино-Балкария и Северная Осетия-Алания); зону открытой конфликтности (Ингушетия, Дагестан и Чечня).

Далее выяснялась иерархия конфликтогенных факторов на Юге России. Крайне важно, что эксперты-аналитики и госслужащие обосновали совершенно разное понимание причин угроз и рисков [7, с. 16-17]. Учёные перечисляли (по убывающей) коррупцию (25,3%), этноклановость (16,9%), высокую безработицу (13,4%), преступления бандподполья (9,0%), низкий уровень промышленного производства (8,8%), зарубежное влияние экстремистов (6,3%), крайне низкую эффективность региональных органов власти (6,3%), критическую зависимость от дотаций федерального бюджета (3,8%), относительную бедность населения (3,8%). В восприятии управленцев приоритетные угрозы «перевернуты», на первых местах рейтинга – сугубо экономические вопросы: низкий уровень промышленного производства (29,5%), зависимость от дотаций федерального бюджета (15,4%), высокая безработица (14,8%), масштабная коррупция (13,8%), «зарубежный» экстремизм (12,5%), этноклановость (11,1%), преступления бандподполья (8,0%), низкая эффективность региональных органов власти (5,6%). Такое восприятие проблем Северного Кавказа госслужащими само по себе выступает риском неадекватных управленческих решений, что ярко проявилось в попытках полпреда по СКФО А.Г. Хлопонина «забросать Кавказ деньгами». Характерно, что с начала 2011 г. полпред вынужден был смягчить свою позицию и всё же уделить внимание ключевым, на взгляд аналитиков, этноконфессиональным и коррупционно-этнократическим детерминантам конфликтов [7, с. 21-22]. Качественные различия в восприятии группами экспертов иерархии угроз важны для реформ государственного управления, для определения приоритетов информационной и образовательной политики по созданию новых политических элит в СКФО.

Методологически полезна также модель «воронки причинности». Она первоначально разработана американскими политологами (А. Кэмпбеллом, П. Конверсом, У. Миллером и др.) [9] для анализа избирательных кампаний, но даёт

возможность ранжировать факторы любого политического процесса, в т.ч. – этнополитических и конфессиональных конфликтов. Так, низкий уровень промышленного производства, натурализация сельского хозяйства и технологическая отсталость экономики республик Северного Кавказа повлекли за собой архаизацию общественных институтов и практик в 1990–2013 гг. Чрезмерная, неконтролируемая рождаемость многих региональных сообществ вкупе с прекращением «отхожих промыслов» за пределами своих республик обострили демографическое перенапряжение, безработицу, рост межэтнической конкуренции за престижные социальные статусы и власть. Этноклановая система внутри региональных сообществ Северного Кавказа стала конкурентным преимуществом, как и особенности социокультурных норм поведения – коллективная солидарность, восприятие политики как «конфликта с нулевой суммой», в котором проигравший теряет всё и покоряется сильному победителю [10, с. 16-85, 126-288].

По степени угроз политические конфликты на Северном Кавказе могут быть отнесены к уровням:

1. Вооруженные этнополитические конфликты, в которых предъявляются требования сецессии (Чечня) либо межрегионального передела территории (Северная Осетия Ингушетия, Чечня Дагестан). Конфликт в республиках Северо-Восточного Кавказа обладает всеми признаками затяжного, он интернационализирован и является очагом политической нестабильности для всего российского Кавказа. Осетино-ингушский конфликт находится на стадии поствоенного урегулирования.

2. Конфликты, в которых спорадически применяется насилие, существует стабильно высокий фоновый уровень готовности к противостоянию сторон. Они могут быть подразделены на этнотерриториальные (Карачаево-Черкесия, восточные районы Ставрополя) и экстерриториальные (рейды сепаратистов и религиозных экстремистов).

3. Открытые конфликты с преобладанием конвенциональных форм действия. Вызваны чаще всего статусными и социокультурными причинами. Таковы межэтнические и

межконфессиональные отношения в Дагестане, в анклавных поселениях новых диаспор (восток Ставрополья, юго-восток Дона, Лиманский район Астраханской области и др.).

4. Латентные (потенциальные) конфликты с преобладанием конвенциональных форм действия. Проявляются на основной части территории областей и краев, республик Калмыкия и Адыгея. Локальные очаги повышенной конфликтности: основная часть Ставропольского края (взаимодействия старожильского населения и мигрантов из республик Северного Кавказа); повсеместно – крупные города (отношения постоянных жителей и новых диаспор), Черноморское побережье (русские, армяне, новые диаспоры), юго-восток Ростовской области (казачество, чеченцы и даргинцы).

Таким образом, экспертные опросы позволяют выявить современное состояние и тенденции развития политических процессов на российском Кавказе. Оно характеризуется разной стадийностью и степенью эскалации региональных конфликтов, спецификой акторов этнополитических и конфессиональных процессов, их стратегий и идентичности. Следовательно, потребуется научно обоснованная и ресурсно обеспеченная политика Российского государства, призванная перевести этнополитические и конфессиональные процессы на Кавказе в созидательное русло.

Примечания

1. *Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В.* Региональная конфликтология: экспертное мнение. М., 2007.

2. *Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В.* Региональная конфликтология: концепты и российская практика. М., 2008.

3. *Авксентьев В.А., Зинев С.Н., Лавриненко Д.А., Лепилкина О.И., Майборода Э.Т.* Этнополитические процессы на Юге России: от локальных к блоковым конфликтам. Ростов н/Д, 2011.

4. *Денисова Г.С., Дмитриев А.В., Клименко Л.В.* Южно-российская идентичность: факторы и ресурсы. М., 2010.

5. Регулирование социально-этнических процессов в условиях региональных рисков экстремизма. Информационно-аналитические материалы межрегион. науч.-практ. конф. (г. Ростов-на-Дону, 28 апр. 2010 г.) / Авт.: В.В. Рудой, Г.С. Денисова, А.А. Иванова и др. Ростов н/Д, 2010.

6. Экспертные оценки конфликтогенных процессов на Юге России. Информационно-аналитические материалы / Авт.: Игнатов В.Г., Игнатова Т.В., Понеделков А.В. и др. Ростов н/Д, 2006.

7. Юг России в зеркале конфликтологической экспертизы / Под ред. Г.Г. Матишова, Н.И. Голубевой, В.А. Авксентьева. Ростов н/Д, 2011.
8. Гузенкова Т.С., Пименов В.В., Филиппов В.Р., Филиппова Е.И. Этнополитическое исследование. М., 2000.
9. Campbell A., Converse P.E., Miller W.E., Stokes D.E. The American Voter. 2nd ed. N.Y., 1980.
10. Суцкий С.Я. Северный Кавказ: Реалии, проблемы, перспективы первой трети XXI века. М., 2013.

Ратушняк О.В. (г. Краснодар)

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА КАВКАЗЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Кавказ всегда был одним из сложных направлений политики российского государства (как внешней, так и внутренней). В период СССР были сняты некоторые проблемы российской имперской политики, но при этом появились новые, проявившиеся особенно остро сразу после распада Советского Союза. Это были проблемы, как касавшиеся выбора государственного курса Российской Федерации в целом, так и на отдельных его направлениях – в частности кавказском.

После того, как рассеялась эйфория "нового политического мышления" Россия оказалась в сложном положении, а ее внешнеполитическое ведомство вынуждено было решать две основные и взаимосвязанные задачи:

1) определение места России в быстро изменяющемся мире, ее роли в мировой политике; данная задача заключалась в основном в ответе на вопрос: как совместить оставшиеся имперские амбиции великой державы с их несоответствием реалиям современности?

2) выбор главного направления внешней политики Российской Федерации.

Отметим только два основных аспекта данной проблемы.

К концу XX в. – началу XXI в. стало ясно: как бы ни определялся главный вектор российской внешней политики (Запад или Восток, а в их рамках – США или Европа, Индия или Китай), Россия не могла уйти от решения задач, связанных с Кавказом. А в решении этих задач было особенно важным

отбросить имперские амбиции и реально оценить сложившуюся обстановку.

Внешняя политика Российской Федерации в отношении государств Южного Кавказа тесно взаимосвязана с ее внутренней политикой в отношении своих субъектов на Северном Кавказе. Примеров этому – множество. Один из них – решение абхазского вопроса. Казалось бы, в силу известного тяготения Абхазии к России достаточно было предпринять некоторые шаги в этом направлении и интегрировать Абхазию в состав Российской Федерации (не только экономически, но и политически) или способствовать ее независимости. И за этот подход, как известно, выступали и выступают некоторые политические деятели и публицисты. Однако, предпринятые Россией, шаги в данном направлении фактически означали бы игнорирование принципа суверенитета, что, в свою очередь, болезненно сказалось бы на политической ситуации на Северном Кавказе (учитывая сепаратистски настроенную часть местных политических элит). И это всего один пример. Таким образом, одна из проблем, связанных с проведением Россией кавказской политики, заключается в тесной взаимосвязи ее внутреннего и внешнего аспектов.

Помимо тесной увязки внутренней и внешней политики Российской Федерации на Кавказе, Кавказ важен и сам по себе, благодаря его особому геостратегическому положению. Не случайно его часто характеризуют как "евразийский перекресток" и "солнечное сплетение Евразии". Это положение определяет тот огромный интерес, который питали и питают различные государства к данному региону.

Еще одна немаловажная особенность, определяющая отношение различных государств к Кавказу заключается в том, что Кавказ – не только значимый геостратегический плацдарм, но и конфликтногенный регион. В силу данного фактора владение им дает не только определенные геостратегические преимущества, но и постоянную (и довольно сильную) "головную боль". Кстати, это одна из причин, в результате которой в настоящее время кто бы ни строил планы в отношении Кавказа, они не идут дальше контроля над этим регионом или

отдельными его пунктами. Это является и одной из причин того, что за исключением соседних государств (РФ, Иран и Турция), остальные акторы мировой политики стараются в некоторой степени дистанцироваться от решения кавказских проблем, используя их лишь как средство достижения других своих внешнеполитических и экономических целей, интересов, преимуществ.

В то же время, оглядываясь на историческое прошлое региона, приходится констатировать: Кавказ – никогда не был суверенным и самостоятельным в своей внешней политике, за исключением редких периодов всемирной истории. Но, что еще более важно, с точки зрения мировой политики и мирового развития, зачастую именно эти краткие периоды самостоятельной истории некоторых государств Кавказа были периодами наибольших внутренних раздоров и противоречий в регионе.

Полиэтничность и поликонфессиональность Кавказа, сплетение их в сложный мозаичный узор, с неизбежностью порождали и порождают острые противоречия и конфликты. "Их результатом становилось подчинение всех противоборствующих сторон какой-либо внешней силе", заинтересованной в контроле над данным регионом, а установив этот контроль, – в его политической стабильности [1].

Как показывает исторический опыт, необходимость присутствия на Кавказе внешней силы является не только исторической традицией, но и насущной необходимостью и единственной действенной возможностью поддержки мира и определенной стабильности в регионе. Отмечу, что в настоящее время, говоря о "внешней силе" речь идет не о владении Кавказом, а о присутствии (политическом, экономическом, культурном) в данном регионе, о так называемом доминировании в нем.

Как верно отмечают многие исследователи и, в частности, А.А.Куртов: "Кавказ всегда был периферийным регионом соперничающих между собой северных (западных) и южных (восточных) крупных держав. Поэтому сколь бы себя ни тешили нынешние политические элиты закавказских государств надуманными историческими мифами, реальное благополучие

этих стран было детерминировано "десницей Всевышнего". И проблема состоит в том, что непредвзятый взгляд на маятниковые колебания государств Кавказа от одной державы к другой недвусмысленно показывает, что именно в период, когда данные государства находились под покровительством северной державы (т.е. России), и безопасность, и социально-экономическое благополучие большинства населения обеспечивались более эффективно, чем в периоды, когда эти страны попадали в зависимость от своих южных соседей" [2]. Это прекрасно понимают, помнят и знают народы Кавказа, несмотря на искусственно создаваемые и навязываемые им другие стереотипы. Кстати, данный аспект проблемы порождает еще одну важную задачу российской политики на Кавказе – достижение успеха в информационном противостоянии со своими оппонентами с Запада и Востока.

В силу современных условий информационный фактор – одна из важнейших составляющих современной политики (как внутренней, так и внешней). И России необходимо научиться его использовать максимально эффективно. К сожалению, чаще всего в этом плане она зачастую проигрывает своим оппонентам. Необходимо помнить и о том, что информационный фактор наиболее действенен (особенно в долгосрочной перспективе), когда он опирается на реальное положение вещей, а не на искусственно создаваемые мифы и искажение, подмену исторических фактов и реалий современности. Тем более Россия действительно имеет моральное право опираться на историческую традицию создания в целом благоприятных условий для развития народов Кавказа. А некоторые, имевшие место негативные факторы, связанные с политикой императорской России и Советского Союза, на которые указывают ее политические оппоненты, вполне могут трактоваться как издержки имперского прошлого, не имеющие место в политике новой России. Но данный аргумент будет работать, будет действенен только в том случае, если он будет подкреплен реальной политикой в этом направлении.

В настоящее время приходится с грустью констатировать, что политика Российской Федерации на Кавказе пока остается крайне

противоречивой и, как следствие, непоследовательной. Причин подобного состояния несколько.

Во-первых, борьба российских элит, преследующих различные, порой противоположные цели и интересы.

Она порождает вторую причину – отсутствие до недавнего времени четко выстроенной долговременной стратегии и тщательно проработанной (с точки зрения экономических возможностей) концепции национальной политики Российской Федерации в целом и ее кавказского направления, в частности.

В-третьих, уже упоминавшаяся, взаимосвязь внутренней политики Российской Федерации на Северном Кавказе и внешней политики на Южном.

Четвертая причина противоречивости и непоследовательности российской политики в Закавказье заключается в том, что и политика правящих элит Азербайджана, Армении и Грузии так же не отличается последовательностью и крайне противоречива. Это определяется как объективными, так и субъективными факторами. В частности, государства Южного Кавказа подвержены одновременно процессам реинтеграции и дезинтеграции с Россией. К реинтеграции их подталкивают особенность экономической структуры государств Южного Кавказа, включая технологические, сырьевые, энергетические потребности, необходимость и возможность экспорта своей продукции на российский рынок, сохранившиеся экономические и культурные связи. Дезинтеграцию вызывают новые экономические и политические реалии современности – неспособность России оправдать в полной степени, возложенные на нее ожидания и деятельность определенных кругов внутри данных государств и других заинтересованных игроков мировой политики, а в определенной степени – и некоторые политические шаги самой России [3].

Сложность в проведении политики на Кавказе определяется и, уже упоминавшейся, конфликтногенностью региона. На этом фоне особенно значимой представляется следующая реальность. В современной тесной взаимосвязи глобализирующегося мира урегулирование большинства конфликтов международного характера требует участия международного сообщества и

практически бесперспективно в одностороннем порядке. Однако, до сих пор, в силу определенных причин, международное сообщество в целом дистанцируется от решения проблем Южного Кавказа (решение северокавказских проблем – прерогатива России). Тем более не приходится говорить о каком-то системном характере взаимодействия международных акторов в данном направлении. В тех случаях, когда данное взаимодействие наблюдалось, оно "было основано не на разделении труда и распределении ответственности, а на соперничестве в регионе"[4] и – как следствие – не могло быть, и не было продуктивным.

Перспективы российской политики на Кавказе определяются решением следующих основных задач:

1) Выработка и следование четкой (обоснованной политически и экономически) концепции национальной политики России (как внутренней, так и внешней), с учетом как, собственно, интересов России, так и реалий современности.

2) Активная информационная поддержка политических шагов России и информационное противостояние с ее оппонентами.

3) Взвешенная, продуманная государственно-конфессиональная политика, заключающаяся в частности:

а) в четком определении и отделении религиозного фанатизма и экстремизма от мусульманства;

б) необходимости однозначно трактовать и проводить во внутренней политике принцип отделения церкви от государства; но при этом

в) использование различных религиозных конфессий в решении задач достижения и поддержания мира и стабильности в регионе.

4) По возможности мирное преодоление межэтнических противоречий и сепаратистских настроений в республиках Северного Кавказа, путем борьбы с политическим и религиозным экстремизмом, коррупцией и повышения уровня благосостояния основной массы населения северокавказских субъектов Российской Федерации.

5) Налаживание и поддержание системы взаимовыгодных экономических связей с государствами Южного Кавказа, с включением в этот процесс других государств.

6) Формирование на Кавказе региональной системы безопасности и сотрудничества с участием всех государств региона.

Примечания

1. *Зубов А.Б.* Будущее России на Кавказе в свете исторического опыта // Социально-политическая ситуация на Кавказе: история, современность, перспективы. М., 2001. С. 16-17.

2. *Куртов А.А.* Государства Южного Кавказа и Иран: новые геополитические реалии // Социально-политическая ситуация на Кавказе: история, современность, перспективы. М., 2001. С. 141.

3. *Язькова А.А.* Государства Южного Кавказа и Россия: региональные интересы и глобальные факторы // Глобализация и регионализм. Черноморский регион. Балканы. М., 2001. С. 232.

4. *Тренин Д.В., Данилов Д.А.* Россия на Кавказе // Безопасность России. Черноморский регион. М., 1997. С. 87.

Сиражудинова С.В. (г. Ростов-на-Дону)

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Северный Кавказ на протяжении веков привлекает к себе внимание исследователей. Он выделяется из всей российской территории своей неповторимой спецификой, самобытностью, многоликостью. Здесь до сих пор можно встретить поразительное сочетание глубокой традиционности и архаичности с современностью, как различные их крайности, так и их всевозможные сочетания. Внимание к территории Северного Кавказа значительно усилилось после роста конфликтности региона – возникновения ряда серьезных межэтнических, но скорее межтерриториальных конфликтов, роста проявлений экстремизма и терроризма и многих других проблем. Но понять и изучить Северный Кавказ трудно, уж слишком он многолик, противоречив, и скрытен, и во многом до сих пор не исследован. Чтобы понять его проблемы – надо их знать. Но, несмотря на множество исследований региона до сих пор имеется много

неизведанного и неизвестного. И современность исследована значительно слабее истории.

С особой трудностью поддаются исследованию вопросы частной жизни, сознания его многоликого населения. Каждый этнос очень часто иногда сознательно, а иногда даже неосознанно, рассматривает проблему с позиций интересов собственного этноса, могут не знать проблем иных этносов. Отсюда и трудности в исследовании важных для стабильности и порядка вопросов политики и права.

Смена Конституции и смена идеологии государства вследствие произошедшего в Российской Федерации коренного реформирования политики государства и всех сфер жизни общества, потребовало срочного и коренного изменения всей системы российского законодательства, точнее, выработки нового законодательства, формирования и внедрения новых демократических ценностей, что глубоко отразилось на жизни государства, общества и граждан. Поэтому очень важен анализ и исследование проникновения новых ценностей в регион.

Особо проблемная ситуация сложилась на Северном Кавказе. Правовые проблемы, коллизии и собственное правовое своеобразие в той или иной степени здесь всегда имели место. Кавказский регион всегда отличался своей спецификой – исламом и традиционализмом. Исторически сформировавшийся в регионе полиюридизм периодически то поощрялся, то были попытки подавления и вытеснения какой-то определенной системы права, но он сохранился, и даже усилился на сегодняшний день. Возросли и проблемы, порожденные им. На территории Северного Кавказа за последние годы смешались воедино и светские ценности (для старшего поколения это смесь устоявшегося советского и пытающегося его вытеснить демократического), и религиозные и традиционные. Здесь нет явно выраженного и однозначного принятия определенной конкретной системы права населением. Они находятся как бы на стыке, и так слились воедино, что вычлнить конкретную систему права населению не под силу. Причем особенность Северного Кавказа в том, что здесь попеременный приоритет то у одних систем права и ценностей, то у других, в зависимости от

сиюминутной выгоды сторон, обращающихся за помощью к праву.

Основные правовые проблемы на Северном Кавказе связаны как с проблемами формирования нового законодательства, так и с проблемами их реализации, применения и принятия гражданами.

Проблемы формирования нового законодательства связаны как с общими трудностями – его новизна, резкое изменение, пробелы в праве, так и специфическими северокавказскими. Много проблем создало принятие новых конституций республик, большинство из которых в первоначальном варианте противоречили Конституции Российской Федерации. Федерализм влек за собой множественные и серьезные проблемы. Конфликтность провоцировали попытки присвоения суверенитета, проблемы разграничения полномочий центра и регионов и т.д. На постсоветском пространстве возникли многочисленные территориальные споры, значительная часть которых пришлась на территорию Северного Кавказа. На регионе сказались последствия депортации (Ингушская Конституция, до сих пор ставит вопрос о возвращении земель), много споров вызывают вопросы законодательном закреплении применения отдельных норм шариата и т.д.

Другие проблемы, не менее серьезные связаны с вопросами реализации законодательства. Проблема реализации Конституции наталкивается на несколько проблем – на отсутствие зрелой правовой платформы для ее реализации, на объективные условия, создающие препятствия для ее полноценной реализации, на недостаточную проработанность отдельных положений в самой Конституции, и на низкий уровень правосознания граждан, а подчас даже правовой нигилизм. Большинство серьезных проблем и даже конфликтов в регионе первоначально, начинались в правовом поле, многие из подобных проблем не разрешены и по сей день. Невозможность исполнения закона «О репрессированных народах» уже приводило к вооруженному конфликту между ингушами и осетинами, меры по ликвидации конфликта до сих пор не выработаны, ситуация «заморозилась», но события вокруг конфликта продолжают накаляться и дальше.

Пускать ситуацию на самотек нельзя. Временная спячка в данном случае грозит внезапным и бурным пробуждением.

Первое с чего надо начать рассматривая проблемы законодательства – Конституция Российской Федерации. Гарантированные в Конституции демократия, гражданское общество и правовое государство наталкиваются на проблему реализации в российских, и тем более в северокавказских условиях. Одна из основополагающих целей современных российских реформ – «развитие личности и гражданского общества» [1], сформировала необходимость выделения в качестве приоритета государства формирование ценностей гражданского общества.

Проблемы, связанные с Конституцией всегда были одними из основных проблем для государства и общества. Конституция как Основной Закон государства, организующий все его устройство и существование, всю его деятельность, все его взаимоотношения с обществом и все общественные отношения играет исключительно важную роль. Для республик важно проанализировать ценность Конституции Российской Федерации, обозначить основные проблемы реализации Конституции, и узнать отношение народа к возможности внесения в нее дополнений и изменений.

Намного больше вопросов вызывает одна из основных проблем государства – проблема полноценной реализации Конституции и ее норм в жизни общества. Содержащиеся в ней цели на сегодняшний день пока не достигнуты, правовое государство пока еще не сформировано.

Другая, проблема, состоит в том, что в Российской Федерации, как и в любом федеративном государстве, наряду с Конституцией Российской Федерации действуют Конституции входящих в ее состав республик. Но, несмотря на то, что федеральная Конституция Российской Федерации имеет верховенство на всей территории Федерации, и конституции республик обязаны ей соответствовать и не должны ей противоречить.

Серьезная проблема состоит и в правосознании граждан. Основная проблема всех российских граждан (и особенно

жителей Северного Кавказа) состоит в том, что они не знают своих прав, не считают необходимым и возможным отстаивать их и защищать, в том, что, несмотря на все требования профессиональной и чиновничьей корректности, многие должностные лица игнорируют права граждан. Проблема коренится в недостаточном уровне понимания Конституционных положений, не зная ее сущности, и тех возможностей, прав и благ, которые предоставляет современная Конституция. Народ мало осведомлен о том (а многие должностные лица, привыкшие к своим привилегиям еще со времени прошлого режима, считают это чем-то несерьезным), что личность и свободы людей первичны.

Центральной и высшей ценностью современной Конституции является человек, гражданин, личность, и, в общем, народ. Она придает гражданину приоритетное положение, нацелена на интересы человека, на соблюдение и защиту его прав и свобод. Ставя граждан над властью, над государством она создает предпосылки, условия и возможности для формирования гражданского общества в стране. Но не все так просто. Конституция придает человеку существенные права и свободы, но многое зависит не только от юридического конституционного закрепления прав и свобод, от предоставляемых ее возможностей, но и от того, насколько люди знают свои права, свободы и обязанности, насколько они знают Конституцию, и насколько они готовы воспользоваться предоставленными им возможностями, а также от того, какие сложились в реальности объективные условия и возможности для их полноценной реализации. Об этом могут достоверно сказать только сами граждане. Поэтому, важно знать мнение людей по вышеперечисленным вопросам. Оценка людьми позволит определить эффективность действующей конституции, наметить наиболее оптимальные пути и способы для повышения ее эффективности в жизни государства и общества, повышения ее значимости в глазах народа.

Знание гражданином своих конституционных прав и свобод важно для полноценного становления человеческой личности, для построения подлинного гражданского общества и правового

государства. Только зная свои права и свободы, гражданин может адекватно отреагировать на факты их нарушения. Развитие конституционного правосознания предоставляет возможности защиты в первую очередь собственных прав и свобод.

Проблема реализации прав человека актуальна для территории всей Российской Федерации, на Северном Кавказе актуализируется тяжелой общественно-политической обстановкой, введением режимов КТО (контртеррористических операций), и в первую очередь высоким уровнем правового нигилизма среди граждан.

Права человека часто нарушаются, потому что он не отстаивает свой статус, преклоняя голову перед тем, кто стоит немножко выше его по статусу, должности, положению. Нарушение прав человека это на сегодняшний день одна из основных проблем на пути становления правового государства, так как, иногда нарушаются и неотъемлемые права и свободы, такие как право на жизнь, право на прикосновенность, право на собрания, и даже избирательные права (возможность эффективной защиты которых мы видим на примере отмены выборов в Дербенте, после протестов избирателей).

Для того чтобы понять истинную ситуацию и найти пути ее нормализации для региона очень важно проведение социологических исследований. Подобные исследования провести достаточно сложно. Исследователи не всегда могут сам ехать за сбором информации, и не всегда могут контролировать процесс. Многие горные районы находятся очень далеко от столицы республики и т.д. Все это влияет на достоверность результатов исследования. Ситуация не известна, исследований проводилось мало, и первопроходцам, для выяснения истинной ситуации, часто требуется приводить в анкетах значительное число открытых вопросов (чтобы заранее не направлять мысли респондента, а услышать в ответе его личное мнение), поэтому впоследствии обработка результатов достаточно трудоемка.

Итак, что показывают результаты социологического исследования изучающего правовые вопросы. «На Северном Кавказе соблюдение прав человека особо болезненная тема. Большинство респондентов (78,6%) признали нарушение прав

человека. У населения особое беспокойство вызывает нарушение таких прав, как отсутствие защищенности и свободы вероисповедания. Многие респонденты отмечают, что здесь нарушаются все возможные гражданские и политические права» [2]. Для предотвращения нарушения прав человека и гражданина респондентами было предложено полнее соблюдать Конституцию Российской Федерации и ужесточить наказание за нарушение прав и свобод человека [3].

Нарушение прав человека наиболее остро воспринимается респондентами, представляющими структуры гражданского общества. Некоторые представители власти не признают проблему нарушения прав человека, привыкшие стараться сглаживать углы в своих отчетах, они стремятся сгладить проблемы.

Жители Северного Кавказа также осознают важность демократии, о чем свидетельствует ответ на вопрос «Нужна ли демократия в республике?». На него отрицательных ответов почти нет. Мнение здесь разделилось поровну между ответами «да, нужна» и «частично нужна» [2].

Наиболее важными ценностями, заложенными в Конституции Российской Федерации, респонденты считают в первую очередь гражданский мир и согласие, затем личную неприкосновенность, следом идет свобода мысли и достоинство личности, и далее равенство, свобода слова и свобода вероисповедания.

Извечный вопрос о равенстве мужчины и женщины, которое закреплено в Конституции Российской Федерации, до сих пор остается спорным, и почти поровну разделил ответы респондентов, половина из которых считает, что мужчину и женщину равными, но другая половина, заявляет, что мужчина и женщина далеко не равны.

Жители республик Северного Кавказа, в силу своих традиций, обычаев и религиозных убеждений еще больше дистанцируют положение женщины от положения мужчины. Последовательная гендерная политика в регионе не проводится, попеременное обращение женщинами то к адатам, то, к шариату, то к закону, защитить женщину не может. Правовой плюрализм в данном случае играет не в пользу женщины.

Реализация истинного равноправия еще очень далека в России в общем, но особенно в ее традиционалистских регионах. Но к нему надо стремиться и создавать возможности для развития женщины.

Наиболее часто нарушаемыми, из гарантированных Конституцией России прав и свобод человека и гражданина респонденты считают такие права как: право на митинги, свободу слова и свободу мысли, свободу вероисповедания, право на личную неприкосновенность, и право на национальную принадлежность.

Наиболее опасным из всех прав и свобод человека граждане считают нарушение права на личную неприкосновенность и право на свободу вероисповедания.

Данные социологического исследования показывают, что действующая Конституция Российской Федерации, высоко оценивается населением, поставленная в ней задача демократизации признана обществом. Сама Конституция не несет в себе особых проблем. Но есть существенные проблемы в ее реализации, в построении действительного конституционного строя в нашей стране. Людей беспокоит нарушение конституционно гарантированных прав и свобод человека и гражданина, они желают реального воплощения цели построения демократии, возлагая на нее надежды на лучшее будущее. В то же время, нельзя забывать, что Конституция провозглашает демократию, теперь надо, чтобы власть приложила усилия для ее наиболее полного построения, и, конечно же, нужно еще и усилие самих людей. Проблемы реализации законодательства коренятся в специфике региона, в условиях расцвета терроризма, экстремизма, конфликтности, и нарушения прав человека многие важные вопросы отходят на второй план, но правовые проблемы нельзя игнорировать. В них залог стабильности государства и общества.

Исследование политических и правовых вопросов на Северном Кавказе требует еще значительных усилий со стороны научного сообщества. В специфической среде региона существуют свои трудности, но и возможности. Народ достаточно общителен, интересуется общественно-

политическими вопросами. В приватной сфере исследования проводить сложнее (здесь чаще стараются скрыть неприятные для европейского сознания традиции и обычаи, поэтому, как выяснилось, много мы еще не знаем). Проблему создает и сложность региона, и то, что наука здесь держится на отдельных ученых-энтузиастов, отдающих время и силы науке, и отсутствие заинтересованности среди массы местных исследователей (труд которых экономически мотивирован – отсюда и соответствующие результаты). Поэтому для познания региона нужно стремиться к объективности, и к объединению усилий региональных ученых и заинтересованных авторитетных представителей российской науки.

Примечания

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ. М., 2005. С. 10-11.
2. Сиражудинова С.В. Оценка гражданского общества глазами жителей Северного Кавказа // Социология власти. 2011. №1. С. 74-83.
3. Сиражудинова С.В. Социологическое исследование «Конституция Российской Федерации: основные проблемы, вызовы, риски и угрозы изменений». Январь-февраль 2012 г. (Опрошено 760 респондентов, метод стандартизированного анкетирования).

Кумпан В.А. (г. Краснодар)

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ¹

Распад советского государства позволил бывшим советским республикам стать суверенными государствами, самостоятельно определять свою внутреннюю и внешнюю политику. Процесс суверенизации продолжился и далее, в вооруженных конфликтах национальные движения выступают с сепаратистскими

¹ Статья написана при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках реализации мероприятий ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы по теме «Политика России на Кавказе в прошлом и настоящем: документальная база, интерпретации и противодействие фальсификации истории» (Соглашение 14.В37.21.0966).

лозунгами и этнотерриториальная политическая карта значительно усложнилась. Особенно остро эти процессы на постсоветском пространстве проходили в регионе Большого Кавказа. Общая логика развития интеграционных процессов в мире предполагает объединение государств на основе экономических связей. Логика становления национальных государств диктует их элитам необходимость укрепления своего положения за счет развития элементов суверенитета в политической сфере. Две тенденции сталкиваются, рассмотрим основные характеристики экономических и политических процессов на Кавказе, поиск основы для интеграции государств в регионе.

Кавказ с геополитической и геоэкономической точек зрения представляет собой полиструктурный регион. Занимая исключительно важное геополитическое положение и, образуя своего рода перекресток, Кавказ традиционно являлся «буферной зоной» между окружавшими его империями, что, во-первых, способствовало его «дроблению» и практически исключало возможность интеграции, во-вторых, определяло как ведущую – его политическую роль в ущерб возможностям экономического развития.

Идея объединения Кавказа в новом формате, предлагалась еще во второй половине 1980 гг. концептуально она представлялась как «Кавказский Общий Дом»[1]. Процесс институционализации проекта начинается в конце 1980-х годов в рамках Ассамблеи Горских Народов Кавказа, видоизмененной в начале 1990-х годов была в Конфедерацию (КГНК). Данные интеграционные идеи вызвали широкий резонанс среди лидеров северокавказских национальных движений, которым предоставлялось объединение народов Кавказа на основе взаимной исторической близости, прежде всего, в противостоянии посягательствам сопредельных империй на владение регионом.

Прошлое в Российской империи и СССР определялось как негативный опыт. Можно говорить о том, что начинался процесс выхода государств Южного Кавказа из сферы геополитического влияния России, с дальнейшим отделением Северного Кавказа от России. Предпосылками таких выводов стало присутствие на

съездах КГНК представителей националистически настроенных президентов Грузии З. Гамсахурдиа и Чеченской Республики Ичкерия Д. Дудаева. Кавказ виделся этим политическим лидерам как новое конфедеративное государственное образование.

В дальнейшем, в ходе укрепления федерального центра над автономными образованиями Северного Кавказа, стало ясно, что их самостоятельная внутрикавказская интеграция без России невозможна, хотя стремление к сепаратизму, диагностируется экспертами [2]. С другой стороны межгосударственные конфликты на межэтнической основе раскололи кавказские народы. Проблема новых государств сделала практически невозможным в формирование общекавказского интеграционного объединения. Таким образом, хотя со временем идея «КОД» и приобрела широкое региональное значение, в реальности она остается практически нереализуемой. Участие глобальных игроков на мировой политической арене (ЕС и США), а также внутренние противоречия кавказских государств – самые существенные препятствия на этом пути.

Еще один проект, предполагал объединение Азербайджана и Грузии с последующим возможным присоединением Армении [3]. Данная модель возможно, было бы решение проблемы сепаратизма, являющейся основным тормозом развития Азербайджана и Грузии, путем вхождения в СШЗ Абхазии, Южной Осетии и Нагорного Карабаха на правах федеральных земель, но без права отделения. Как мы знаем, после событий августа 2008 года и последовавшего признания Абхазии и Южной Осетии данная модель окончательно отошла в сферу теорий.

С середины 1990-х гг. предлагались различные модели кавказской интеграции под эгидой России. Главная идея состояла в том, что Кавказ геополитически не может быть отторгнут от России. Но приоритеты государств Кавказа оказались слишком различны, чтобы уложить их в формат любого подобного объединения.

Следует отметить, что предлагались и модели трансрегиональной интеграции, призванные усилить функцию Кавказа как транзитного коридора, связывающего уже

существующие крупные региональные системы и глобальных акторов международных отношений. Одним из вариантов данного типа является проект «3+3+2», (Россия-Турция-Иран+Азербайджан-Грузия-Армения+США-Евросоюз), данная модель не снимает противоречий между кавказскими государствами, но за счет расширения круга участников могла бы несколько нивелировать их значение. Ориентация на глобальных игроков на международной арене, их активная помощь проявляется на двусторонней основе.

Как показал исторически опыт, наиболее конструктивной моделью интеграции для кавказского региона является следование в русле российской политики, в то время как все современные интеграционные образования формируются на базе построения экономических связей. Каждый из предложенных проектов в той или иной степени ориентирован на достижение стабильности и процветание региона, однако их реализация по целому ряду причин не реализована. Рассмотрим основные из этих проблем.

Одной из главных особенностей региона является наличие большого количества территориальных споров. Хотя как показывает современная ситуация с конфликтом Испании и Великобритании по поводу Гибралтара и в ЕС рано говорить об урегулировании всех территориальных претензий в мире.

Особое место в ряду этнотерриториальных конфликтов занимает проблема Нагорного Карабаха. Карабахская проблема многократно обсуждалась в различных национальных и международных организациях и институтах в Конгрессе США, Европарламенте, на сессиях Комиссии ООН по правам человека, конференции СБСЕ, в Совете Безопасности ООН. Эффективность этих обсуждений была невысокой, единственным итогом, по сути, является «замораживание» конфликта, перевод его в политическую плоскость, но принципиально проблему это не решает, трансформируя ее в латентную форму. Большое значение играет то, что реально в урегулировании ситуации не заинтересованы ни даже США и ЕС. Интерес последних, к данной проблеме связан с влиянием лоббирующих этнических групп, каждая из которых преследует собственные цели.

Еще два субъекта региона – Абхазия и Южная Осетия – провозгласили свою независимость (от Грузии) в 1994 г., а после вооруженного конфликта 2008 г. Россия признала их независимость. В свою очередь грузинское правительство расценивает эти территории, как оккупированные Россией части Грузии. С этнополитической точки зрения логически выглядит безвыходной без компромиссного решения проблем, что возможно только со сменой руководства Грузии и тональности политических заявлений. В то время как экономические интересы всех участников данных конфликтов пересекаются, торговые связи, даже в период вооруженного противостояния воспринимались как необходимость.

Таким образом, в регионе существует несколько потенциально опасных, окончательно неразрешенных территориальных конфликтов, в которые оказались, втянуты все страны Кавказа – Азербайджан, Армения, Грузия и Россия.

Вместе с тем, государства Кавказа являются достаточно активными участниками многих региональных проектов. Это проявляется в первую очередь в их участии в региональных международных организациях (СНГ, ГУАМ, ОЧЭС, ЦАРЭС и др.), а также в активном налаживании связей с крупными региональными интеграционными объединениями (ЕС, АТЭС, НАФТА, ШОС и др.).

Грузия и Азербайджан являются активными членами ГУАМ (ГУ(У)АМ). Его характерной чертой изначально стала ориентация на европейские и международные структуры с определенной антироссийской направленностью. Изменения, в том числе и в персональном составе членов организации показывает ее непрочность [4].

Большим интеграционным потенциалом, в том числе и для рассматриваемого региона обладает СНГ. В его состав изначально входили все государства Южного Кавказа, но в настоящий момент членство в Содружестве сохраняют Армения и Азербайджан (Грузия вышла из состава СНГ). Модель многоуровневой и разноскоростной интеграции могла бы стать возможным вариантом развития сотрудничества и для Кавказа.

Наиболее перспективным видится вступление в СНГ Абхазии и Южной Осетии, но очевидна сложность такого сценария.

Более эффективной может стать деятельность Таможенного Союза и ЕЭП (единого экономического пространства, объединяющего Россию, Белоруссию и Казахстан), однако перспективы присоединения к этим организациям государств Южного Кавказа также представляются весьма призрачными, но весьма экономически обоснованными.

В настоящее время, реализуя принцип суверенности, каждое из государств Кавказа следует своей траектории интеграционных процессов, которая продиктована, в том числе и религиозными традициями населения. Азербайджан входит в организацию исламская конференция (ОИК), ЭКО, а также Тюркский Совет, тогда как большинство населения Армении и Грузии сторонники христианских церквей, имеющих давние и прочные связи с Русской Православной Церковью. Сложность религиозной картины Кавказа делает страны региона объектом влияния различных конфессиональных движений и государств их поддерживающих.

Единственным региональным союзом, членами которого являются все основные субъекты Кавказского региона, выступает Организация черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС). Экономическая ориентация региональной организации сохраняет ее единство, но, к сожалению, не позволяет пока стать реальным интеграционным союзом.

Несмотря на многообразие региональных союзов, ни один из них не играет цементирующей роли на Кавказе, в силу чрезмерной политизированности международных процессов здесь и сравнительно небольшого опыта их функционирования. Существенными являются и различия в целях, принципах, методах деятельности. Наименее жизнеспособными нам видятся интеграционные объединения создаваемые «вопреки», направленные против влияния России.

Наряду с геополитическими характеристиками Кавказа отметим геоэкономические. Глобализация увеличила число стран, рассматривающих Кавказ в качестве зоны своих интересов. Возросли потребность высокоразвитых государств в

энергетических и сырьевых ресурсах и стремление государств обладающих этими ресурсами их предоставить. Повысилась заинтересованность внерегиональных акторов в проектах, предусматривающих добычу и транспортировку нефти и газа, прокладку коммуникационных линий, строительство инфраструктурных объектов.

Достаточно высока роль Кавказа и как источника масштабных, но пока еще не разработанных запасов природных ресурсов – железных, медных, хромовых руд, строительного сырья, но прежде всего углеводородных ресурсов.

Кавказ является и развивается как важнейший узел транспортных систем по линиям Юг – Север и Восток – Запад. Что превращает регион в объект не только конкуренции компаний, но и политического соперничества крупных держав. Здесь переплетаются как региональные (Россия, Турция и Иран), так и глобальные (США, страны ЕС, АТР и ББВ) интересы. Каждый из субъектов имеет свои предпочтения и по-своему представляет будущее Кавказа, влияя посредством имеющихся финансовых, политически, а в некоторых случаях даже религиозных рычагов, на процесс объединения кавказских государств. Очевидно, что для глобальных игроков предпочтительнее дезинтегрированность региона, усиление собственного влияния в ущерб региональным акторам.

Россия – ведущее государство не только на Кавказе, но и на постсоветском пространстве, континуитет позволяет вести речь об ее мировом статусе. Различные государства Кавказа в последние десятилетия находятся по отношению к России «в довольно неопределенном состоянии», будучи одновременно подвержены процессам реинтеграции и дезинтеграции с ней [5]. К сотрудничеству их подталкивают объективные экономические причины и исторические связи. На раскол «работают» новые экономические и политические реалии глобализации и воспринимающийся нередко отрицательно имперский и советский опыт взаимодействия.

На Кавказе реализуется ряд международных проектов, наиболее крупными из них стали «Контракт века», СПЕКА, БТД и БТЭ, в которых задействованы Азербайджан, Грузия и Россия,

ТРАСЕКА (восстановление «Великого шелкового пути»), ТАЕ (прокладка Транс-Азиатско-Европейской волоконно-оптической линии связи), ИНОГЕЙТ (программа сотрудничества для усиления безопасности поставок энергоносителей в ЕС) и целый ряд других. Развитие данных проектов происходит как бы вопреки политическому противостоянию, их реализация позволяет говорить о возможности использования западноевропейского опыта интеграции, следуя известной формуле «гигант в экономике, карлик в политике и ничтожный червяк в военном отношении».

В регионе проявляется стремление к диверсификации экономических и политических взаимоотношений: создание альтернативной, сложившейся еще в советский период системы добычи сырья и его транспортировки на мировые рынки. Строительство альтернативных новороссийскому маршруту трубопроводов Баку – Супса, Баку – Тбилиси – Джейхан и Баку – Тбилиси – Эрзерум, расширение регионального сотрудничества, также в противовес России (помимо ГУАМ это еще и союзы с государствами Центральной Азии в рамках ЦАРЭС, ЭКО и СПЕКА).

Таким образом, на территории Кавказа были созданы «региональные группировки, темпы развития которых существенно различаются» [6]. Это позволяет основание говорить о своеобразии нового регионализма на Кавказе: «Сегодня странам Кавказа недостает общности интересов и политических ориентиров, в результате чего на международной арене они защищают свои интересы сепаративно. На это есть веские причины: груз исторического прошлого (в течение многих лет неурегулированность взаимоотношений между Арменией и Турцией, вклинившаяся в память чеченцев кавказская война XIX в. и т.п.), развитие событий после развала Советского Союза» [7].

На протяжении истории Кавказа «геополитическая» и «геоэкономическая» составляющая региона находились в постоянном соперничестве. С одной стороны, он всегда выполнял роль своеобразной буферной зоны для окружающих его империй, с другой, именно этот регион представлял собой оптимальный транспортный коридор между Европой и Азией.

Страны Кавказа ведут разноплановую интеграционную политику, при этом выраженной тенденцией является усиление двусторонних межгосударственных экономических отношений. Сравнительно низкая эффективность региональных объединений связана с их чрезмерной политизированностью, но в последние годы выраженным трендом является рост ориентации на развитие экономических региональных и межгосударственных отношений.

Перспективы развития Кавказа в решающей степени зависят от рационального использования преимуществ его расположения между мегарегионами, причем именно геоэкономика должна определять внутриэкономическую стратегию и модель поведения государств Кавказа. Политические возможности интеграции Кавказа представляются малореализуемыми [8]. В то время, как глобальные процессы вопреки региональным тенденциям, ведут к созданию нового формата развития подобных регионов.

Примечания

1. *Алиев Р.* «Кавказский дом». Концептуальная основа урегулирования конфликтов в регионе. // Кавказ, 1997, № 1; *Мамедов Р.* Кавказский общий дом. // Кавказ, 1997, № 2; *Халаддин И.* Кавказский дом: миф и реальность. // Кавказ, 1997, №1. *Гаджиев К.С.* Геополитика Кавказа. М., 2001; *Дугин А.Г.* «Кавказский вызов». Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. М., 2000; *Дегоев В.В.* Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001; *Он же.* Россия, Кавказ и постсоветский мир: прощание с иллюзиями. М., 2003. *Кулиев Г.* Геополитические коллизии Кавказа // Центральная Азия и Кавказ, 1999, № 4.
2. *Исмаилов Э.* Новый регионализм на Кавказе: концептуальный подход // http://www.ca-c.org/c-g/2006/journal_rus/c-g-1/02.ismailovru.shtml. (Дата обращения: 5.07.2012).
3. *Теуб-оглы Р.* Соединенные Штаты Закавказья. // Зеркало, 2000, 15 апреля.
4. *Язькова А.* Саммит ГУАМ: намеченные цели и возможности их реализации // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. – Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2005.
5. *Рондели А.* Грузия на постсоветском пространстве // Кавказские региональные исследования, 1996, № 1. С. 98.
6. *Мацнев Д.* Кавказский перекресток // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 1 (7). С. 59, 67.
7. *Бичашвили М.* Регионализм во внешней политике южнокавказских стран. // <http://ija.hetq.am/ru/r-mbichashvili.html>. (Дата обращения: 5.07.2012).
8. *Дегоев В.В.* Россия, Кавказ и постсоветский мир: прощание с иллюзиями. М., 2003, С. 260-264.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ 1991–2008 гг.

Кавказское направление внешней политики России является одним из важнейших. Это обусловлено рядом факторов геополитического, военно-стратегического, экономического, культурного характера. Представляется актуальным рассмотреть основные проблемы, связанные с реализацией внешнеполитического курса России на Кавказе с учетом продвижения национальных интересов в виду взаимозависимости этих критериев.

Национальные интересы России на Южном Кавказе складывались на протяжении нескольких веков и продолжают свое развитие в условиях многополярного мира. Опираясь на тесные историко-культурные связи с регионом, у России есть все основания поддерживать особые отношения со всеми странами Кавказа, в том числе новыми, «непризнанными» республиками Абхазией и Южной Осетией, получившими официальное признание России в 2008 г.

В данной статье будет рассмотрена проблема эволюции национальных интересов России в отношении Кавказского региона в период с 1991 по 2008 гг. Нижняя хронологическая черта обусловлена моментом образования нового государства Российская Федерация, верхняя – признанием независимости республик Абхазия и Южная Осетия.

В научной литературе о национальных интересах подробно говорили представители течения политического реализма. Г. Моргентау отмечал, что «национальный интерес основан на своеобразном географическом положении государства и вытекающих из этого особенностей его экономического, политического и культурного развития с одной стороны и также на особенностях человеческой природы – с другой [1].

Представители либеральной мысли полагали, что национальные интересы существуют только при условии того,

что в их основе лежат моральные нормы и глобальные проблемы современности.

Отечественные специалисты, изучающие данный вопрос, придерживаются идеи материальности национальных интересов (энергетические ресурсы, территория, военный потенциал, деньги и т.д.) По их мнению, в демократическом обществе «национальный интерес формируется как некое обобщение интересов граждан» [2].

Отличие в дискуссии о сути национальных интересов между зарубежными и отечественными учеными состоит в том, что последние ставят под сомнение возможность использовать понятие национальных интересов в отношении многонационального государства. На начальном этапе, по их мнению, должно быть создано гражданское общество в качестве базовой основы, на которой возникает нация, и только после этого формируются национальные интересы. Понятия национальный и общественный интерес обобщены по необходимости они конкретизируются, однако при таком подходе отрицается самостоятельность внешней политики как таковой, и она рассматривается как продолжение внутривнутриполитического развития страны.

В сложных политических и социально-экономических условиях начала 1990-х гг. перед руководством России встал насущный вопрос об определении национальных интересов государства в новых реалиях многополярного мира. Это было продиктовано необходимостью формирования нового внешне- и внутривнутриполитического курса с учетом сохранения для России статуса сильного независимого государства, не идущего на поводу у мировых лидеров. Это требовало скорейшего отражения национальных интересов страны в основополагающих государственных документах.

Принятая в 1993 г. Конституция РФ наделила граждан либеральными правами и свободами, обозначила светский статус государства. Позднее эти положения были расширены и уточнены в Концепциях внешней политики от 1993 г. и национальной безопасности от 1997 г., где давалось определение национальных интересов Российского государства.

В последнем десятилетии двадцатого века ситуация на Кавказе осложнилась тем, что в ряде республик вспыхнули межнациональные и межэтнические конфликты, причины которых во многом были predeterminedены общим советским прошлым. Изменился в сторону нейтрального и внешнеполитический вектор взаимоотношений России с Азербайджаном и Грузией.

Важным аспектом реализации российской политики на Южном Кавказе стали объективные тенденции развития региона: разный уровень развития демократии, и ее восприятия в трех закавказских государствах; отсутствие у Армении, Грузии и Азербайджана четко сформулированных стратегий национальной безопасности; региональные конфликты и диаметрально разные подходы государств Южного Кавказа к урегулированию этих конфликтов; отсутствие координации в деятельности государств Закавказья в различных международных организациях по причине разнонаправленности интересов [3].

Это объясняет трактовку национальных интересов российского государства в условиях появления новых угроз: обеспечения безопасности границ России в связи с нестабильным положением в соседних республиках, недопущения развития чеченского сепаратизма, опирающегося на поддержку некоторых южно-кавказских республик; недопущения в регион вмешательства соседних стран, преследующих цель способствовать урегулированию вооруженных конфликтов и упрочению положения на Южном Кавказе.

Учитывая данные факторы, были сформулированы российские национальные интересы: обеспечение региональной стабильности на основе тесных партнерских отношений с государствами Южного Кавказа; использование транзитной возможности кавказских республик с целью взаимодействия с Ираном, Индией и другими азиатскими странами в противовес усилению позиций ЕС и США на Востоке; торгово-экономические взаимоотношения, удержание рынков сбыта продукции российских производителей; защита интересов русскоязычного населения, проживающего после распада союза в республиках Южного Кавказа. В Стратегическом курсе России с

государствами-участниками СНГ также отмечалось, что «национальным интересам России и общим интересам государств СНГ соответствует надежная охрана границ по периметру СНГ, которая является их общим делом и должна осуществляться совместными усилиями» [4].

О российских национальных интересах в 1990-е гг. говорилось в ряде документов. В Послании по национальной безопасности президента РФ Национальному собранию от 1996 г. утверждалось, что национальные интересы являются «интегрированным выражением жизненно важных интересов личности, общества и государства».

В Концепции национальной безопасности от 1997 г. о национальных интересах говорилось в контексте обеспечения внутренней стабильности страны. В частности речь шла о «нейтрализации причин и условий, способствующих возникновению социальных и межнациональных конфликтов, национального и регионального сепаратизма [5]. Данный пункт отражал существующие проблемы, связанные с неурегулированными конфликтами в Грузии (Абхазия и Южная Осетия), Азербайджане и Армении (Нагорный Карабах). В качестве решения предлагалось «проведение такой государственной национальной политики, которая бы согласовывала интересы населяющих страну народов и стимулировала их к всестороннему сотрудничеству» [6]. В связи с недавним окончанием первой чеченской кампании и длительными переговорными процессами между кавказскими республиками при посредничестве России этот пункт Концепции должен был способствовать укреплению позиции Российской Федерации как многонационального и демократического государства.

В Концепции также обозначалось установление равноправных партнерских отношений с другими странами мира и региона с целью укрепления глобальной и региональной безопасности. Однако, объективным является тот факт, что во внешней политике менее чем за десять лет Россия не смогла преодолеть стремление к доминированию на постсоветском пространстве и в частности в Закавказье, в силу того, что

исторически всегда играла в регионе решающую роль на протяжении столетий.

Важным пунктом Концепции явилось обозначение национальных интересов в области защиты прав русскоязычного населения, проживающего за пределами России. Из-за высокой конфликтности региона возрос поток мигрантов из республик Закавказья в Россию. Это создало определенные сложности в российско-грузинских отношениях, связанные с выдачей российских паспортов гражданам Абхазии и Южной Осетии, являющихся автономными образованиями Грузии, несмотря на объявления своей независимости. В связи с охлаждением в российско-грузинских и российско-азербайджанских отношениях наши соотечественники начали испытывать затруднения в вопросах трудоустройства в южнокавказских республиках, поскольку приоритет отдавался титульной нации. Престижная работа являлась прерогативой для национального большинства республик, что еще более усугубило ситуацию.

Таким образом, российская политика на Южном Кавказе в 1991-1998 гг. имела дифференцированный подход, в виду того, что с каждой из республик Россия сотрудничала по отдельным вопросам. Наиболее тесные отношения сложились с Арменией, получавшей регулярную экономическую и военную помощь. Напряженность возникла в российско-азербайджанском диалоге из-за конфликта в Нагорном Карабахе, в котором Россия поддержала армянскую сторону. Ухудшились взаимоотношения с Грузией, руководство которой к концу 1990-х гг., стремясь дистанцироваться от России, оказывало значительное внимание чеченским сепаратистам. Все эти факторы выявили необходимость пересмотра политики в области национальных интересов России в кавказском регионе.

После прихода к власти В.Путина российско-грузинские отношения стали более прагматичными, Россия постепенно начала отходить от безоговорочной поддержки территориальной целостности грузинского государства и стала формировать новую геополитическую линию в Закавказье. Отчасти на это повлиял тот факт, что Грузия продолжила активный курс на сближение с европейскими и американскими партнерами.

В Концепции внешней политики РФ от 2000 г. Россия в отношении Кавказа заявила о намерении «проводить целенаправленный курс на превращение его в зону мира, стабильности и добрососедства, что будет способствовать продвижению российских экономических интересов, в том числе в вопросе выбора маршрутов прохождения важных потоков энергоносителей» [7]. Из чего следует вывод о смещении акцентов в российской внешней политике от проблем безопасности в сторону экономических интересов.

В начале 2000-х гг. в Грузии произошла «революция роз», следствием чего явилось провозглашение курса на ускоренную интеграцию страны в евроатлантическое пространство путем присоединения к ЕС и НАТО. Эта ситуация явилась вызовом для России, поскольку в ней содержалась прямая угроза национальной безопасности России, а именно «возможность появления в непосредственной близости от российских границ иностранных военных баз и крупных воинских контингентов» [8].

В Азербайджане с приходом нового президента И.Алиева в 2003 г. была продолжена реализация курса на установление стратегических связей с Турцией, странами исламского мира на основе энергетического потенциала региона. Взаимоотношения с Россией оставались нейтральными в связи с рядом обстоятельств. Азербайджанская сторона выражала обеспокоенность по поводу поддержки Россией армянских вооруженных сил в нагорно-карабахском конфликте. Эти опасения приобрели новое звучание в 2000-х гг., в связи с закрытием российских военных баз в Грузии и переброской российской военной техники в г. Гюмри (Армения).

Для России негативной явилась ситуация, сложившаяся вокруг энергетических ресурсов Южного Кавказа. Строительство трубопровода Баку-Тбилиси-Джейхан в обход России, а также проект создания нефтепровода Актау-Баку для транзита казахской нефти на Запад через территорию Азербайджана показали, что эти инициативы носят в большей степени политический, нежели экономический характер и свидетельствуют

о желании США получить стратегический контроль над регионом.

В рекомендациях Совета Безопасности РФ в 2005 г. предлагалось настаивать на учете своей позиции при выработке любых формул региональной безопасности, так как Кавказ – это целостный организм, включающий часть российской территории. А также выделить в качестве приоритетов в регионе искоренение терроризма и экстремизма, мирное урегулирование карабахского, абхазского и южноосетинского конфликтов, защиту малых народностей из числа разделенных этносов [9].

Таким образом, российские национальные интересы на Южном Кавказе в 2000-е гг. осуществлялись в сложных условиях политических преобразований, ориентированных в случае Грузии на США, и Турцию в случае с Азербайджаном; активного военно-политического присутствия ряда западных стран в регионе, а также антироссийских настроений, связанных с нежеланием видеть Россию в качестве решающего актора силы на Южном Кавказе.

Принципиальным вопросом стало понимание того, что долгосрочная стабильность на Кавказе невозможна при сохранении стратегических позиций в Закавказье, хотя бы в одной стране региона, любого нерегионального государства, особенно США [10].

После событий августовской войны 2008 г. российский президент Д.Медведев отметил формирование качественно новой геополитической ситуации, в условиях которой Россия продолжает активно защищать свои национальные интересы и эффективно выполнять миротворческие функции. Это означало, что у России в регионе помимо дружественно настроенной Армении появились два новых союзника в Абхазии и Южной Осетии, что в перспективе позволит в дальнейшем реализовывать совместные военно-стратегические и экономические инициативы.

Основой для дальнейшего сотрудничества с государствами Южного Кавказа, а также усиления своего политического влияния для России могут стать новые инициативы по урегулированию этнополитических конфликтов в регионе, а также развитие торгово-экономических отношений и

долгосрочных проектов в области энергетического взаимодействия.

Примечания

1. *Цыганков П.А.* Теория международных отношений. М.: Гардарики., 2003. С. 290.
2. *Торкунов А. В.* Современные международные отношения. М., МГИМО (У), 2001. С. 468.
3. *Койбаев Б.Г.* Россия и Южный Кавказ: геополитика и проблемы безопасности. URL: http://www.talish.info/news/rossija_i_juzhnyj_kavkaz_geopolitika_i_problemy_bezопасnosti/2012-11-21-2987 (дата обращения: 20.08.2013).
4. Указ Президента РФ от 14.09.1995 № 940 «Об утверждении стратегического курса Российской Федерации с государствами - участниками Содружества Независимых Государств». URL: <http://www.lawmix.ru/zkrf/5092> (дата обращения: 20.08.2013).
5. Концепция национальной безопасности 1997. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1.html> (дата обращения: 20.08.2013).
6. Там же.
7. Концепция внешней политики 2000. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/25.html> (дата обращения: 20.08.2013).
8. Концепция национальной безопасности 2000. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1.html> (дата обращения: 20.08.2013).
9. Проблемы национальной безопасности/ Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. -2005. -№ 11 (263). URL: <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2005/vestniksf263-11/vestniksf263-11030.htm> (дата обращения: 20.08.2013).
10. *Векуа Г.* Поделят ли Россия и Турция Южный Кавказ // URL: <http://evrazia.org/article/1488> (дата обращения 20.08.2012)

Чёрный В.И., Бондаренко В.И. (г. Краснодар)

СПИТАКСКОЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ И ПОМОЩЬ РЕГИОНОВ РСФСР ПОСТРАДАВШИМ РАЙОНАМ АРМЕНИИ В 1988-1991 гг. (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

7 декабря 1988 г. в Армении случилась большая беда – разрушительное землетрясение, в результате которого пострадала значительная часть республики. В эпицентре сила толчков достигала 8-10 баллов по 12-ти балльной шкале [1]. Полностью был уничтожен г. Спитак, сильно пострадали города Леникан, Кировокан, а также Спитакский, Степанаванский, Амасийский и

Гугарский районы Армянской ССР. В историю XX века это землетрясение вошло как «Спитакское».

Согласно докладу руководителя Армении в 1989 г. – С.Г. Арутюняна, стихия охватила 40% территории республики с населением почти в 1 млн. человек. А всего пострадали 21 город и район, 342 села, из которых 58 были полностью разрушены. Стихия унесла свыше 25 тыс. человеческих жизней, увечья и ранения получили около 19 тыс. чел. Землетрясение уничтожило около 8 млн. м.² жилья, что составило почти пятую часть всего жилого фонда республики. Без крова остались 514 тыс. чел. Были разрушены или находились в аварийном состоянии 277 школ, 245 детских дошкольных учреждений, 250 объектов здравоохранения, 324 клуба и дома культуры. В руинах лежали более 170 промышленных предприятий, филиалов и производственных участков, потеряны производственные мощности по выпуску промышленных товаров на сумму почти 2 млрд. рублей в год, 82 тыс. трудящихся лишились рабочих мест. Существенно пострадали 209 совхозов и 90 колхозов. Землетрясением разрушено 80 предприятий перерабатывающей промышленности, около 1200 животноводческих помещений и других объектов производственного и сельскохозяйственного назначения. Потери по агропромышленному комплексу республики составили свыше 2 млрд. руб. В целом общий народнохозяйственный ущерб без затрат на спасательные и аварийные работы оценивался в 10 млрд. рублей. Из пострадавших районов Армении было эвакуировано 114 тысяч женщин, стариков, детей. За пределы республики вывезено более 32 тыс. детей [2].

Беда в Армении была огромной. Она принесла большое горе, страдания, а также ощущение несправедливости и обиды. Однако, главным, определяющим в те трагические дни, было человеческое братство, сострадание и соучастие. Особо проявилось чувство настоящего интернационализма. Население практически всех уголков нашей страны и мира откликнулись на трагедию. По состоянию на 10 мая 1989 г. помощь поступила из 113 стран на сумму 551 млн. 584 тыс. долл. Наибольшую помощь в денежном выражении предоставили: Италия – 94,8 млн. долл.,

ФРГ – 84,2 млн. долл., США – 41,6 млн. долл., Англия – 38 млн. долл., ЧССР – 34,5 млн. долл., Франция – 27,9 млн. долларов. Общее число иностранных специалистов, работавших в Армении, составило свыше 3,6 тыс. человек, включая 1,5 тыс. спасателей из 26 государств и около 500 врачей из 16 стран [3].

Несмотря на большую поддержку зарубежных стран, основную помощь в спасательных и восстановительных работах в Армении оказали регионы Советского Союза, всех союзных республик, особенно РСФСР. Практически все уголки России пришли на помощь братскому армянскому народу. С первых дней трагедии из России в зону бедствия круглосуточно и без перерыва прибывали врачи, спасатели, строители, техника необходимая для ведения спасательных и аварийных работ, гуманитарная помощь, денежные средства. Обратным путем из пострадавших районов отправляли пострадавших, беженцев. В российских регионах они размещались в лучших медицинских учреждениях и здравницах. Для скорейшей ликвидации последствий землетрясения в Армении в 1988-1991 гг. был задействован практически весь потенциал Российской Федерации.

Не остался в стороне от беды и Краснодарский край, который оказал пострадавшей союзной республике значительную помощь. В телеграмме соболезнования народу Армянской ССР, подписанной Краснодарским крайкомом КПСС и ВЛКСМ, Краевым советом профессиональных союзов и Крайисполкомом, говорилось, что всё население Кубани разделяло горе и страдания Армении и было готово оказать республике максимальную помощь всеми силами и средствами, какими располагал край [4]. И эти искренние и тёплые слова сочувствия и поддержки не разошлись с делом. Краснодарский край в первые же часы после известия о трагедии активно включился во весь широкий спектр спасательных, аварийных и восстановительных работ.

Весть о случившейся трагедии в Армянской ССР пришла в Краснодар значительно раньше, чем она была показана в программе «Время» по центральному телевидению. Уже через несколько часов после землетрясения в Краснодаре начал работать краевой штаб по оказанию помощи Армении, который

возглавила зам. председателя крайисполкома Степанова Р.П. В этот орган вошли представители крайкома КПСС, крайсовпрофа, комсомола, служб крайисполкома и Красного Креста [5]. Аналогичные штабы стали возникать во всех городах и районах края.

В 18 часов 7 декабря 1988 г. в Краевой отдел здравоохранения пришло уведомление Минздрава РСФСР о выделении врачей для оказания помощи пострадавшим в зоне бедствия. И уже в ночь на 8 декабря из краснодарского аэропорта спецрейсом в Ереван была отправлена первая группа кубанских врачей и медсестёр города численностью 34 человека [6]. Группу возглавил врач-хирург краевой клинической больницы П.А. Голубцов, впоследствии награждённый медалью «За трудовое отличие» [7]. Краснодарские медики оказали врачебную помощь сотням пострадавших в Эчмиадзинской центральной больнице [8]. Работу этой бригады кубанских врачей высоко отметил Католикос всех армян Вазген I [9].

В зоне бедствия находилось немало медработников и из других районов Краснодарского края. Кроме дипломированных медицинских специалистов, оказывали помощь и многочисленные группы студентов медицинских вузов. Только отряды студентов Кубанского медицинского института в течение двух недель круглосуточно работали в пострадавших районах Армении, показывая не только высокую профессиональную подготовку, но и мужество.

Одновременно со спасательными, шли и восстановительные работы. 9 декабря 1988 г. в зону бедствия из Краснодара был отправлен сводный строительный отряд краснодарского крайисполкома, состоящий из 302 чел. и 102 единиц строительной техники под руководством Ю.Г. Паляя [10]. Кубанцы прибыли в разрушенный Кировакан 11 декабря 1988 г. и сразу же включились в аварийно-спасательные работы [11]. Данный отряд с 11 декабря 1988 г. по 25 января 1989 г. работал в пострадавших районах Армении и обеспечил проведение значительного объема работ по восстановлению объектов жизнеобеспечения г. Кировакана, а также Спитака, Степанавана и

Гугарского района и заслужил теплые слова благодарности и признательности руководства Армянской ССР [12].

В посёлок Ширакамут Спитакского района 11 декабря 1988 г. прибыла механизированная колонна «Краснодарагропромстроя» в составе 59 человек под руководством Рыбалко В.П. [13] Восстановление этого населенного пункта целиком выпало на долю агропромышленного комитета Краснодарского края [14]. Коллектив Рыбалко в зоне бедствия являлся образцовым в решении задач и организации восстановительных работ, а своим отношением к работе и подходом к делу вызывал восхищение местных жителей.

Ещё один крупный строительный отряд, состоящий из посланцев Краснодарского края, в начале 1989 г. отправился в другой сильно пострадавший от стихии город – Ленинакан. С Кубани в этот город был направлен строительный поезд с техникой и 300-ми специалистами. Коллективу стройпоезда предстояло возвести в этом до основания разрушенном населённом пункте жилые дома и объекты социально-бытового и культурного назначения [15].

Не осталась, как всегда, в стороне от беды и кубанская молодёжь. Краснодарским крайкомом ВЛКСМ в зону бедствия было направлено несколько интернациональных молодёжных спасательных отрядов, состоящих исключительно из добровольцев. Уже 10 декабря в Армении приступили к работе 240 посланцев комсомола Кубани: строители, горноспасатели, крановщики [16]. Комсомольские отряды края напряженно трудились на восстанавливаемых объектах и вернулись домой, выполнив поставленные задачи.

Участие в спасательных и восстановительных работах в Армянской ССР принял и уже достаточно хорошо известный в крае и стране по оказанию помощи в ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы Краснодарский полк Гражданской Обороны (военная часть 47049), укомплектованный кубанскими резервистами, из которых более 150 человек прошли через Чернобыль. Личный состав этого подразделения прибыл в разрушенный Спитак 12 декабря 1988 г. и сразу же включился в спасательные и аварийные работы в пострадавшем городе и

районе. На протяжении многих месяцев кубанцы в составе данного полка ГО разбирали завалы, сносили аварийные здания и вывозили обломки, помогали местным жителям.

В зоне бедствия в Армении работали также лётчики Краснодарского и Сочинского авиаотрядов, водители Краснодарского транспортного управления, сотрудники кубанской милиции, представители других предприятий, организаций и научных учреждений Краснодарского края.

О весомости вклада кубанцев свидетельствует тот факт, что уже спустя 10 дней после трагедии в зоне бедствия трудилось свыше 2,5 тыс. кубанских специалистов [17]. А к сентябрю 1989 г. для участия в ликвидации последствий землетрясения в Армении из края было направлено более 6 тысяч специалистов [18]. Кубанцы продолжали трудиться в пострадавших городах и сёлах вплоть до 1991 г. К сожалению, из-за конфликта между Арменией и Азербайджаном, распадом СССР, а также последующего политического, социально-экономического положения в стране восстановительные работы не были полностью завершены.

Первая и самая большая нагрузка по эвакуации населения из пострадавших районов Армении пришлась на Краснодарский край. Эта задача, наряду со спасительными работами, была первостепенной. Начиная с 11 декабря 1988 г. на Кубань стали прибывать женщины, старики и дети – жители армянских городов и сёл [19]. Буквально за несколько недель край принял около 32 тысяч человек из Армянской ССР [20]. Приём и размещение беженцев производились достаточно слаженно и организовано. Большая часть из них была размещена в здравницах на Черноморском побережье. Был задействован практически весь кубанский курортно-рекреационный комплекс. По данным на 1 марта 1989 г. в Сочи было поселено – 7772 человек, Геленджике – 5021, Туапсе – 6419, Анапском районе – 4658 человек из пострадавших районов [21]. Все прибывшие на Кубань были окружены постоянной заботой и вниманием, находились под строгим медицинским присмотром, обеспечивались всем необходимым. Специально для армянских детей организовывались временные школы, где преподавание

велось на армянском языке, организовывалась культурная программа и досуг, а для малышей создавались ясли и специальная молочная кухня. Всего в обслуживании жителей Армении, прибывших в Краснодарский край и размещённых в кубанских здравницах, было задействовано несколько тысяч человек, среди которых врачи, персонал санаториев и пансионатов, учителя, активисты Красного Креста, а также добровольцы.

Не скупилась Кубань и при сборе денежных средств для Армении. Известно, что уже на следующий день после трагедии в Госбанке СССР был открыт специальный счёт для пострадавших (№ 700412), на который каждый желающий мог положить деньги. На Кубани, как и по всей стране, развернулась широкая пропагандистская кампания по сбору денежных средств для пострадавших. На призыв о помощи откликнулось всё многонациональное население края. На промышленных предприятиях и в колхозах, госучреждениях, вузах и школах проводились митинги солидарности с армянским народом. Вносили свои средства все: рабочие и колхозники, служащие, пенсионеры и даже школьники, независимо от своего возраста, достатка и национальной принадлежности. Уже через неделю после открытия счёта кубанцами было перечислено 2 млн. 39 тыс. руб. [22] Всего же предприятиями, организациями и жителями края было внесено в фонд помощи свыше 7,5 млн. руб., которые сразу же были переведены в Ереван [23]. Для детей Армении на счёт № 707301 собрано 1 млн. 200 тыс. руб. [24] Кроме того, по инициативе Краснодарского крайисполкома для обеспечения всем необходимым эвакуированных на кубанскую землю населения пострадавших районов был организован дополнительный сбор денежных средств. На счёт краевого отделения Красного Креста с пометкой «для жителей Армении» поступило 9 млн. руб. [25]. Однако, этим материальная помощь Кубани Армянской ССР не ограничилась. В соответствии с постановлением правительства СССР от 27 декабря 1988 г. № 1462 «О мерах по восстановлению сельских населённых пунктов и производственных объектов агропромышленного комплекса в районах Армянской ССР, пострадавших в результате

землетрясения» Госагропром РСФСР предусмотрел дополнительные поступления в бюджет края из прибыли совхозов и перерабатывающих предприятий в сумме 33,8 млн. руб. с последующей передачей их Армении [26].

Не меньшей по своему масштабу была и кампания по сбору гуманитарной помощи для попавших в беду соотечественников. Как писала центральная русскоязычная армянская газета «Коммунист»: «Не найти на Кубани станицы, хутора или аула, где бы болью не отозвалось горе, постигшее армянский народ» [27]. И эти слова не расходились с действительностью. В каждом населённом пункте Краснодарского края организовывались специальные пункты, где люди могли передать для жителей Армении медикаменты, продовольствие, одежду и другие предметы первой необходимости. Тысячи кубанцев откликнулись на беду. Круглосуточно сотни партийных и комсомольских работников, активистов Красного Креста и добровольцев принимали от населения посылки для пострадавших, сортировали и отправляли их в зону бедствия. Кроме того, многие кубанские предприятия безвозмездно направляли свою продукцию в пострадавшие районы. День ото дня нарастал поток грузов, направляющихся в Армянскую ССР. Гуманитарная помощь, техника, строительные материалы продолжали поступать с Кубани в зону бедствия в большом объёме весь 1989 г.

Подводя итоги по вышесказанному вопросу, отметим, что правительство СССР довольно высоко оценило помощь жителей Краснодарского края Армении. Многие из кубанцев, принявших участие в спасательных и восстановительных работах в Армянской ССР, а также работавших в штабах и размещавших на кубанской земле эвакуированное население, были удостоены государственных наград, почётных грамот, премий и слов благодарности и признательности. В 1989 г. за мужество и самоотверженные действия, проявленные при ликвидации последствий землетрясения в Армении, награжден орденами и медалями СССР 141 житель Краснодарского края, в том числе орденами «Трудового Красного Знамени» - 3 чел., «Дружбы Народов» - 21 чел., «Почёта» - 29, «За личное мужество» - 4 чел.,

«Трудовой славы 3-й ст.» - 1 чел., медалями «За трудовую доблесть» - 46 чел., «За трудовое отличие» - 37 чел. [28].

Кубанцы: русские и адыги, украинцы и армяне, а также представители других национальностей, среди которых труженики предприятий и колхозов, представители научных коллективов, комсомольцы, кадровые военные и резервисты, были в числе тех, кто первым пришёл на помощь братскому армянскому народу, участвовал в спасательной операции в зоне бедствия, помогал восстанавливать разрушенные города и сёла республики и размещать в кубанских здравницах эвакуированных людей. Сотни тысяч жителей края приняли участие в сборе денежных средств, гуманитарной помощи для пострадавших. В те трагические дни всё население Кубани проявило чувство сострадания и соучастия, желание помочь попавшим в беду своим соотечественникам. За свой большой вклад в дело ликвидации последствий землетрясения и искреннюю помощь кубанцы снискали уважение и сердечную признательность всего армянского народа.

Примечания

1. *Гай Д.* Унесу боль твою... М, 1989. С. 67.
2. Доклад первого секретаря ЦК Компартии Армении Арутюняна С.Г. «О задачах партийных, советских и хозяйственных органов республики по выполнению постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР о мерах по ликвидации последствий землетрясения в Армянской ССР // Спитакское землетрясение: Зона бедствия вчера и сегодня. Взгляд через 20 лет. Сборник документов / Сост. А. Вирабян и др. Ереван, 2008. С. 258.
3. Информация замминистра иностранных дел СССР В. Никифорова в комиссию Политбюро ЦК КПСС по ликвидации последствий землетрясения в Армении об иностранной помощи Армении // Спитакское землетрясение... С. 195.
4. Советская Кубань. 1988. С. 1.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 157. Д. 538. Лл. 3-5.
6. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-1393. Оп. 8. Д. 1934. Л. 234-235.
7. ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 4. Д. 2195. Л. 129.
8. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 1774-А. Оп. 31. Д. 547. Л. 2.
9. *Мохов Н.* Протянули руку помощи // Советская Кубань. 1988. 31 декабря. С. 2.
10. ГАКК. Ф. Р-345. Оп. 2. Д. 1679. Л. 54.
11. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 31. Д. 547. Л. 3.
12. ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 7. Д. 3910. Л. 31.

13. ГАКК. Ф. Р-1826. Оп. 3. Д. 176. Л. 35.
14. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 650. Оп. 1. Д. 3885. Л. 22.
15. ГАКК. Ф. Р-1520. Оп. 5. Д. 70. Л. 18-25.
16. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 166. Д. 117. Л. 14.
17. Отчет о работе Краснодарского Крайкома КПСС за период с января 1986 г. по декабрь 1988 г. // Политический собеседник. 1989. № 1. С. 2.
18. ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 7. Д. 3867. Л. 156.
19. *Алборов Р.* Когда содрогнулась земля // Комсомолец Кубани. 1988. 14 декабря. С. 1.
20. Долгое эхо беды // Комсомолец Кубани. 1989. 7 декабря. С. 1.
21. *Адерехин А.* Беженцы // Комсомолец Кубани. 1990. 21 февраля.
22. Коммунист. 1989. 7 февраля. С. 3.
23. Долгое эхо беды // Комсомолец Кубани. 1989. 7 декабря. С. 1.
24. ГАКК. Ф. Р-1898. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.
25. ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 7. Д. 3949. Л. 31.
26. ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 7. Д. 3945. Л. 19.
27. Коммунист. 1989. 7 февраля. С. 3.
28. Посчитано по: ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 4. Д. 2195.

Аветисян В.Р. (г. Ставрополь)

АРМЕНИЯ – ПОСЛЕДНИЙ ФОРПОСТ РОССИИ В ЗАКАВКАЗЬЕ

Южный Кавказ был и остается одним из важнейших регионов мира. В этом регионе сталкиваются интересы многих государств, что естественно заставляет страны Южного Кавказа принимать соответствующие меры по обеспечению безопасности. Это диктует им разрабатывать свои стратегические перспективы, в том числе корректировать свои отношения с теми государствами, которые имеют интересы в данном регионе. Россия на протяжении не одного века защищала свои интересы в Закавказском регионе. В свою очередь, народы Закавказья – грузины и армяне, неоднократно просили российское правительство о защите региона от Персии и Османской империи. Однако, вплоть до XIX в. Южный Кавказ был ареной борьбы между двумя мусульманскими державами. Ситуацию изменила внешняя политика России в данном регионе, начавшаяся с императора Павла в конце XVIII в., когда был дан положительный ответ на очередное обращение грузин о

включении их страны в Российскую империю, и русские войска постепенно освободили территорию восточной Грузии. Позднее, в 1928 г., по Туркманчайскому договору с Персией, к России отходили территории Восточной Армении — Эриванское и Нахичеванское ханства. Вскоре практически все Закавказье, территории будущих государств Грузии, Армении и Азербайджана, было освобождено Россией [1].

Распад СССР и обретение независимости трех южно-кавказских республик по разному сформировал политическое, экономическое и военное взаимоотношение России с каждой республикой в отдельности. Ближе всех к России оказалась Армения. Посетивший несколько лет назад эту страну председатель Государственной Думы Российской Федерации четвертого и пятого созывов Борис Грызлов, назвал ее «форпостом Российской Федерации в Закавказье». Армения единственная из трех стран входит в ОДКБ – Организацию договора о коллективной безопасности, которая с военно-политической точки зрения является связующим ядром в рамках СНГ. Договор о коллективной безопасности был заключен в столице Узбекистана – Ташкенте 15 мая 1992 г. сроком на пять лет с возможностью последующего продления. В 1999 г. Арменией, Беларусью, Казахстаном, Кыргызской Республикой, Россией и Таджикистаном был подписан Протокол о продлении Договора о коллективной безопасности, на основании которого сформировался новый состав стран – участниц и установлен автоматический порядок продления действия Договора на пятилетние периоды. Целями Организации являются укрепление мира, международной и региональной безопасности и стабильности, защита на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета государств – членов. Азербайджан одно время входил в ОДКБ, но в начале 1990-х гг. вышел из организации. Грузия в 2009 г. окончательно вышла и из СНГ. И в этом отношении Армения, конечно, наиболее близкий к России партнер и союзник на территории Закавказья [2].

Несомненный интерес в этом плане представляют для России российско-армянские отношения и в целом армянское

направление ее внешней политики. Совокупная геостратегическая значимость Армении существенно превосходит простой набор таких фактов, как размеры ее территории, численность населения, экономические и прочие ресурсы. По мнению российских экспертов, «являясь важнейшей составной частью Закавказья, Армения в силу своего географического и геополитического положения, особенностей исторических связей с Россией может при правильной организации взаимодействия стать не только союзником Москвы, но и выдвинутым далеко на юг стратегическим плацдармом российского влияния на Кавказе» [3].

Дипломатические отношения между Российской Федерацией и Республикой Армения были установлены 3 апреля 1992 г. Время, прошедшее после этой даты, было отмечено динамично развивающимся и плодотворным сотрудничеством двух стран в самых различных областях. Комплекс российско-армянских отношений опирается на исторические связи между Россией и Арменией, основывается на Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 29 августа 1997 г., Декларации о союзническом взаимоотношении между Российской Федерацией и Республикой Арменией, ориентированном в XXI в., от 26 сентября 2000 г.

Однако основополагающей в взаимоотношении России и Армении играет именно военно-стратегическое значение Армении для России. Например, Армения может стать естественным связующим звеном возможной оси Москвы и Тегерана, как противовеса, формируемого странами Запада военно-политического треугольника Баку – Тбилиси – Анкара, связанного с интересами западноевропейских стран и США в данном регионе [4].

Нельзя забывать и о 102-й Российской военной базе, как одного из важнейших объектов геополитического присутствия России в Закавказье. Она возникла в 1995 г. в Армении в городе Гюмри в соответствии с межгосударственными договорами. На базе оставшихся после вывода войск соединений Краснознаменного Закавказского военного округа (среди которых выделялась 127-я мотострелковая дивизия) была

развёрнута 102-я российская военная база, которая несёт боевое дежурство в рамках Объединённой системы ПВО СНГ. База подчинена Группе российских войск в Закавказье Южного военного округа Российской Федерации. Договор о функционировании базы был заключён сроком на 25 лет, и был продлен еще на 49 лет в ходе визита Президента РФ Д.А. Медведева в Армению в 2010 г. Как пояснил министр иностранных дел Сергей Лавров, вопросы, за которые будут отвечать российские военнослужащие, касаются территории Армении, то есть в случае любой внешней угрозы – это будет рассматриваться как внешняя угроза для России. К концу 2012 г. число военнослужащих-контрактников российской военной базы в Армении до конца 2012 г. выросло вдвое.

Неотъемлемой частью развития военного партнерства между странами являются и частые двухсторонние военные учения, проводимые на территории Армении, в основном с участием 102-й Российской военной базы. Учения проводимые организацией ОДКБ, также все чаще стали проводиться на территории Закавказья, что говорит о росте значимости Южного Кавказа для стран участниц организации и России в частности. Каждое последующее учение проводится с привлечением все большего контингента военнослужащих и военной техники. А по мнению армянских политологов С. Минасяна и С. Григоряна – учения ОДКБ повысили значимость Армении в регионе.

Роль Армении как важного стратегического партнера России, возросла и после событий в двух других закавказских республиках: Грузии и Азербайджане. В Грузии отношение к российскому военному присутствию кардинально менялось за постсоветский период не один раз. Позиция режима З.Гамсахурдия была категоричной - скорейший вывод "оккупационных" войск. После прихода к власти Э.Шеварнадзе заключается Договор между РФ и Республикой Грузией о правовом статусе воинских формирований РФ, временно находящихся на территории Республики Грузии, однако с 1993 г. он так и не был ратифицирован и не вступил в силу. В дальнейшем, по настоянию руководства Грузии в 2001 г. прекратили свое существование российские военные базы

Вазиани и Гудаута. В середине 2000-х гг., у России складываются сложные взаимоотношения с Грузией, вынудившую вывести российские войска из Грузии в Армению [5]. А в связи с военным конфликтом в Южной Осетии в 2008 г. и вовсе были разорваны отношения между Российской Федерацией и Грузией. Неоднозначными были отношения и с Азербайджаном, которая в свою очередь стремилась поддерживать экономические, а не военно-политические отношения с Россией. Азербайджан с момента образования СНГ заявил о своих претензиях на все военные формирования, дислоцирующиеся на его территории.[6] Ярким примером данного явления можно назвать приостановление эксплуатации Габалинской РЭС находящейся на территории Азербайджана Россией в 2012 г. в связи с недоговоренностью касательно арендной стоимости указанной станции.

В связи с вышесказанными событиями в Закавказье в начале XXI в., можно сделать вывод о том, что Республика Армения на сегодняшний день остается единственным стратегическим партнером Российской Федерации в Южном Кавказе, взаимоотношения которых укреплены историческими, экономическими, политическими факторами.

Примечания

1. *Игнатов В.* Россия и Закавказье после распада СССР // *Стратегия России*, 2010, № 10.
2. Там же
3. *Романенко В.* Закавказье во внешней политике России // *Эволюция мирового порядка и внешнеполитическая стратегия России*. М., 2003. С. 134
4. *Товмасын В.* Сотрудничество России и Армении: геополитические аспекты // *Вестник Армяно-российского университета*, №2. С. 204
5. *Третьяков А.С.* Вооруженные силы РФ в республике Армения: некоторые правовые аспекты пребывания // *Право и безопасность*. 2003. №1-2.
6. Там же.

Муртузалиев С.И. (г. Москва)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПРОЕКТ ПО ИЗУЧЕНИЮ КАВКАЗА, КРЫМА И БАЛКАН В XVIII– XXI ВВ.

Цель статьи – привлечь внимание ученых разных государств к обсуждению и разработке долговременного (на несколько лет) международного Проекта по комплексному и мультидисциплинарному исследованию стран и народов в ареале так называемой «дуги нестабильности», включающей территорию Большого Кавказа, Крымского и Балканского полуостровов. Временные рамки проекта охватывают XVIII – начало XXI столетия. Подобная многофакторность открывает широкое поле для дискурса, для сравнительно-сопоставительных исследований, которые в подобном аспекте ранее не проводились. Хронологические рамки проекта охватывают XVIII–XXI вв. Предлагается несколько конкретных тем для начального этапа исследования.

Настоящий Проект направлен на выявление взаимоотношений между странами и народами рассматриваемой «дуги нестабильности», а в более широком плане – между Востоком и Западом, ибо это общее историко-культурное пространство, имеющее региональное своеобразие и динамику взаимодействия. Проект должен реализовываться в серии конкретно-исторических исследований, посвященных относительно «частным» вопросам и состоит из нескольких субпроектов, заменяемых по мере их исчерпания новыми. Конечная цель Проекта заключается в выявлении концептуальной, общекультурной и конкретно-исторической подосновы как общих взглядов на исследуемый регион в Новое и Новейшее время, так и специфики выделения и обсуждения тех проблем, которые в тот или иной момент времени представляются историкам, политологам, религиоведам, этнологам, культурологам и т.д. «ключевыми» для понимания.

Обоснование проекта. В XVIII в. (и задолго до этого) на рассматриваемой территории схлестнулись геостратегические и

прочие интересы (политические, этноконфессиональные, экономические...) Российской и Османской империй, Кавказских государств и политических образований, Крымского ханства, Персии, стран Западной Европы, а позднее и Америки. Но главными игроками и оппонентами в этом ансамбле держав были и остаются Россия и Турция.

Событийная история свидетельствует, что Россия и Турция сложились как державы, воспринимавшие с большим или меньшим успехом политические и культурные традиции, как Европы, так и Азии. «Россия непосредственно столкнулась с турками лишь спустя 150 лет после падения Константинополя по причине весьма прозаичной. К этому времени в черноморско-восточно-средиземноморском регионе сложилось господство двух родственных тюркских гособразований – крымского ханства и оттоманской государственности...» [1].

Обе державы – Россия и Турция – претендовали и на политическое и на духовное главенство. В основе противоборства лежали не только территориальные претензии, но и стремление каждой из сторон утвердить свою ведущую роль в судьбах православного христианства или мусульманского мира. Причем турецкий вассал – Крымское ханство (с XV по XVIII вв.) – служило ударной силой османской агрессии против России и других славянских стран. XVIII век явился чрезвычайно важным временем в истории российско-крымских отношений, когда закончился долгий период почти непрерывного противостояния и оба народа начали постепенно переходить к практике мирного сотрудничества.

В российской и зарубежной историографии довольно подробно освещены проблемы, связанные с историей российских и османских притязаний на территории Кавказа, Крымского и Балканского полуостровов. Результаты этих исследований позволяют констатировать, что к началу XVIII столетия взаимоотношения России с зарубежными христианами поднялись на новый уровень. Именно к периоду правления Петра I в сознании угнетенных христианских народов Балкан, Кавказа (у мусульманской части населения была своя специфика интересов!) и всего Ближнего Востока сформировался образ

России как Богом данной преемницы Византии (Москва – третий Рим а четвертому не быть) и освободительницы всего Православного Востока от многовекового османско-исламского владычества.

В последней четверти XVIII в. произошло идеологическое и военно-политическое оформление претензий России на регион Кавказа и Закавказья – определился еще один южный вектор российской внешней политики. Огромное значение имело то обстоятельство, что к началу XIX в. образовался Кавказский фронт. Освободив Южный Кавказ и взяв под защиту автохтонное население, Российская империя получала прямой выход к азиатским территориям Османской империи, также в значительной степени заселенным христианскими народами – армянами, ассирийцами, греками, езидами, православными сирийцами, а также курдами. В этой ситуации Порты оказывала мощную поддержку мусульманским народам Кавказа, пытаясь превратить их в антироссийский бастион, препятствующий связям Российской империи с христианами Кавказа и восточных вилайетов Османской империи.

На протяжении многих столетий Румелия – европейские владения Порты – была сферой пересечения политических интересов ведущих европейских держав. В XVIII–XIX вв. в балканские проблемы все активнее начинает вмешиваться Россия. В результате между этим «концертом государств» сформировались противоречия, вошедшие в историю под названием «Восточного вопроса», не имеющего аналогов в предшествующей истории Балкан, как и судьбоносная для народов полуострова русско-турецкая война 1877–1878 гг. [2].

Важнейшим рубежом в социально-экономической и политической истории народов обозначенного региона в конце XVIII–XIX вв. явилась смена феодализма капитализмом. Утверждение капиталистических отношений, означавшее ломку социальных и политических устоев прежней системы, вызывало и коренные изменения в мировоззрении народов.

XIX и начало XX в., а также рубеж XX–XXI вв. ознаменовались новыми кардинальными судьбоносными переменами для автохтонных и старожильских народов

балканских, кавказских и крымских территорий, для России, Турции и других сопредельных государств.

Сказанного, думается, достаточно для обоснования хронологических рамок Проекта – XVIII – XXI в. – и нет смысла перечислять сложные перипетии этих столетий, имевших огромное значение для народов рассматриваемого ареала. XVIII–XXI в. в истории Турции, Кавказа, Крыма (Украины) и Балканского полуострова столь же значительная веха, как и в истории России.

Реалии сегодняшнего дня говорят о том, что в результате развала СССР, ликвидации Варшавского блока и Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), иных коллизий и перемен сложилась новая геополитическая ситуация. Распад империй и формирование национальных государств, как известно, не только не ведут к ожидаемой стабильности, но порождают новые конфликты. В рассматриваемом ареале «по сути, происходит возвращение к ситуации конца XIX – начала XX вв., с присущими тому времени взаимными территориальными претензиями и этническим национализмом» [3]. И как писал в свое время британский публицист Д.Э. Бакер: «Балканы и Малая Азия занимают самую важную стратегическую позицию в мире. Они представляют собой ядро и центр Старого Света, разделяют и одновременно связывают три материка: Европу, Азию и Африку...» [4]. Подобную роль играет и Большой Кавказ.

Не углубляясь в историографию вопроса (это большая самостоятельная тема), приведем только несколько мнений современных специалистов. Характеризуя ситуацию, Харламбий Политидис (член президиума Конгресса национальных объединений России) замечает: «Обозревая пятивековую историю русско-турецких отношений, можно уверенно заявить, что их интересы полярно-антагонистичны по, во-первых, – геополитической сущности, во-вторых, частично, – в культурно-религиозном аспекте, ибо Балканы, Кавказ и Крым в геополитическом смысле – буферные зоны и могут быть в сфере влияния и контроля либо Великой Русской равнины, либо Анатолии (касательно Балкан, Кавказа и Крыма); либо Иранского

нагорья (касательно Кавказа и Крыма и в меньшей степени Балкан)» [5].

Кавказ с давних времен воспринимался и как пограничный регион и как связующее звено (мост) между Западом и Востоком. Этот факт приобретает еще большую актуальность в связи с возрастающей ролью таких титанов азиатского региона, как Индия и Китай. Сегодня Кавказ представляет собой один из самых нестабильных регионов Российской Федерации, утративших «сознание целостности и единства, ощущение зримого присутствия в мире» [6]. Не случайно многими политологами и геополитиками он рассматривается как регион, которому суждено стать «русскими Балканами», выступив в качестве ключевого звена «евразийского пояса нестабильности», простирающегося от Балкан до Гималаев.

В настоящее время Большой Кавказ являет собой ристалище, где схлестнулись «интересы России, Европы, Ирана, Китая, США и Турции; ключ к запасам энергоносителей стран Средней Азии, а следовательно и возможности политического влияния на обширнейший регион», в котором политическая ситуация становится все тревожнее. «Государства прикаспийского региона активно вооружаются и это один из признаков взаимного недоверия и эскалации напряженности» [7].

Значительные изменения конца XX – начала XXI в. прервали традиционную политику изоляции Турции от региональных конфликтов и активизировали ее участие в региональных разногласиях. В аналитическом докладе турецкого исследователя Тогрула Исмаила говорится: «...пытаясь удержать свою западную поддержку неприкосновенной, Турция добавила новые компоненты», а точнее, вернулась к прежним (С.М.) – Ближний Восток, Крым (Черноморский регион), Кавказ и Балканы – как подсистемы своей внешней политики [8].

Результатом усиления политического, экономического и культурного влияния Турции на Юго-Восточную Европу явилось введение экспертами понятия «балканский неоосманизм». Не секрет, что и для России страны и народы этих «компонентов» уже много столетий являются зоной повышенного интереса, а в последние десятилетия для США и ряда европейских держав.

Оценивая современное положение дел, вслед за другими исследователями можно говорить о том, что на международной арене Россия и Турция, как и прежде, являются в экономическом и политическом плане самыми влиятельными государствами в регионе Большого Кавказа, в бассейне Черного моря и на Балканах.

Результаты долгосрочного соперничества/сотрудничества (напр., год Турции в России и год России в Турции, активизация политических, экономических, культурных и торговых связей) между указанными государствами прямо или косвенно отражаются на развитии соседних стран и сопредельных территорий, влияют на динамику развития экономики, на выработку контртеррористической политики, на развитие ситуации безопасности и т.д.

Таким образом, весьма непростая и бурно развивавшаяся история рассматриваемого нами региона, с беспрецедентным переплетением политических, социально-экономических, этноконфессиональных явлений и судеб людей и огромным взаимовлиянием культур уходит корнями вглубь веков. Подобная многофакторность открывает широкое поле для дискурса, для сравнительно-сопоставительных комплексных и междисциплинарных исследований, которые в подобном аспекте ранее не проводились.

Целью предлагаемого мною Проекта должно стать изучение контактных зон цивилизаций в ареале Кавказа, Крыма и Балканского полуострова (далее – ККБ) в период с XVIII по XX вв. (в некоторых темах – и начало XXI в.), с выявлением специфики и общих черт, соизмерением полученных результатов.

Для примера конспективно обозначим несколько тем из множества возможных (перечень может быть продолжен).

Темы для исследования

ТЕМА 1. Кавказ-Крым-Балканы: этноконфессиональные и региональные компоненты национального менталитета исламско-христианского населения в XVIII - XX столетиях.

Изучение данных вопросов предполагает сравнительно-сопоставительный анализ и выявление региональной специфики

(с привлечением не только исторического, но и современного материала); возможно проведение социологических опросов (если исследование будет захватывать начало XXI в.) среди некоторой части автохтонного населения, разработку блока из нескольких анкет, желательно с привлечением специалистов по истории, этнопсихологии, конфликтологии, религиоведения, этнополитологии, социологии, этнологии и т.д. Заметим, что участие перечисленных и иных специалистов не только приветствуется, но распространяется и на все другие темы.

ТЕМА 2. Кавказ-Крым-Балканы: этнопсихологические аспекты межнациональных и конфессиональных отношений в «зонах нестабильности» (XVIII – XX вв.).

Данная тема также предусматривает комплексное междисциплинарное исследование: изучение исторических документов (в том числе литературные произведения, фольклор, художественно-изобразительные образы и т.д.), артефактов, проведение эмпирических исследований (при условии изучения реалий XXI в.) для изучения проблем деструктуризации общества, когда оно переживает периоды крупных социально-политических потрясений – своеобразного «социотрясения» (термин предложен Б.А. Грушиным), проблемы этнопсихологического отношения населения к конфликтогенным факторам в регионах, восприятия «своего» и «чужого», рассмотрение основных проявлений психологии масс и их механизмы, как внутренние, психологические, так и внешние, поведенческие. Исследование может быть продолжено до начала XXI в. для разработки проблем современной самоидентификации исследуемых этносов и государств и т.д.

ТЕМА 3. Кавказ-Крым-Балканы: исламско-христианские системы обучения и воспитания молодежи (XVIII – XXI вв.).

Образование – важнейший конструкт цивилизации, главным ее условием является преемственность общественной жизни, а образование и воспитание служат основным элементом, транслирующим культурные достижения. История таких многоконфессиональных и полиэтнических регионов как Кавказ, Крым и Балканы неразрывно связана с реалиями современной жизни, с актуальными проблемами строительства сегодняшней

системы образования, с решением дискутируемой проблемы сочетаемости/несочетаемости светского и религиозного образования и т.д. Таким образом, изучение истории и основных тенденций развития трех главных систем обучения (светская и конфессиональные: исламская, христианская) в исследуемом ареале позволит не только выйти за рамки национальных историй педагогики, но и вписать её во всемирный историко-педагогический процесс.

Проведение подобных исследований на Кавказе, в Крыму и на Балканах значительно обогатит историю самих народов, позволит создать коллективную(ные) монографию(фии), учитывающую(щие) общие и специфические аспекты конфессиональных систем образования и т.д.

Тема 4. *Этноконфессиональные аспекты политики царской России и Османской империи в ареале Кавказ-Крым-Балканы (XVIII – начало XX в. (может быть «разбита» на множество более «мелких» тем).*

Здесь, на вскидку, и проявления (отголоски) идей «османизма» и «Москва – третий Рим» в распространении влияния (укрепления позиций) Турции и России на рассматриваемых территориях, общие и специфические проявления этой политики, её восприятие автохтонным населением в зависимости от реалий рассматриваемых временных «отрезков» в каждом исследуемом регионе, конфессиональная политика и множество иных проблем. В рамках изучения, к примеру, периода середины – второй половины XIX в. (конец Кавказской войны, русско-турецкая война 1877–1878 гг. и т.д.) значительный интерес представляет анализ демографических проблем, миграционной политики, например, переселение немцев и других европейских христиан различного религиозного толка (течений) в Украину, на Северный Кавказ, параллельно - переселение (и депортация) коренного мусульманского населения (напр., мухаджирство) в Турцию – в одних случаях поощрение этой политики властями, в других – препятствие переселению и т.д.; взаимоотношения мусульман и христиан в повседневной жизни (на бытовом уровне): христианские святыни мусульман Кавказа, Крыма и

Балкан. Возможно привлечение фольклорного материала и других источников.

Тема 5. *Репрезентация образа Османской* (как самостоятельные варианты «Другого»: России, Балканских стран и Кавказа, Крымского ханства, Украины, Австро-Венгрии и т.д.) *империи в массовом сознании и культуре народов России Нового и Новейшего времени.*

Мифологема «Запад – Восток» (оценочная шкала) и связанные с ней идеологемы, сознательно конструируемые по тому или иному конкретному поводу, служили и продолжают служить информационным и идеологическим обеспечением программ достижения политических и иных целей. Русские и турки, живя бок о бок на протяжении столетий, фиксировали в собственном сознании и творчестве весьма противоречивые образы друг друга. Западная мифологема «Запад – Восток», воспринятая Россией, разделила интеллектуальную элиту на западников (либерал-демократов) и славянофилов (почвенников, народников). Одна из задач проекта – преодолеть историографические стереотипы восприятия Турции и турок в России и наоборот (а также преодоление стереотипов в отношении других народов). Тема проекта предполагает изучение образа Турции и турка, чрезвычайно многообразного, как феномена общественного сознания; формирования образа в различных социальных средах за пределами Российской империи, и в ней самой; исследование массовой, «простонародной» культуры, противостоящей элитарной, профессиональной культуре; изучение современных идентификационных образов Турции (при условии исследования реалий XXI в.), порождаемых социо-гуманитарными науками и СМИ; художественно-литературные и художественно-изобразительные образы турка и т.д.

Тема 6. *Роль Святых Писаний в культуре народов Кавказа-Крыма-Балкан (XVIII – XXI вв.).*

Здесь представляется необходимым обратить внимание на следующие проблемы: 1. Место и роль Библии и Корана во взаимоотношениях Христианства и Ислама (история и современность). Соотношение Библии и Корана; 2. История

переводов Библии и Корана в означенном ареале; 3. Отражение местных языковых и культурных традиций в переводах Библии и Корана; 4. Значение переводов Библии и Корана в культуре народов рассматриваемого ареала; 5. Отношение инаковерующего населения стран(ы) к переводам Библии и Корана и т.д.

Тема 7. Город в социальном и этнокультурном пространстве народов Кавказа-Крыма-Балкан (XVIII – XX – XXI вв.).

Городская культура всегда была показателем развития нации, ее духовных достижений. В городах создавались материальные и духовные ценности. Благодаря средоточию культурного, образовательного, научного, промышленного потенциала, город является основой социально-культурной модернизации страны. В рамках основной темы возможно рассмотрение следующих исследовательских проблем: городская культура в ареале Кавказа-Крыма-Балкан: история и современность; этничность и религия в условиях современного города; горожанин и горожанка Кавказа-Крыма-Балкан в прошлом и настоящем; гендерные исследования; ислам и христианство в столичных мегаполисах Кавказа-Крыма-Балкан и т.д.

Предложенные темы (перечень может быть продолжен), разумеется, не исчерпывают всей палитры возможных исследований ареала Кавказа-Крыма-Балкан. Проект предполагает широкий тематический охват, отражающий практически все сферы социальной жизни обществ рассматриваемых стран: политические процессы, международные отношения, экономику, трансформацию социальных структур и институтов (гражданское общество, социальная и семейная политика, гендерные отношения...), демографию, миграцию, национализм, городскую жизнь и культуру.

Принимая во внимание территориальные границы исследования, языковую и этноконфессиональную полифонию, специфику менталитета акторов (населения) в каждом конкретном случае и целый комплекс иных факторов, желательно активное участие в Проекте зарубежных специалистов различных научных направлений, прежде всего из стран изучаемого ареала и сопредельных территорий. Результаты международной

коллективной творческой работы по изучению отдельных «частных» тем станут базой для дальнейшей продуктивной разработки ключевых проблем ККБ, позволят глубже раскрыть и понять историко-культурные взаимосвязи между странами и народами Кавказа, Крыма и Балкан.

Однако слабым местом Проекта (на сегодняшний день) является включение в сферу исследования Крымского полуострова – южной части современной украинской территории. «Черноморский регион нуждается в новом аналитическом фундаменте, поскольку система имеющихся взглядов на его проблемы оказалась неспособной предложить решения, позволившие бы за последние 25 лет продвинуться в решении старых проблем» [9], в числе которых крымско-татарский вопрос, актуализировавшийся с распадом Советского Союза. Деятельность крымско-татарских организаций оживилась и в Турции и на Балканах.

После развала СССР события некогда общей истории перестали быть для Украины общими событиями. То, что прежде казалось незначительным для понимания международных отношений и т.д., стало чрезвычайно важным. Вхождение «украинских земель» в состав России расценивается ныне как уничтожение «Украинской казацкой державы», как одно из «тяжких преступлений царизма перед украинским народом» [10], а итог пребывания «Украины» в составе России оценивается как отрыв от европейской цивилизации и деградация. О реориентации Украины свидетельствует и тот факт, что, подписав в июле 1997 года договор о партнерстве с НАТО, она уже в октябре стала одним из инициаторов создания регионального объединения Грузии, Украины, Узбекистана, Азербайджана и Молдовы (ГУУАМ), целью которого являлось снижение зависимости от энергоресурсов России [11].

На постсоветском пространстве развернулась настоящая война, в том числе и за историю, имеющая, к сожалению, ярко выраженную антироссийскую направленность. Так что Украина не одинока в своем стремлении конструирования истории, противоположной той, что ей «навязывалась прежде» [12]. Для нации, которая обрела государственность в независимой форме,

подобные действия в общем-то извинительны и понятны, но на пути к этому есть одно важное обстоятельство - необходимо все-таки соблюдать историческую правду.

Сказанное относится и к постсоциалистическим странам, в которых с конца 80-х – начала 90-х гг. XX столетия наблюдается процесс изменения исследовательских приоритетов и характера освещения поднимаемых проблем. Эту тенденцию отмечают многие исследователи и, как пишет В.И. Косик: «... пожалуй из всех балканских стран Болгария имеет больше всего страниц в своей истории, которые с удовольствием вычеркнули бы некоторые историки. ... С точки зрения некоторых мыслителей, ... Освободив Болгарию, самодержавная Россия тем самым нарушила естественный или, скажем, эволюционный процесс обретения государственности через демократическую трансформацию Османской империи» [13] и т.д. и т.п.

Поскольку исторические события всегда будут интерпретироваться под знаком определенных идей, работа над Проектом предполагает стремление к деполитизации исследуемых проблем. Кроме того «история не может замыкаться в узких рамках, даже если эти рамки являются государственными границами. Если строго соблюдать эти границы, то ни одну историческую проблему по настоящему решить нельзя» [14].

Думается, что здравый смысл позволит преодолеть Крымско-Украинский порог, а также подобные ему в иных регионах - это не только откроет новые возможности в освещении истории взаимоотношений России и Украины (и других народов и стран), но и позволит вскрыть новые пласты прошлой истории объекта нашего изучения и оценить реалии дня сегодняшнего.

Результаты исследования могут стать хорошей базой для дальнейшей разработки ключевых проблем имперской истории. По результатам исследования будут выявлены приоритетные тематические блоки, разработка которых может осуществляться в дальнейшем в форме индивидуальных или коллективных научно-исследовательских проектов. Другим практическим направлением явится внедрение результатов исследований в учебный процесс, разработка учебно-методических пособий и методических материалов для учебных программ к лекционным и

специальным курсам, создание новых учебно-методических комплексов по тематике Проекта и т.д.

Первым шагом на пути реализации Проекта, зародившегося у меня еще в 2002 г., может стать конференция, которую Институт славяноведения РАН (Москва), совместно [Северо-Кавказским федеральным университетом](#) (Ставрополь) планирует провести в 2014 г.. Как видно из названия конференции *«Кавказ-Балканы: геополитические, этноконфессиональные, региональные и локальные компоненты национального менталитета мусульманского и христианского населения в XVIII- XX вв.»* - на данном этапе крымско-украинская тематика пока отсутствует по указанным выше причинам. Привожу примерный план конференции, каждый вопрос которой можно рассматривать и как самостоятельно/промежуточные «частные» темы Проекта.

1. Сравнительный анализ проблем этнополитического и геополитического развития Балкан и Кавказа в общественном сознании и периодике. Проблема «Кавказ-Балканы» в различных типах дискурса.

2. Сравнительное исследование по проблеме социокультурного пограничья Кавказа и Балкан: вопросы идентичности в зонах пограничья, проблемы столкновений и заимствований в зонах социокультурного пограничья, образ границы в представлениях населения пограничья Кавказа и Балкан – сравнительный анализ, хозяйственные отношения и повседневность в контактных зонах на Кавказе и на Балканах.

3. Кавказ и Балканы в контексте интеллектуальной истории. Особенности формирования исторической памяти жителей Балкан и Кавказа и особенности массового сознания в этих макрорегионах в разные исторические периоды. Образы Кавказа в картине мира жителей Балкан и образы Балкан в картине мира жителей Кавказа.

4. Кавказ и Балканы в мировой политике. Балканы и Кавказ в имперском пространстве Российской и Османской империй. Проблема маркировки территорий. «Воображаемое пространство» и конструирование новых ментальных карт.

Заключение

Идея предлагаемого Проекта зародилась в так называемые «нулевые годы», однако попытки решение вопроса всегда упирались в проблему финансирования. Думается, наступило время, когда это препятствие может быть успешно преодолено в случае перерастания проекта в международный, с соответствующей финансовой поддержкой всех заинтересованных сторон, так как потребуются создание координационного органа, проведение международных научных форумов, круглых столов с изданием результатов научных исследований и т.д. Но, как известно, дорогу осилит идущий.

Примечания

1. *Харламний Политидис*. Русско-турецкое противоборство... pravoslavie.ru>Аналитическое обозрение>5113.htm (дата 27 янв. 2013 г.).
2. *Муртузалиев С.И., Магомедова М.А.* Дипломатическая и административная деятельность России в Болгарии (1850-е–1885 годы) (К 130-летию Освобождения Болгарии). Махачкала, 2009. С. 32-33.
3. *Искендеров Петр*. Балканский регион как часть глобальной «дуги нестабильности» // perspektivy.info > history/...oriografii.htm (дата 30 мая 2011 г.).
4. Российский государственный исторический архив. Фонд 776. Оп. 32. Д. 132. Л. 311.
5. *Харламний Политидис*. Русско-турецкое противоборство...
6. *Бгажноков Б.Х.* Основания гуманистической этнологии. М., 2003. С. 86.
7. *Агаларов Сардар*. Положение населения юга республики на грани... //flnka.ru>...sardar-agalarov...na-grani-katastrofy.html
8. BSNews :: Крым в свете национальных интересов Турции, ее политика... // BlackSeaNews.net>read/50109
9. BSNews :: Крым в свете национальных интересов Турции, ее политика...// BlackSeaNews.net>read/50109
10. *Турченко Ф.Г., Мороко В.М.* Історія України. Кінець XVIII- початок XX століття. Підручник для 9 кл. загальноосвіт. навч. закл. Київ: Генеза, 2003. С. 74.
11. *Журженко Т.Ю.* Евразийцы без энтузиазма, европейцы без приглашения: дилеммы украинской геополитической идентичности // Политическая наука. 2006. № 2. С. 10.
12. *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992. С. 11
13. *Косик В.И.* Футурология прошлого (К вопросу об исторической памяти) // Россия и Болгария. К 125-летию русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Сб. статей. М., 2006. С. 144; Славянский мир: проблемы истории и современности (Памяти Владимира Константиновича Волкова). М., 2006. С. 111, 116-117, 127.
14. Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств / Под ред. А.А. Данилова и А.В. Филиппова. [Доклад.] // [worldhist.nichost.ru>library/review/435/7392/](http://worldhist.nichost.ru/library/review/435/7392/)

ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА ИРИ И РОССИЙСКО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ¹

Ядерная программа Исламской Республики Иран (ИРИ) является одной из актуальнейших и острейших проблем современных международных отношений. Иран как одна из наиболее динамично развивающихся стран, несомненно, заинтересована в освоении такого важного природного ресурса, как уран и имеет полное право на его добычу.

Революция 1978–1979 г. в Иране наглядно продемонстрировала всему миру способность иранцев отстаивать свои права и свободы. Стало понятно, что иранцы больше не хотят и не будут терпеть какие-либо признаки неуважения или агрессии со стороны других стран. Именно поэтому Иран так рьяно отстаивает свои права на добычу и освоение мирной атомной энергии. Актуальность данной темы подтверждается и заинтересованностью многих стран в решении этого вопроса. Среди них выделяется Российская Федерация, которая уже долгое время является одним из основных партнеров Ирана. Стоит отметить, что Россия сыграла и продолжает играть огромную роль в развитии мирного атома ИРИ. Однако такие страны, как США намеренно видят в успешно развивающемся Иране, очередную «империю зла». Нестабильная ситуация на Ближнем Востоке, война в Ираке, а также международный терроризм позволяют США все более активно вмешиваться в дела ближневосточных стран и Ирана.

Идея строительства первого атомного реактора возникла еще в шахском Иране. В конце 1960-х гг. Иран получил от США – своего основного партнера – первый реактор малой мощности. Строительство промышленного ядерного реактора олицетворяло

¹ Статья написана при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках реализации мероприятий ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы по теме «Политика России на Кавказе в прошлом и настоящем: документальная база, интерпретации и противодействие фальсификации истории» (Соглашение 14.В37.21.0966).

собой новый этап «белой революции» и начало обширной индустриализации Ирана, которая шла в русле шахской модернизации страны. В 1968 г. Иран подписывает Договор о нераспространении ядерного оружия, а в 1974 г. была создана «Организация по атомной энергии Ирана». По плану этой организации на территории Ирана планировалось возвести 20-25 энергоблоков, которые в совокупности давали 25 т. мвт электричества [1]. С этого же года иранское правительство начинает сотрудничать с ведущими атомными странами Запада. Было решено построить две АЭС в провинции Фарс в г. Бушер и еще две в провинции Хузестан в г. Авхаз. Однако из-за проблем с выдачами займов, окончательно было решено построить два энергоблока в г. Бушер. Работы по строительству АЭС в Бушере были начаты через год под руководством немецкой компании Kraftwerk Union. Об ускоренном темпе строительства говорит то, что уже к 1979 г. было построено само здание АЭС и на 80% завершён монтаж установок. Стоит отметить, что начало освоения Ираном ядерной отрасли на тот момент не вызвало какого-либо беспокойства у стран Запада. Причиной этому, во-первых, является полная лояльность шахского режима к США, а во-вторых, то, что подписав Договор о нераспространении ядерного оружия, Иран открыл специалистам Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) доступ к строящимся объектам с целью инспекции. Шах неоднократно подчеркивал, что Иран должен пользоваться полными правами в рамках Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) – соглашения, призывающего неядерные государства к отказу от стремления обладать ядерной бомбой взамен на получение облегченного [2]. Однако амбициозным мечтам шаха М. Пехлеви не суждено было сбыться. Иранская революция 1978–1979 г. и смена политического режима отсрочила постройку АЭС на территории Ирана на несколько десятилетий. Из-за резкой смены идеологических взглядов, моментально обострились отношения с США и странами Запада, а с началом ирано-иракской войны, новым властям Ирана было не до атомной энергии.

Ядерная промышленность Ирана получила свой новый виток развития в начале 1990-х гг. Необходимость в новых

экономических партнерах, которые не зависели от санкций США, привели к сближению Исламской Республики Иран с Российской Федерацией. Новой России были необходимы партнеры для расширения и укрепления своей экономики. Для России сотрудничество с Ираном стало делом, которое принесло ей определенное количество выгод; а так же российско-иранское партнерство стало своего рода оппозицией партнерству США с рядом Европейских стран. Таким образом, 24 августа 1992 г. Россия и Иран заключают два межправительственных соглашения «Договор о сотрудничестве в сфере мирного использования атомной энергии» и «Договор о сотрудничестве в сооружении АЭС на территории Исламской республики Иран» [3]. По второму соглашению Россия обязывалась возвести на территории г. Бушер два энергоблока, а также создать учебно-тренировочный центр для подготовки и переподготовки эксплуатационного персонала будущей АЭС. Так как подразумевалось мирное использование атомной энергии, в договоре четко прописывались действия Ирана по утилизации ядерных отходов, которые могут быть использованы для создания ядерного оружия. В соглашении указывалось: «Ядерные материалы, ядерное оборудование и установки, импортируемые из России в рамках этого Соглашения, материалы установки, произведенные на их основе или с их использованием, не будут использованы для производства ядерного оружия и других ядерных взрывных устройств, а также способствовать достижению какой-либо военной цели, и будут находиться под контролем МАГАТЭ в течение всего срока их фактического использования» [4]. В результате данного соглашения в 1995 г. был подписан контракт на завершение строительства первого энергоблока бушерской АЭС. Строительство выполняла российская компания «Атомстройэкспорт». Россия получила немалую выгоду с этого контракта: 80% работы Иран оплачивал твердой валютой и 20% в виде поставок товаров [5]. Иранская сторона в свою очередь, учитывая российский опыт, могла рассчитывать на своевременное выполнение всех работ по строительству АЭС. Можно с уверенностью сказать, что

контракт с Ираном, стал одним из крупнейших в постсоветской России.

Однако, не смотря на столь позитивное начало российско-иранских отношений, их прочность была проверена в том же 1995 г., после введения США торгово-экономических санкций против Ирана. В том же году, Россия, по меморандуму Гора-Черномырдина обязалась не поставлять военную технику в Иран и отозвать уже отправленную. По некоторым данным Россия в ходе этой сделки потеряла до 4 млрд долл. [6]. Тегеран отреагировал на этот ход Москвы крайне негативно. Однако уже в 2000 г. российская сторона официально уведомила США об отказе от всех договоренностей и о продолжении поставок вооружений в Иран.

Несомненно, уже тогда США намеривались тем или иным способом ограничить военное и энергетическое развитие Ирана.

В 2003 г. США официально обвиняет ИРИ в производстве ядерного оружия. Поводом для этого послужили отчеты и инспекции МАГАТЭ в Иране, где было сказано об отказе иранской стороны пустить экспертов МАГАТЭ на территорию предприятий, а также в предоставлении полной и исчерпывающей информации о ядерных экспериментах Ирана. Президент США Джордж Буш, который открыто обвинял Иран в финансировании террористических группировок, заявил, что США примет все меры для того чтобы добиться международной изоляции Ирана дабы предотвратить процесс создания ядерного оружия. Причины такого поведения США кроются не только в ядерном оружии, якобы создающимся на территории Ирана, а больше в несоответствии и различии двух политических систем. США, как мирового гегемона, не устраивает появление новой, даже мирной атомной державы. Позиция Российской Федерации в этом вопросе такова: Россия будет поддерживать Иран.

В 2005 г. в США была одобрена «Доктрина объединённых ядерных операций», подразумевающая использование своего военного превосходства для нанесения превентивных ударов по противнику и допускающая односторонние действия без прохождения их через процедуру одобрения международным сообществом [7].

С избранием в 2005 г. нового президента ИРИ Махмуда Ахмадинежада позиция ИРИ по ядерной проблеме ужесточилась. Иран срывает пломбы с атомных объектов, наложенных представителями МАГАТЭ, и продолжает работы. М. Ахмадинежад практически в каждом своем интервью заявлял о праве Ирана, как свободной страны заниматься атомной сферой, при этом указывая, что ведется разработка именно мирного атома. Российские специалисты и лично директор Службы внешней разведки С. Лебедев подтверждают данные о разработке в Иране мирного атома [8].

К 2006–2007 гг. ирано-американское противостояние достигло пика своей напряженности. ИРИ подвергалась беспрецедентному давлению со стороны США и других стран Запада. В свете этого Иран пребывал в состоянии, которое можно охарактеризовать как перманентную защиту от внешнего фактора, т.е. США [9]. Однако МАГАТЭ и США отказывались прислушиваться к фактам и вводили все новые и новые санкции против Ирана. Для урегулирования ситуации, Россия предложила иранской стороне перенести процесс обогащения урана на свою территорию и создать совместное предприятие на территории России. Однако Иран отказался от этого, казалось бы, логичного шага. Все дело в том, что для мусульманской страны сам факт владения атомной энергией даже в малых количествах – символ престижа и экономической развитости именно поэтому Иран и отказывается от российского предложения.

Следующие семь лет прошли для Ирана очень болезненно. Стране приходилось отвечать на нападки стран Запада, агентства МАГАТЭ. Ситуация обострилась настолько, что президент М. Ахмадинежад стал угрожать выходом Ирана из договора о нераспространении ядерного оружия. США в свою очередь, угрожал провести воздушную военную операцию на территории Ирана при поддержке Израиля, враждебно настроенного по отношению к ИРИ. В новой американской «Стратегии национальной безопасности» Иран был назван врагом №1, открыто заявлялось, что ИРИ поддерживает террористические группировки, создает ядерное оружие и стремится подорвать мир

на Ближнем Востоке [10]. Интересно, что реакция МАГАТЭ на этот доклад была крайне негативной.

В августе 2010 г. было завершено строительство АЭС Бушер, в 2011 г. она была подключена к сети. Хотя строительство и затянулось на долгий срок, появление первой и самой крупной АЭС на Ближнем Востоке стало символом несгибаемости иранского руководства по этому вопросу.

Ситуация крайне обострилась в 2012 г. В марте 2012 г. в Иран были отправлены эксперты МАГАТЭ для очередной инспекции по проверке на наличие ядерного оружия. Однако через 3 дня эксперты были высланы из страны. Это стало поводом для новых санкций Запада. Израильский премьер-министр Беньямин Нетаньяху выступил с докладом, в котором указывалось, что политика Ирана угрожает национальной безопасности Израиля и требовал нанести ракетный удар по территории Ирана. Однако требование Израиля не было выполнено. Положение усугубило совместное ирано-корейские испытание северокорейской межконтинентальной баллистической ракеты на территории КНДР. Угроза войны в Иране стала очевидной. Российская сторона заявила, что не допускает иностранного военного вмешательства таких суверенных стран, как Иран и КНДР со стороны США. А президент России Владимир Путин отказался ехать на саммит G8, тем самым ясно дав понять, что Россия не поддерживает давление на Сирию, Иран и КНДР [11].

Таким образом ситуация вокруг ядерной программы Ирана достигла своего апогея. В худшем варианте событий это может перерасти в крупный военный конфликт, как было в случае Ираком. Обеспокоенность вызывает тот факт, что сейчас, когда военные базы НАТО расположились на территории соседних с Россией стран, при условии военного конфликта в Иране, Россия, оказывая поддержку ИРИ, рискует своей безопасностью. Именно в этом и состоит угроза региональной безопасности. России и странам, поддерживающим Иран, необходимо проявить чудеса дипломатии для решения этого вопроса. В целом же, иранская ядерная проблема ставит под угрозу не только региональную, но и глобальную безопасность. Сам факт того, что в конфликте

участвует большое количество стран, вызывает опасение, что конфликт может перерасти в мировой.

Однако российско-иранские отношения в атомной сфере все еще крепки и есть уверенность, что страны – партнеры Ирана не допустят военного конфликта. Российское правительство продолжает, и будет продолжать сотрудничество с Ираном.

Примечания

1. Чекушкин А.Н. Ядерная программа России и Ирана: проблемы и перспективы сотрудничества // Гуманитарий: Актуальные проблемы науки и образования. Саранск, 2006. С. 66.

2. Лебедева Е.В., Борков А.Б. Иранская ядерная программа: процесс создания и реакция мирового сообщества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. С. 120.

3. Текст договора «О сотрудничестве в сооружении АЭС на территории Исламской Республики Иран»//Сборник документов по современной истории России. М. 2010. С.89..

4. Там же.

5. Ромашкина Н.В. Иранский атомный узел//Азия и Африка сегодня. М., 2006. С.42.

6. Кремль отказался не от сделки Гор-Черномурин, а от продолжения Ельцинской внешней политики. Официальный сайт «Независимой газеты»//http://www.ng.ru/politics/2000-11-24/1_denies.html (дата обращения: 21.07.13).

7. Вартамян Э.Г. Внешняя политика Исламской Республики Иран: отношения с США и иранская ядерная проблема (1990–2009) // Международные отношения: история и современные аспекты. Теория и исследовательские практики. Вып. 2. М.: Ставрополь, 2011. С. 186.

8. Директор СВР раскрыл РГ секреты своей профессии. Официальный сайт «Российской газеты». <http://www.rg.ru/2005/12/20/lebedev-svr.html> (дата обращения: 21.07.13).

9. Вартамян Э.Г., Вартамян С.Р. Исламская Республика Иран на рубеже XX–XXI вв.: к вопросу о безопасности в регионе Большого Ближнего Востока // Вестник Московского открытого гуманитарного университета. М., 2011. № 1. С. 47.

10. Гришаева Л.Е. ООН, Россия и «Иранская ядерная угроза» // Новый исторический вестник. М, 2008. С. 92 .

11. Путин не поехал на саммит G8 из-за Ирана и Кореи. Официальный сайт Итар-Тасс [URL:http://www.itar-tass.com/c1/853925.html](http://www.itar-tass.com/c1/853925.html) (дата обращения: 10.08.2013).

Сведения об авторах

Аветисян Владимир Рудольфович, студент ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский Федеральный университет», г. Ставрополь.

Алмазов Исса Геннадиевич, соискатель, и.о. начальника Отдела научных исследований Государственной архивной службы Республики Ингушетия, г. Назрань.

Баранов Андрей Владимирович, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор Кубанского государственного университета, профессор кафедры политологии и политического управления, г. Краснодар.

Бондаренко Владимир Игоревич, аспирант кафедры новейшей отечественной истории факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета, г. Краснодар.

Брацун Егор Васильевич, аспирант кафедры дореволюционной отечественной истории факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета, младший научный сотрудник НИЦ ТК ГБНТУ Кубанский казачий хор г. Краснодар.

Вартаньян Эгнара Гайковна, доктор исторических наук, профессор Кубанского государственного университета, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, г. Краснодар.

Великая Наталья Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Армавирской государственной педагогической Академии (АГПА), г. Армавир.

Гармаш Анастасия Анатольевна, студентка 5 курса факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета, г. Краснодар.

Горожанина Марина Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета, г. Краснодар.

Иванов Александр Гаврилович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений Кубанского государственного

университета, проректор по учебной работе и качеству образования, первый проректор КубГУ, г. Краснодар.

Клепиков Станислав Сергеевич, студент 5 курса факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета, г. Краснодар.

Клычников Юрий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры Российской и зарубежной истории Пятигорского государственного лингвистического университета, г. Пятигорск.

Косов Александр Петрович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь.

Кринко Евгений Федорович, доктор исторических наук, зам. директора по научной работе Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, г. Ростов-на-Дону.

Кумпан Вадим Александрович, кандидат исторических наук, доцент Кубанского государственного университета, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, г. Краснодар.

Кумпан Екатерина Николаевна, кандидат исторических наук, доцент Кубанского государственного университета, кафедра новой, новейшей истории и международных отношений, г. Краснодар.

Матвеев Олег Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета, г. Краснодар.

Махалкина Мария Александровна, аспирантка кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Кубанского государственного университета, г. Краснодар.

Муртузалиев Сергей Ибрагимович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра по подготовке «Всемирной истории», Институт Всеобщей истории РАН, г. Москва.

Раков Виктор Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Курского государственного университета, г. Курск.

Ракачёв Вадим Николаевич, кандидат исторических наук, доцент Кубанского государственного университета, г. Краснодар.

Ракачёва Ярослава Владимировна, кандидат исторических наук, доцент Кубанского государственного университета, кафедра социологии, г. Краснодар.

Ратушняк Олег Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент Кубанского государственного университета, докторант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, г. Краснодар.

Рахаев Джамал Якубович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН, г. Москва.

Сиражудинова Саида Валерьевна, кандидат политических наук, докторант Южно-Российского института, филиал РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону.

Хлынина Татьяна Павловна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник лаборатории истории и этнографии Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН (ИСЭГИ ЮНЦ РАН), г. Ростов-на-Дону.

Хут Людмила Рашидовна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории Адыгейского государственного университета, г. Майкоп.

Цыбулькикова Анастасия Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и региональной истории Армавирской государственной педагогической академии (АГПА), г. Армавир.

Чёрный Владимир Иванович, кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей отечественной истории Кубанского государственного университета, г. Краснодар.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
1. ВХОЖДЕНИЕ ЗАКАВКАЗЬЯ И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В СОСТАВ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ	
Вартаньян Э.Г. Вхождение Закавказья в состав Российской империи в исторической литературе	5
Хут Л.Р. Вхождение Северного Кавказа в состав России в историографических практиках исторической политики (<i>субъективные заметки</i>)	18
Матвеев О.В. Политика России на Кавказе XVIII–XIX столетий в оценках турецких историков.....	27
Кринко Е.Ф. Кавказская война в исторической памяти Юга России: мемориальные версии	36
Хлынина Т.П. Россия и Кавказ: болевые точки взаимодействия и стратегии “исторического” примирения.....	45
Клычников Ю.Ю. «Черкесский вопрос» в современном историческом дискурсе	54
Гармаш А.А. Движение мюридизма на Кавказе и позиция России: проблемы и оценки	63
2. ПОЛИТИКА РОССИИ НА КАВКАЗЕ В XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.: ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ БАЗА И ОЦЕНКИ	
Великая Н.Н. О методах российской политики на Северном Кавказе в первой половине XIX в.	69
Рахаев Д.Я. Темгрюк Идаров в исторической памяти кабардинцев: воин, дипломат, национальный герой	76
Алмазов И.Г. Кавказская Туземная конная дивизия в историческом диалоге – Россия и Кавказ, первая половина XX в. /документы и материалы/	84
Брацун Е.В. Политика России на Северо-Западном Кавказе в первой половине XIX в.: формирование	

и служба Кавказского Конно-Горского полка	93
Горожанина М.Ю. Политика Русской Православной Церкви на Северном Кавказе в XIX–XX вв. по материалам архивных документов... ..	99
Кумпан Е.Н. Проблема религиозного самоопределения на Кавказе в начале XX в.	108
Цыбульников А.А. К вопросу о статусе женщин-рабынь У адыгов в первой половине XIX в.....	118
Раков В.В. Газета «Вольный горец» как источник по истории Гражданской войны 1918–1920 гг. на Северном Кавказе	126
Ракачев В.Н., Ракачева Я.В. Этнический аспект государственной политики по управлению миграциями в 1920–1940-е гг. на Северо-Западном Кавказе	134

3. СЕВЕРНЫЙ И ЮЖНЫЙ КАВКАЗ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI В. В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Иванов А.Г. Россия и Южный Кавказ: наследие прошлого и реалии XXI.....	143
Косов А.П. Основные аспекты внешней политики Российской Федерации в Закавказье	150
Баранов А.В. Материалы экспертных опросов как источник исследования политики России на Кавказе в начале XXI в.....	159
Ратушняк О.В. Политика Российской Федерации на Кавказе: проблемы и перспективы	167
Сиражудинова С.В. Проблемы изучения Северного Кавказа (политико-правовой и социологический аспект)	173
Кумпан В.А. Южный Кавказ в условиях глобализации: политические предпочтения и экономические интересы	181
Махалкина М.А. Национальные интересы России на Южном Кавказе в 1991–2008 гг.	190
Чёрный В.И., Бондаренко В.И. Спитакское землетрясение и помощь регионов РСФСР пострадавшим районам Армении в 1988–1991 гг. (на примере Краснодарского края)	197

Аветисян В.Р. Армения – последний форпост России в Закавказье	206
Муртузалиев С.И. Международный мультидисциплинарный проект по изучению Кавказа, Крыма и Балкан в XVIII–XXI вв.	211
Клепиков С.С. Ядерная программа ИРИ и российско-иранское сотрудничество в контексте региональной безопасности	225
Сведения об авторах	232

Научное издание

**ПОЛИТИКА РОССИИ НА КАВКАЗЕ В ПРОШЛОМ
И НАСТОЯЩЕМ: ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ БАЗА,
ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ
ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ**

Материалы Всероссийской научно-практической конференции

Подписано в печать 02.10.2013.

Формат 60) x 84 1/16.

Печать цифровая..

Усл. печ. ед. 14,3.

Тираж 500 экз.

Заказ № 1596.

Кубанский государственный университет
Издательско-полиграфический центр КубГУ
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149